

Центр
исследований
постсоветских
стран

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

2023 Том 6 № 6

<https://www.postussr.org>

Электронный научный журнал

Издается с 2018 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 71895 от 13 декабря 2017 г.

Учредитель: Курылев Константин Петрович

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Курылев Константин Петрович

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Москва,
Российская Федерация,
kuryljov@narod.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Пархитько Николай Петрович

кандидат исторических наук, доцент
РУДН, Москва, Российская Федерация,
scharnchorst@mail.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Губайдулина Мара Шаукатовна

доктор исторических наук,
профессор, КазНУ им. Аль-Фараби,
Алматы, Республика Казахстан,
maragu@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Смолик Надежда Григорьевна

старший преподаватель,
РУДН, Москва,
Российская Федерация,
nadian@list.ru

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аватков Владимир Алексеевич, доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук (ИНИОН РАН), заведующий отделом, Ближнего и Постсоветского Востока, главный редактор журнала «Ближний и Постсоветский Восток», Москва, Российская Федерация

Аглян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного управления Ереванского государственного университета, Ереван, Республика Армения

Арчана Упадхай, профессор, руководитель Центра исследований России и Центральной Азии Школы международных исследований Университета Джавахарлала Неру, Дели, Республика Индия

Бейбутова Рысбюбю Алджамбаевна, кандидат филологических наук, декан факультета международных отношений и востоковедения Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, Бишкек, Кыргызская Республика

Гущин Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института постсоветских и межрегиональных исследований Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Дегтерев Денис Андреевич, доктор политических наук, профессор департамента международных отношений факультет мировой экономики и мировой политики Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» – исследовательский университет (НИУ ВШЭ), Москва, Российская Федерация

Достанко Елена Анатольевна, кандидат политических наук, декан факультета международных отношений Белорусского государственного университета, Минск, Республика Беларусь

Есдаулетова Ардак Мэлсовна, доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева, Нур-Султан, Республика Казахстан

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации», Москва, Российская Федерация

Зеленева Ирина Владимировна, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой политики Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет» (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Ибрагимов Алимуса Гюльмуса оглу, доктор философии по политическим наукам, преподаватель кафедры «Международные отношения» Бакинского государственного университета, Баку, Республика Азербайджан

Ибраева Эльмира Алпамысовна, доктор исторических наук, вице-президент в Казахстане Академии информации и бизнеса, Алматы, Республика Казахстан

Лапенко Марина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры сравнительной политологии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), директор Информационно-аналитического центра «Евразия-Поволжье», Москва, Российская Федерация

Мавланов Ибрагим Раджабович, доктор экономических наук, профессор кафедры Международные финансы и инвестиции Университета мировой экономики и дипломатии Республики Узбекистан, декан факультета практической дипломатии Дипломатической академии Республики Узбекистан, Чрезвычайный и Полномочный посол, Ташкент, Республика Узбекистан

Майтдинова Гузель Майтдиновна, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российско-таджикского славянского университета (РТСУ), директор Центра геополитических исследований РТСУ, член-корреспондент Таджикской академии архитектуры и строительства, Душанбе, Республика Таджикистан

Маркедонов Сергей Мирославович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра евро-атлантической безопасности Института международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО (У)), Москва, Российская Федерация

Ныгусие Кассеа Вальтер Микаэль, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Полоскова Татьяна Викторовна, доктор политических наук. Государственный советник Российской Федерации Первого класса, Председатель Межрегионального общественного движения «Евразийский народный союз». Член Экспертного совета по общественно-гуманитарным программам при Россотрудничестве, Москва, Российская Федерация

Робертс Кэри, доктор философии по политическим наукам, доцент кафедры политологии факультета экономики, юстиции и политических исследований Университете Маунт Ройал, Калгари Канада

Рцхиладзе Гулбаат Викторович, кандидат политических наук, директор Института Евразии, Тбилиси, Грузия

Саква Ричард, доктор философии по политическим наукам, профессор факультета политологии и международных отношений Университета Кента, Великобритания

Симонс Грег, доктор философии по политическим наукам, профессор института российских и евроазиатских исследований Университета Уппсала, Швеция

Станис Дарья Владимировна, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Российский университет дружбы народов» (РУДН), Москва, Российская Федерация

Томанн Пьер-Эммануэль, доктор философии по геополитике, Президент Eurocontinent (Брюссель, Бельгия), доцент Университета Лион III, университета Жана Мулена (Лион), профессор геополитики в ISSEP (Лион), Французская Республика

Федорченко Сергей Николаевич, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Государственного образовательного учреждения высшего образования Московской области «Московский государственный областной университет» (МГОУ); главный редактор «Журнала политических исследований» Москва, Российская Федерация

ЖУРНАЛ ПОСТСОВЕТСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Издается Центром исследований постсоветских стран (ЦИПС), Москва, Россия

ISSN: 2618-7426 (online)

8 выпусков в год.

Тематика журнала в терминах действующей номенклатуры специальностей научных работников:

5.6.7 – История международных отношений и внешней политики – отрасль науки (исторические)

5.5.4 – Международные отношения – отрасль науки (политические)

Издается при научно-методической поддержке Центра исследований постсоветских стран (ЦИПС).

Журнал включен в список ВАК РФ от 22 октября 2021 г.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, и Google Scholar.

Языки: русский, английский, французский, немецкий.

Официальный сайт журнала: <https://www.postussr.org>

Цель и тематика

Перед журналом «Постсоветские исследования» ставится цель публикация материалов на основе комплексного междисциплинарного изучения существующих проблем и тенденций развития постсоветского пространства. В фокусе публикуемых исследований – анализ внешнеполитических концепций, стратегий и приоритетов бывших республик СССР, вызовов и угроз, с которыми они сталкиваются в условиях формирования новой полицентричной системы международных отношений. Тематическая направленность издания обуславливает необходимость привлечения в качестве авторов публикаций представителей экспертно-аналитического сообщества стран-участниц СНГ и Грузии из числа профессорско-преподавательского состава ведущих ВУЗов, независимых исследовательских центров, специалистов и официальных лиц различных уровней.

Характерной чертой журнала является то, что он отражает широкий спектр мнений специалистов, читатель получает комплексное представление о национальных интересах стран СНГ и их преломлении во внешнеполитических доктринах. Перечень тематических разделов издания включает рубрики, предполагающие анализ внешней политики и вопросов безопасности стран постсоветского зарубежья, внутривнутриполитических процессов, социально-экономических и проблем.

В первую очередь к публикации принимаются статьи по приоритетным постоянным рубрикам журнала, к которым относятся «Страны СНГ в мировой политике и экономике», «Внешняя политика стран СНГ», «Интеграционные процессы в регионе СНГ», «Конфликтный потенциал в регионе СНГ».

Тематический портфель на 2023 г., следующий:

№ 7 2023	Постсоветский кинематограф	до 01.10.2023 г.
№ 8 2023	Номер не тематический	до 01.11.2023 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте журнала <https://www.postussr.org/avtoram>.

Почтовый адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

Фактический адрес:

117133, Москва, Россия, ул. Академика Виноградова, д. 10, к. 2
e-mail: article@postussr.org

Центр
исследований
постсоветских
стран

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

2023 VOLUME 6 No. 6

[http://](http://www.postussr.org) <https://www.postussr.org>

Electronic journal

Founded in 2018

The edition is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, information technologies and mass communications.

Registration certificate: ЭЛ № ФС 77 – 71895 from 13.12.2017

Founder: Konstantin Petrovich Kurylev

EDITORIAL COUNCIL

EDITOR-IN-CHIEF

Konstantin P. Kurylev

Doctor in History, Professor,
RUDN University,
Moscow, Russia
kuryljov@narod.ru

DEPUTY EDITOR

Nikolay P. Parkhitko

PhD in History, Assistant Professor
RUDN University,
Moscow, Russia
scharnchorst@mail.ru

DEPUTY EDITOR

Mara Sh. Gubaydulina

Doctor in History, Professor,
KazNU Al-Frabi,
Almaty, Republic of Kazakhstan,
maragu@mail.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Nadejda G. Smolik

Senior Lecturer RUDN University,
Moscow, Russia,
nadian@list.ru

EDITORIAL BOARD

Aglyan Vaagn Robertovich, PhD in History, Head of the Department of Public Administration, Yerevan State University, Erevan, Republic of Armenia

Archana Upadhyay, PhD in Political Sciences, Professor, Head of the Center for Russian and Central Asian Studies, School of International Studies of the Jawaharlal Nehru University, New Delhi, Republic of India

Avatkov Vladimir Alekseevich, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAS), Head of the Department, Middle and Post-Soviet East, Chief Editor of the journal "Near and Post-Soviet East", Moscow, Russian Federation

Beibutova Risbyubyu Aldzhambaevna, PhD in Philology, Dean of the Faculty of International Relations and Oriental Studies of the J. Balasagyn Kyrgyz National University, Bishkek, Kyrgyz Republic

Degterev Denis Andreevich, Doctor in Political Sciences, Professor of the Department of International Relations, Faculty of World Economy and World Politics of the Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education National Research University Higher School of Economics – Research University (HSE), Moscow, Russian Federation

Dostanko Elena Anatolyevna, PhD in History, Dean of the Faculty of International Relations of the Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Esdauletova Ardak Melsovna, Doctor of History, Professor of the Department of International Relations of the L.N. Gumilev Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

Fedorchenko Sergey Nikolaevich, Doctor in Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Law, Deputy Dean of the Faculty of History, Political Science and Law for Scientific Work of the Moscow State Regional University (MSOU); Editor-in-Chief of the "Journal of Political Studies" Moscow, Russian Federation

Gushchin Aleksandr Vladimirovich, PhD in History, Leading Researcher at the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies of the Russian State University, Associate Professor, Moscow, Russian Federation

Ibraeva Elmira Alpamisovna, Doctor of History, Vice President, Kazakhstan Academy of Information and Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

Ibrahimov Alimusa Gulmusa, PhD in political Sciences, lecturer at the Department of International Relations of the Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan

Lapenko Marina Vladimirovna, PhD in History, Associate Professor of of the Department of Comparative Political Science, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Maitdinova Guzel Maitdinovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Foreign Regional Studies and Foreign Policy (RTSU), Director of the Centre for Geopolitical Studies of the RTSU, Corresponding Member of the Tajik Academy of Architecture and Construction, Dushanbe, Republic of Tajikistan

Markedonov Sergey Miroslavovich, PhD in History, Leading Researcher, Center for Euro-Atlantic Security at the MGIMO Institute for International Studies, Moscow, Russian Federation

Mavlanov Ibragim Radjabovich, Doctor of Economics, Professor of the MFI Department of the University of World Economy and Diplomacy of the Republic of Uzbekistan, Dean of the Faculty of Practical Diplomacy of the Diplomatic Academy of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Nygussie Kassae Wolde Mikael, Doctor in History, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Poloskova Tatyana Viktorovna, Doctor in Political Science. State Councilor of the Russian Federation, First Class, Chairman of the Interregional Public Movement "Eurasian People's Union". Member of the Expert Council on Social and Humanitarian Programs at Rossotrudnichestvo, Moscow, Russian Federation

Roberts Kari, PhD in Political Sciences, Associate Professor of Political Science in the Department of Economics, Justice, and Policy Studies at Mount Royal University in Calgary, Canada

Rzkhiladze Gulbaat Viktorovich, PhD in Politics, Director of the Institute of Eurasia, Tbilisi, Georgia

Sakwa Richard, PhD in Political Sciences, Professor of Russian and European politics at the University of Kent, The UK

Simons Greg, PhD in Political Sciences, Professor of the Institute for Russian Studies, Uppsala University, Sweden

Stanis Daria Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of the Public and Municipal Administration of RUDN University, Moscow, Russian Federation

Thomann Pierre-Emmanuel, PhD in Geopolitics, President of Eurocontinent (Brussels, Belgium), Associate Professor at Lyon III University, Jean Moulin University (Lyon), Professor of Geopolitics at ISSEP (Lyon), French Republic

Zeleneva Irina Vladimirovna, Doctor in History, Professor of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Zhiltsov Sergey Sergeevich, Doctor in Political Science, Head of the Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

JOURNAL POST-SOVIET STUDIES

Published by the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russian Federation

ISSN: 2618-7426 (online)

Periodicity - 8 issues per year

Subjects of the journal in terms of the current nomenclature of scientific specialties:

5.6.7 - History of international relations and foreign policy (Historical sciences)

5.5.4 - Political problems of international relations and global and regional development (Political science)

The journal is published with the scientific and methodological support of the Center for Studies of Post-Soviet Countries (CSPSC).

The journal is included in the list of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation of October 22, 2021.

Journal materials are posted on the RISC platform of the Russian Scientific Electronic Library, Electronic Journals Library Cyberleninka, and Google Scholar. Languages: Russian, English, French, German.

The official website of the magazine: <https://www.postussr.org>

Aims and Scope

The journal "Post-Soviet Studies" aims to publish materials based on the integrated interdisciplinary study of relevant problems and trends of the post-Soviet region. The research of the journal is focused on the analysis of foreign policy concepts, strategies and priorities of the former Soviet republics, the challenges and threats they face in the context of the formation of the new polycentric system of international relations. Thus, determines the involvement of representatives of the expert and analytical community of the CIS countries and Georgia including the staff of leading universities, independent research centers, specialists, and officials of wide professional specters as authors of publications.

A characteristic feature of the journal is that it reflects a wide range of professional opinions and gives the reader a comprehensive idea of the national interests of the CIS countries and their refraction in foreign policy doctrines. The list of thematic sections of the publication includes the headings suggesting the analysis of foreign policy and security issues of the countries of the former Soviet republics, internal political processes, economic and social problems.

First, the articles based on the priority permanent agenda that includes "CIS countries in world politics and economy", "Foreign policy of the CIS countries", "Integration processes in the CIS region", "Conflict potential in the CIS region", "Political portraits" are welcomed in journal for further publication.

Upcoming issues for 2023 will deal with the following issues:

№ 7 2023	Post-Soviet cinema	Until 01.10.2023 r.
№ 8 2023	Non-thematic issue	Until 01.11.2023 r.

Manuscript submission rules are posted on the journal website. <https://www.postussr.org/avtoram>

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Actual Address of the Editorial Board:

10/2 Academic Vinogradova str., 117133, Moscow, Russia
e-mail: article@postussr.org

Содержание

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Харитонов Н.И., Гушин А.В. Ключевые проблемы евразийской интеграции в контексте современных международных трансформаций и политики России на Евразийском пространстве.....597

Турусбеков Д.Б. Роль и место ЕАЭС во внешнеэкономической стратегии Кыргызской Республики.....610

КИБЕРТЕРРОРИЗМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Зиновин М.А., Данилов В.А. Проблема борьбы с терроризмом в киберпространстве в Республике Казахстан617

Галицына А.Э., Кембель О.В., Потапова Д.Д. Региональное сотрудничество стран Центральной Азии в борьбе с кибертерроризмом626

Абасова А.А., Абек М.А., Имаралиев Н. Внешнеполитический аспект в обеспечении безопасности и противодействия угрозам кибертерроризма в Республике Казахстан и Кыргызской Республике.....639

Колоколова Е.Э., Киреева К.Ф., Мок Вон Ли Использование социальных сетей при вербовке террористов в странах СНГ.....651

МНОГОСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Говор Д.Н., Рахимов К.Х. Кооперация АСЕАН и ШОС в Южной и Юго-Восточной Азии663

Аманбаева Д., Айдарбекова А., Сатывалдиева А., Рахимов К.Х. Роль ОДКБ в противодействии терроризму.....674

УКРАИНА

Трунов Ф.О. Эволюция поставок Германией вооружений и военной техники официальному Киеву (февраль 2022 г. – август 2023 г.).....685

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО

Сибирская А. В., Сулейков А. А. Влияние санкционного давления на экономики стран Союзного государства695

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Букреева Т.Н. Эволюция термина «стабильность» в международных отношениях: типы, модели и перспективы трансформации.....704

Contents

EURASIAN INTEGRATION

- Kharitonova N.I., Gushchin A.V.** Key problems of Eurasian Integration in the context of Modern International Transformations and Russia's Policy in the Eurasian Space597
- Turusbekov D.B.** The role and place of the EAEU in the foreign economic strategy of the Kyrgyz Republic.....610

CYBERTERRORISM IN THE POST-SOVIET REGION

- Zinovin M.A., Danilov V.A.** The problem of countering Terrorism in cyberspace in the Republic of Kazakhstan.....617
- Galitsyna A.E., Kembel O.V., Potapova D.D.** Regional Cooperation Between Central Asian Countries in Fight Against Cyberterrorism.....626
- Abasova A.A., And bek M.A., Imanaliev N.** Foreign policy aspect in ensuring security and countering cyberterrorism threats in the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic.....639
- Kolokolova E.E., Kireeva K.F., Mok Won Lee.** The use of social networks in the recruitment of terrorists in the CIS countries.....651

MULTILATERAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST TERRORISM IN THE EURASIAN REGION

- Govor D. N., Rakhimov K. Kh.** ASEAN and SCO Cooperation in South and Southeast Asia.....663
- Amanbayeva D., Aidarbekova A., Satyvaldieva A., Rakhimov K. Kh.** The role of the CSTO in countering terrorism.....674

UKRAINE

- Trunov Ph.O.** The evolution of Germany's supply of armaments to official Kiev (February, 2022 – August, 2023).....685

UNION STATE

- Sibirskaya A.V., Suleikov A.A.** Impact of sanctions pressure on the economies of the countries of the Union state.....695

RUSSIAN-CHINESE RELATIONS

- Bukreeva T.M.** The Evolution of the Term ‘Stability’ in International Relations: Types, Models and Perspectives of Transformation.....704

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ / EURASIAN INTEGRATION

Научная статья / Research article

Ключевые проблемы евразийской интеграции в контексте современных международных трансформаций и политики России на Евразийском пространстве¹

Н. И. Харитонова

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7980-6562>; e-mail: natahari@yandex.ru

А. В. Гущин

Институт постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ, Москва, Россия,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7980-6562>; e-mail: aguschin78@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика развития новых тенденций политики России на Евразийском пространстве в контексте усиливающегося противостояния России и Запада, а также переосмысления внешней политики России в сторону укрепления партнерства с незападными акторами. Авторы уделяют внимание основным вызовам, стоящим сегодня перед евразийскими интеграционными процессами, предлагая наиболее приемлемые, с их точки зрения, ответы на существующие вызовы глобального и регионального характера. Авторы определяют основные, с их точки зрения, направления развития евразийской интеграции, проблемы и пути их решения, стоя на позиции приоритетности евразийских интеграционных процессов для России. Статья основывается на материалах ситуационного анализа, состоявшегося в конце 2022 г. в Кыргызстане в рамках проекта «Точки роста». В ходе ситуационного анализа ведущие эксперты из России и стран СНГ высказали свои идеи и рекомендации относительно активизации евразийского вектора российской внешней политики, укрепления безопасности на Евразийском пространстве и роли России в этом процессе, развития гуманитарного сотрудничества, охарактеризовали основные проблемы, существующие на этих направлениях, и возможные пути их решения.

Ключевые слова: евразийское пространство, интеграция, ЕАЭС, Восток, безопасность

Для цитирования: Харитонова Н. И., Гущин А. В. Ключевые проблемы евразийской интеграции в контексте современных международных трансформаций и политики России на Евразийском пространстве // Постсоветские исследования. 2023;6(6):597-609.

Key Problems of Eurasian Integration in the Context of Modern International Transformations and Russia's Policy in the Eurasian Space

Natalia I. Kharitonova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7980-6562>; e-mail: natahari@yandex.ru

Alexander V. Gushchin

Institute of Eurasian and Interregional Studies of Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7980-6562>; e-mail: aguschin78@mail.ru

Abstract. The article examines the problems of the development of new trends in Russia's policy in the Eurasian space in the context of the growing confrontation between Russia and the West, as well as the rethinking of Russia's foreign policy towards strengthening partnership with non-Western actors. The authors pay attention to the main challenges facing the Eurasian integration processes

¹ Статья подготовлена на основе материалов ситуационного анализа проекта «Точки роста».

today, offering the most acceptable, from their point of view, answers to existing global and regional challenges. The author defines the main, from their point of view, directions of development of Eurasian integration, problems and ways to solve them, standing on the position of priority of Eurasian integration processes for Russia. The article is based on the materials of a situational analysis held at the end of 2022 in Kyrgyzstan within the framework of the "Points of Growth" project. During the situational analysis, leading experts from Russia and CIS countries expressed their ideas and recommendations regarding the activation of the Eurasian vector of Russian foreign policy, strengthening security in the Eurasian space and Russia's role in this process, the development of humanitarian cooperation, described the main problems existing in these areas and possible solutions.

Keywords: Eurasian space, integration, EAEU, East, security

For citation: Natalia I. Kharitonova, Alexander V. Guschin. Key problems of Eurasian integration in the context of modern international transformations and Russia's policy in the Eurasian space // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;6(6):597-609. (In Russ.).

В условиях переформатирования мирового порядка система международных отношений подвергается дополнительному напряжению. Становление многополюсного миропорядка сопровождается гибридной войной, ведущейся практически по всему миру. Глобальная гибридная война по сути является одной из форм борьбы, которую США и их союзники ведут против находящихся в фазе становления геоэкономических и геополитических центров силы, региональных держав, формирующих свои макрзоны политического, экономического и культурного влияния в рамках нарождающейся полицентричной системы международных отношений¹. Другими словами, США посредством использования гибридных конфликтов стремятся сохранить однополярный мир и свои позиции гегемона. Ожидаемо ключевым театром противостояния, включающего как политические и экономические, так и военные компоненты противостояния, стала Евразия. Конфигурация его представляет собой полумесяц, охватывающий с западного и южного флангов территорию России в полном соответствии со стратегией «перенапряжения сил России» (в терминах классиков военной стратегии - стратегия измора), описанной в одноименном докладе 2019 г. одного из «мозговых центров» Пентагона – RAND Corporation².

Проекты евразийской интеграции очевидно испытывают деструктивные воздействия, инициированные коллективным Западом, все их участники располагаются непосредственно в зоне противостояния. Таким образом, будущее евразийских интеграционных процессов во многом зависит от хода гибридной войны Запада против России, разворачивающейся в Евразии в целом, и от того, насколько Москве удастся сохранить дружественный характер отношений с государствами-участниками ЕАЭС, ШОС, ОДКБ, другими партнерами России на Востоке и Юге. И здесь ключевое значение имеет общность и совместимость интересов, их баланс, успех на пути поиска общей идеологической платформы (данность в период крайней идеологизации мировых политических процессов), а также способность обеспечить приемлемый уровень безопасности для каждого из членов евразийских интеграционных проектов и партнеров по формированию новых принципов и механизмов функционирования международной системы. В этом контексте важнейшим вопросом стало осознание Россией необходимости корректировать подходы к внешней политике в сторону большего приоритета развития отношений с Востоком и глобальным Югом.

Стратегия поворота на Восток в своём конкретном выражении ранее в основном

¹ Korybko A. Hybrid wars: The indirect adaptive approach to regime change. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. 2015. URL: <https://orientalreview.org/wp-content/uploads/2015/08/AK-Hybrid-Wars-updated.pdf>

² Extending Russia Competing from Advantageous Ground. 2019. // RAND Corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR3063.html

фокусировалась на установлении крепких связей с Китаем, совместно с которым Россия приступила к решению проблем международного порядка. В остальном поворот на Восток оставался важным скорее на уровне экспертного анализа, активно обсуждался в прессе, постоянно находился в повестке различных конференций, но тем не менее, слабо реализовывался в практическом отношении, даже несмотря на то, что за прошедшие десятилетия Россия существенно расширила своё присутствие в различных азиатских и африканских международных форматах [Савченко, Зуенко 2020]. Однако, в целом, несмотря на багаж, накопленный в ходе работы в региональных организациях, а также позитивные результаты сотрудничества с ключевыми восточноазиатскими партнерами, Россия, по мнению многих авторитетных специалистов, пока не имеет исчерпывающих и адекватных вехам времени организационно-управленческих и идейно-политических основ для системной реализации поворота на Восток¹.

И все же, в Евразии и вокруг нее происходило формирование широкого интеграционного контура – всеобъемлющего Евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, Китая, с его инициативой экономического пояса Шелкового пути, Индии Пакистана, Ирана. Важную роль в формировании нового сообщества стала играть обновленная ШОС. Возник вопрос о том, каков стратегический потенциал сопряжения основных интеграционных проектов в Евразии и способно ли дальнейшее развитие интеграционных процессов привести к более тесному политическому и социокультурному взаимодействию? [Пивовар 2022: 12]

Россия в силу своего исторического пути и географического положения обладает в известной степени своей общественно-политической традицией. Поэтому поворот

на Восток воспринимался, прежде всего, в политико-дипломатическом и экономическом, но не в цивилизационном контексте². Нужно учитывать рискованные факторы и на самом Востоке и Юге. В Восточной Азии имеет место феномен азиатского национализма. Имеются попытки оформления процессов регионализации не только открытого, но и “закрытого регионализма”³. Россия часто воспринималась в регионе как страна, ключевые интересы которой сосредоточены на Западе, то есть не в полной мере азиатской державы. Не говоря уже том, что как Китай, так и значительная часть стран коллективного не-Запада, тесно связаны с Западом экономически, финансово и социально, причем особую роль играют здесь связи на уровне элит. Большую роль играют и межстрановые, межэтнические и межрелигиозные противоречия.

Тем не менее, разразившийся на Украине кризис и углубляющееся отчуждение России от Запада только подчеркнули важность приоритетного внимания к незападным акторам. По-иному стала рассматриваться и важность трансформации векторов внешней политики с позиции развития дальневосточных регионов России и Сибири, которые в этой трансформации должны и будут играть ведущую роль.

Усиление альтернативных западным векторов российской внешней политики может рассматриваться не только через призму противостояния с Западом как реактивный ответ на санкционную политику и «культуру отмены» со стороны коллективного Запада, но и как важный элемент борьбы за новую конфигурацию мира, новый импульс для усиления интеграционных процессов и проектов в постсоветской Евразии, катализатор развития восточных регионов нашей страны, как в сфере логистики и транспортной

¹ Торкунов А.Стрельцов.Д. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски. //URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiyskaya-politika-povorota-na-vostok-problemy-i-riski/>

² Лихачева А. Макаров И. Национальная идентичность и будущее

России//<https://ru.valdaiclub.com/a/reports/natsionalnaya-identichnost/>

³ Торкунов А.Стрельцов.Д. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски. //URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossiyskaya-politika-povorota-na-vostok-problemy-i-riski/>

инфраструктуры, так и в промышленности и социальной сфере.

Безусловно, подобные масштабные изменения должны повлечь и серьезные ментальные сдвиги, новые подходы к пониманию места России в мире на концептуальном уровне. Это, в свою очередь, сталкивается с известными трудностями в преодолении доминирующих в последние более чем 30 лет парадигм развития, которые в целом можно определить термином «вестернизация». Она затронула практически все стороны и тенденции жизни, от желания элит встроиться на более или менее приемлемых, если не равных условиях в финансовую и политическую структуру Запада, до бытовой вестернизации, касающейся различных социальных и возрастных слоев населения, особенно молодежи, которая шла в параллели с деиндустриализацией и доминированием полупериферийных капиталистических черт в России и особенно на постсоветском пространстве.

Соответствие западным критериям становилось камертоном качества и эффективности в функционировании политических и общественных институтов, стандартов отчетности, функционирования научной и образовательной сфер. Преодоление подобных тенденций - процесс, безусловно, долгий и сложный, альтернатива ему только одна и крайне негативная - десубъективизация России и новая попытка встроиться в глобальные структуры Запада, но уже на заведомо худших условиях, чем это было возможно даже в 1990-е годы. Вместе с тем новое прочтение внешней политики России напрямую связано и с трансформацией мышления в сторону суверенизации, что должно проявляться в том числе в сфере образования и воспитания, критериев личного успеха и общественного блага. Таким образом, новые внешнеполитические парадигмы напрямую связаны с формированием альтернативы, как

социальной, так и идеологической и позиционированием тех преимуществ, которые может предложить Россия для своих партнеров на международной арене. В этой связи можно согласиться с коллегами, критикующими неидеологические подходы к развитию России, отмечающими важность разрабатывать собственную идеологию. [Курьлев, Станис, Баранник, Закарян 2019: 152]. Своя идеологическая концепция России действительно жизненно необходима, как с точки зрения внутреннего развития, так и в контексте решения международных задач.

Именно от появления глобального политического, ценностного и социального предложения, в рамках которого были бы учтены взаимные интересы и России ее партнеров, решались бы проблемы, возникающие между странами, а также формировались бы контуры новой институциональной структуры международных отношений, и зависит во многом успех как российской внешней политики, так и процессов евразийской интеграции и международного сотрудничества.

Некоторые важные шаги в этом направлении уже предприняты. И хотя инерционность еще очень велика, но понимание, что новая геополитическая и геоэкономическая реальность безотносительно персональных или субъективных факторов надолго и всерьез присутствует, а трансформации последних лет все больше проявляются не только в общественно-политическом дискурсе, но и в основополагающих документах стратегического планирования, таких, к примеру, как Концепция внешней политики Российской Федерации (КВП)¹.

В частности, в ней обращает на себя внимание принципиально новый раздел, где формулируются стратегические установки внешней политики, объединяющие ее в интегральный кластер – «Национальные интересы РФ во внешнеполитической сфере,

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.)//URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>

стратегические цели и основные задачи внешней политики РФ». Кроме того, в новой Концепции предложена довольно кардинальная переоценка тенденций развития современного мира. Впервые акцент делается на борьбе с неокOLONIALИЗМом, что очевидно направлено на укрепление позиции России в странах Востока и Юга. Новшеством является употребление понятия «национальный интерес». Выделяется новый раздел, связанный с обеспечением национальных интересов РФ в таких пространствах как мировой океан, космическое и воздушное. Используются понятия «Исламский мир» и «Евразийский континент», которые выделены как отдельные региональные направления внешней политики России, что позволяет по-иному посмотреть на восприятие регионального пространства и работать на усиление роли интеграционных объединений на евразийском пространстве. Большое значение отводится развитию сотрудничества со странами Африки, Латинской Америки. При выстраивании взаимодействия с партнерами и союзниками Россия исходит из принципа отказа от создания разделительных линий по блоковому принципу. Россия стремится не допустить роста угроз национальной безопасности и суверенитету в результате агрессивной политики недружественных стран и получения ими односторонних экономических преимуществ¹. Однако наиболее концептуальным является, пожалуй, постулат о России как государстве-цивилизации и евро-тихоокеанской державе. Это помимо упоминания понятия «Русского мира как цивилизационной общности и русофобии, противодействие которой развивает отдельные приоритетные направления внешней политики, делает КВП поистине революционной относительно предыдущих [Коньков 2023: 56-58]

Безусловно, к примеру, украинский кризис оказал существенное влияние на

эволюцию внешней политики России, способствуя формированию новой внешнеполитической программы В. В. Путина, которую, некоторые известные эксперты определяют как «доктрину Путина 2.0». Ее основные постулаты нашли свое отражение в исторической «Крымской речи» в Георгиевском зале Кремля 18 марта 2014 г. [Курьлев, Станис, Баранник, Закарян 2019: 156]. Однако, пожалуй, впервые в КВП мы наблюдаем такие серьезные системные изменения практически по всему спектру внешнеполитической проблематики от самовосприятия до выстраивания сотрудничества с отдельными странами и регионами.

Вместе с тем, очевидно, что идея самодостаточности, содержащаяся в цивилизационном восприятии России не может быть узко понимаемой ввиду как огромного веса России в мире и заинтересованности дружественных стран в партнерстве с ней, так и в условиях наличия стран враждебных, желающих ее ослабления и десоверенизации – в этом контексте от контрдействий России, от их эффективности и интенсивности будут зависеть и положение ее на международной арене и во многом внутренняя стабильность. В любом случае самодостаточность может пониматься в данном случае как ментальная, как попытка вернуться к традиционным ценностям, отказ от социокультурного подражательства, укрепление веры в свои возможности. Но она должна сопровождаться еще большей активностью России, в первую очередь, в контексте интеграционных процессов на Евразийском пространстве, интенсификации сотрудничества со странами Азии, Африки, Латинской Америки по самому широкому спектру вопросов, политического, экономического и культурного характера.

Следовательно, для обеспечения союзничества с дружественными странами и минимизации угроз конкурентов необходимо не только позиционирование себя в качестве цивилизации, но и как можно

¹ Концепция внешней политики России 2023: стратегия многополярного мира// URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/kontseptsiya-vneshney-politiki-rossii-2023-strategiya-mnogopolyarnogo-mira/>

скорейшая разработка и внедрение во внешнеполитическую практику более четких алгоритмов и норм, с одной стороны, альтернативных навязываемых Западом правилам, а с другой привлекательных в политическом, экономическом, социальном, культурном аспектах для мирового большинства. Это же, в свою очередь, требует не просто косметических изменений, но и иных подходов к социальным процессам, финансово-экономической деятельности, технологическому развитию и гуманитарной политике как внутри России, так и за рубежом. Прежние доминирующие так называемые неолиберальные рецепты, в реальности маскирующие пассивность, здесь явно не смогут обеспечить решение подобных задач, не приведут к прорывным улучшениям, обеспечивающим необходимую стратегическую глубину изменений.

В то же время стоящие задачи требуют как можно скорейшего становления и развития более активных форм сотрудничества научного и экспертного сообщества и лиц и институтов, принимающих решения, с одной стороны, и откровенного экспертного и общественного диалога, с другой. Примером такого диалога и попытки выработать определенные рекомендации для возможных практических действий стал ситуационный анализ, проведенный в рамках международной экспертной сессии «Точки роста. Киргизия» в конце 2022 г. В нем принял участие целый ряд ведущих экспертов России и стран-членов ЕАЭС¹.

Характеризуя, сложившуюся международную обстановку, эксперты отметили, что при всем значении США, стремящихся сохранить свое доминирование, в том числе посредством ослабления влияния России, в нынешнем конфликте России с Западом важную роль играет и Великобритания, которая проявляет все большую активность на Украине, Закавказье, в Центральной Азии,

осуществляя активную работу по усилению контроля над местными политическими элитами. В качестве традиционного инструмента геополитического влияния в регионе Лондоном используется фактор Турции, осуществляющей активную гуманитарную экспансию.

При этом, если политические элиты Великобритании настроены в нынешнем конфликте по отношению к России максимально радикально, то в США мнения элит существенно расходятся. Противоречия существуют и по вопросу политики в отношении Китая. Эксперты высказали мнение о наличии конкурентных противоречий между США и Великобританией, стремящейся перехватить роль «лидера» наступательной политики Запада в Евразии. При этом на Украине в целом НАТО де-факто не только является стороной конфликта, но и рассматривает ее как плацдарм для дальнейшего наступления на Беларусь, Россию и далее вглубь евразийского пространства.

Интересы Европейского Союза сегодня сводятся к стремлению получить стратегическую субъектность, главными модераторами здесь выступают Германия и Франция. При этом существенную роль в недопущении восстановления общеевропейской субъектности играет Польша как инструмент англо-саксонской политики и как амбициозный региональный игрок. По мнению участников ситуационного анализа, Украина должна рассматриваться в этом раскладе сил не только как фактор, определяющий ряд параметров конфликта, но и сторона конфликта, чья субъектность обусловлена именно определяющей ролью в планах по дальнейшей «украинизации» Евразии.

Несмотря на существующие внутри Запада противоречия, страны, составляющие костяк блока НАТО, сплотились и выступают единым фронтом против России и ее немногочисленных союзников. Особое внимание элитами США и Великобритании

¹ Точки роста: Восточный вектор евразийской интеграции// URL: <https://russkie.org/library/tochki-rosta-vostochnyy-vektor-evraziyskoy-integratsii-doklad-po-itogam-situatsionnogo-analiza/>

уделяется цели лишения России союзников и партнеров.

Эксперты характеризуют Китай с точки зрения его влияния на ход евразийской интеграции как одновременно тактического союзника, наблюдателя и конкурента. Последнее проявляется, прежде всего, в имеющихся противоречиях интересов Китая и России в Центральной Азии, Беларуси и Восточной Европе.

В конфигурации нового противостояния «коллективных Запада и Востока» интересы Китая и ЕАЭС, прежде всего России, объективно сближаются, что выражается в интенсификации экономического, политического и военно-технического сотрудничества. Но руководство Китая воздерживается от прямой и явной поддержки России в конфликте на Украине. Интересы Китая по увеличению своего экономического и геополитического влияния, военного присутствия могут входить в противоречия как с интересами России в Центральной Азии, так и с национальными интересами государств этого региона.

Анкара, продвигая свой региональный проект, стремится выступить для государств Центральной Азии и Закавказья альтернативным Москве центром интеграции. Турция получает выгоду от позиции «миротворца» в рамках конфликта России и Запада на Украине, одновременно поддерживая отношения как с Россией, так и с Украиной и западными центрами принятия решений. Турция становится евразийскими газовым и торговым «хабом», который позволяет избежать России санкционных ограничений, но одновременно Турция усиливает свое значение и вес для тюркских стран: Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Кыргызстана, Туркменистана. В рамках этого процесса Турция продвигает пантюркские, туркоцентричные интеграционные проекты.

Роль тактического союзника также отводится Ирану, который стремится через сотрудничество с Россией и ЕАЭС решить вопросы преодоления санкций и поставок оружия. Наблюдается активизация участия Ирана в региональных организациях. Отмечено усиление влияния Тегерана на

Армению и Азербайджан, в том числе посредством религиозного шиитского фактора.

Военно-техническое сотрудничество Ирана и России, фактическая поддержка Ираном России в конфликте на Украине обусловлены стремлением руководства Ирана выйти из международной изоляции, получить от России образцы современного оружия и связанные с этим технологии.

Индия через сотрудничество с ЕАЭС заинтересована, с точки зрения экспертов, в создании альтернативных транспортных коридоров, развитии медицины, IT-сферы и др. При этом эксперты указывают на необходимость учета индийско-китайских противоречий. Наблюдается рост индийской активности в Центральной Азии. Запад, в свою очередь, стремится сделать Индию участником своих антикитайских коалиций, мотивируя это наличием серьезных индийско-китайских противоречий, поддержкой Китаем Пакистана и т.д. Но пока Индии удастся удерживать баланс отношения и внеблоковый статус.

Помимо характеристики международной обстановки, эксперты уделили внимание молодежной политике. Отмечено, что молодежь Евразии хочет, прежде всего, реализации собственного потенциала, воплощения своих жизненных планов, у нее существует запрос на самовыражение. Для этого нужны ресурсы и работающие социальные лифты: образование, позволяющее раскрыть потенциал, а после получения образования – работа и достойная оплата труда.

В качестве практических шагов, направленных на раскрытие потенциала евразийской молодежи как субъекта созидательного творчества, был рассмотрен комплекс мер, направленных на создание системы социальных лифтов, повышение эффективности работы образовательной сферы, проектной деятельности и др. Эксперты констатировали, что в сфере образования и науки Россия заинтересована в продвижении своих образовательных стандартов на евразийском пространстве, развитию уже существующих и организации новых институтов взаимодействия в сфере образования и науки, расширении квот для

студентов из стран Евразии на обучение в России, интенсификации молодежного сотрудничества посредством организации мероприятий с конкретным практическим результатом для их участников, развитии грантовых систем поддержки молодых ученых, создании научных коллективов из разных стран для разработки научных проблем, как в рамках естественных, так и гуманитарных наук. В перспективе, по мнению экспертов для ЕАЭС актуальным является вопрос о формировании общего рынка образовательных услуг.

Характерно, что эксперты, прежде чем перейти к обсуждению непосредственно вопросов евразийской интеграции практически сошлись во мнении, что «поворот России на Восток» является во многом исторической неизбежностью, но в то же время отметили запоздание с ним, а также факт неготовности России к такому повороту и прежде всего, ментальной. И это в то время, как от него зависит очень многое в противостоянии с коллективным Западом. В частности, А. Дзермант отметил, что возможный исход борьбы носит экзистенциальный характер¹.

Некоторые эксперты, в частности М. Крамаренко, отмечали, что помимо вынужденного характера поворота на Восток нельзя игнорировать и рисковый характер некоторых процессов в самой Азии, в частности рост национализмов, пантюркизм, угрозы религиозного экстремизма. Так, отмечалось, что «страны Центральной Азии воспринимают Россию как тактического союзника и вопрос формирования единой макрорегиональной идентичности здесь не стоит, у элит стран нет желания формировать такую евразийскую идентичность».²

Успех экономической составляющей евразийской интеграции напрямую, по мнению экспертов, связан с трансформацией собственных подходов, отходом от нелиберальных моделей и восприятия ЕАЭС как союза, настроенного сугубо на включение в мировые цепочки добавленной

стоимости с упором на торговлю сырьем на внешнем рынке и транзит. Напротив, главной составляющей успеха является, прежде всего, развитие производственной кооперации, технологической евразийской субъектности, создание евразийского продукта в разных сферах производства, усиления промышленного потенциала центральноазиатских стран, докапитализация финансовых институтов евразийской интеграции, формирование евразийского бизнес-сообщества, введение общей системы цифрового управления и цифровой валюты.

В докладе отмечается, что Россия заинтересована, прежде всего, в недопущении усиления деструктивного влияния в Евразии третьих акторов как глобального, так и регионального характера, угрожающих ее национальным интересам. Большое значение для России имеет сохранение и укрепление статуса гаранта безопасности на Евразийском пространстве, минимизация возможности конфликтов между акторами на этом пространстве, прежде всего участников ОДКБ и ЕАЭС (например – Таджикистана и Кыргызстана), а также сохранение статуса миротворца в процессе урегулирования ряда конфликтов (Приднестровье, Нагорный Карабах). Россия заинтересована в недопущении рисков активного проникновения на территорию Евразии геополитических конкурентов. Усилившееся здесь после роспуска СССР влияние США, Британии и их союзников в военно-политической, экономической и гуманитарной сферах воспринимается как угроза. Так, эксперты подчеркивают, что интенсивное влияние на Центральную Азию и Южный Кавказ Турции и других мусульманских стран способствует, в том числе, постепенному формированию единой макрорегиональной идентичности, некомплементарной России.

Для Москвы важным остается развитие структур коллективной безопасности, таких как ОДКБ, укрепление институциональной

¹ Точки роста: Восточный вектор евразийской интеграции// URL: <https://russkie.org/library/tochki-rosta-vostochnyy-vektor-evraziyskoy-integratsii-doklad-po-itogam-situatsionnogo-analiza/>

² Точки роста: Восточный вектор евразийской интеграции// URL: <https://russkie.org/library/tochki-rosta-vostochnyy-vektor-evraziyskoy-integratsii-doklad-po-itogam-situatsionnogo-analiza/>

дисциплины в рамках таких структур и развитие сил кризисного реагирования. Не меньшее значение имеют расширение военного присутствия России на Евразийском пространстве в формате военных баз, обучения военных специалистов из стран Евразии, поставок российского вооружения, военно-технического сотрудничества. Непосредственное военное присутствие России (Беларусь, Таджикистан, Кыргызстан, Армения) позволяет обеспечивать безопасность России и ее союзников на дальних подступах, противостоять попыткам конкурентов взять эти государства под свой контроль или атаковать прокси-силами с территории Афганистана или Украины. Вместе с тем, усиление военно-политической составляющей интеграции неизбежно ставит вопрос об усилении внутри интеграционных образований блоковой дисциплины и координации действий в сфере обороны и во внешней политике.

В интересы России, по мнению экспертов проекта, входит и сопряжение ЕАЭС с другими региональными организациями. Так, ЕАЭС имеет существенный потенциал взаимодействия как с другими интеграционными структурами с участием бывших республик СССР (СНГ, ОДКБ, Союзное государство), так и международными организациями, объединяющими страны «Большой Евразии» (ШОС), другими важными региональными организациями (МЕРКОСУР, АСЕАН, Африканский Союз и др.).

В свою очередь другие государства-участники ЕАЭС располагают собственными интересами в сфере безопасности. И их сопряжение также можно определить как проблему в реализации интеграционных инициатив в Евразии.

Так, избранная Беларусью геополитическая ориентация и политэкономическая модель неизбежно приводят к конфронтации с коллективным Западом, что требует особого внимания к вопросам национальной безопасности и значительных вложений в эту сферу. Обеспечение безопасности только собственными силами невозможно в силу

разницы потенциалов, что обуславливает тесный военно-политический союз Беларуси с Россией, в рамках которого Минск получает как новейшее оружие, так и особое место в рамках стратегии России на западном фланге для обеспечения ее безопасности, действий в ходе СВО и т.д. В настоящее время в рамках ОДКБ Беларусь имеет возможность проводить учения в разных форматах для повышения обороноспособности страны и действия в самых разных условиях. Кроме того, актуальным интересом Минска является выход из изоляции. Так, активное участие в различных форматах евразийской интеграции представляется естественной альтернативой санкционной, транспортной блокаде и политике изоляции со стороны Запада. Развитие новой логистики, новых маршрутов для поставок белорусской продукции, минуя Запад, на Востоке и Юге является приоритетом для Минска в сложившихся геополитических реалиях. Однако, как отмечают эксперты, препятствием этому становится инерция белорусской многовекторности - убеждение или заблуждение части белорусских элит относительно того, что у Беларуси могут быть равнозначные отношения со всеми геополитическими и геоэкономическими субъектами: Россией, Западом, Китаем и т.д.

События января 2022 г. произвели на новое политическое руководство Казахстана в известной мере отрезвляющий эффект. Некогда «остров стабильности» в Центральной Азии начал испытывать деструктивное влияние процессов, происходящих в соседних центральноазиатских странах, а также в рамках застарелой афганско-пакистанской проблемы. Политические противоречия внутри Казахстана спровоцировали в 2022 г. кризис с участием внешних игроков, необходимость краткосрочного ввода контингента ОДКБ, стала очевидна потребность в более системном и эффективном обеспечении национальной и региональной безопасности (в коллективном формате). Однако объективная потребность Казахстана в эффективной региональной системе безопасности (при наличии ОДКБ и апробации механизмов реализации целей

структуры в ходе январских событий 2022 г.) сталкивается с обеспокоенностью части казахстанского политического класса относительно возможной, по ее мнению, российской экспансии (прежде всего Северный Казахстан). С началом СВО в обществе и экспертном сообществе активизировались противники политики России и участия в общих с ней интеграционных проектах. При этом сотрудничество с Россией, ЕАЭС в экономической сфере и сфере безопасности выступает как противовес усилению влияния Китая. Опасения перед демографической и экономической мощью Китая может перевешивать опасения в отношении России. Кроме того, испытывая угрозы безопасности, Астана желает модернизировать национальную армию. Ключевым фактором становится фактор совместимости с евразийскими союзниками. Поэтому проблему доступа к ВПК коррелируется с проблемой создания эффективной региональной системы коллективной безопасности.

Суверенитет Кыргызстана в последние годы демонстрирует тенденцию к укреплению. Действия политического руководства в настоящее время направлены на укрепление национальной безопасности, обороноспособности, социально-экономического благополучия, формулирования и продвижения национальной идеи. Кыргызстан испытывает потребность в ограничении влияния Китая и Турции. В силу географических, исторических, политических и экономических особенностей Кыргызстан, да и вся Центральная Азия, оказывается подвержен внешнему влиянию. Регион стал полем возрастающей конкуренции Турции и Китая, экономическая и культурная экспансия которых несет угрозы Кыргызстану. На этом фоне сегодня меняется и роль России в обеспечении национальных интересов Кыргызстана. Сотрудничество стран на просторах Евразии становится гарантом экономической и политической устойчивости государства.

Важнейшим вопросом для современной Армении также является обеспечение

безопасности и суверенитета. Именно вопросами безопасности и карабахским конфликтом в своё время объяснило политическое руководство Армении решение вступить в ЕАЭС. Учитывая, что Анкара является союзником Баку и две страны проводят скоординированную внешнюю политику, в Армении традиционно считают Турцию и Азербайджан главной угрозой. Это, наряду с традиционно тесными историческими связями, вынуждало власти Армении, тесно сотрудничать с Россией в сфере безопасности. Тем не менее, в силу разных причин Армения с момента обретения независимости пыталась проводить многовекторную политику, при этом не ставя под сомнение союзные отношения с Россией (по крайней мере до 2018 г.). что, в частности, проявилось в так называемой политике комплиментаризма. Это было в том числе обусловлено карабахским конфликтом, и необходимостью сохранять хорошие отношения с важными глобальными и региональными игроками несмотря на конфликты между ними (Россия-Запад, Россия-Грузия, Иран-Запад и т.д.), важной ролью Евросоюза и США в торгово-экономической жизни страны (ЕС является вторым торговым партнером Армении после России), а также наличием крупных армянских общин в разных странах. При этом конфликт между Россией и Западом существенно ограничивают возможности Еревана продолжать вести традиционную многовекторную политику. В то же время неурегулированный карабахский конфликт сохраняет вопрос безопасности самым важным и актуальным для страны. Эксперты обращают внимание на то, что отсутствие «жесткой реакции» союзников Еревана по ОДКБ на действия Азербайджана, является катализатором обсуждения в армянском обществе целесообразности членства в ОДКБ и в целом военно-политического союза с Россией. В случае продолжения нынешних негативных тенденций на повестке может стать вопрос целесообразности членства Армении не только в ОДКБ, но в ЕАЭС. В обществе и экспертном сообществе активно

обсуждается вопрос пересмотра геополитической ориентации страны. В качестве альтернативы России предлагается США или в значительно меньшей степени Иран, хотя реалисты совершенно верно отмечают, что ни один иной актор, кроме России, не способен обеспечить безопасность Армении. Одновременно с этим в обществе активно продвигается тема необходимости сотрудничества с Турцией, даже несмотря на угрозы Армении со стороны тандема Анкара-Баку и память о геноциде армян. В Армении «путь на Запад» идет в параллели с «путем к Турции», целью чего является сокращение влияния России в регионе.

Итак, сопряжение обозначенных выше интересов государств-участниц ЕАЭС представляет собой очевидную проблему. И это при том, что для реализации собственных интересов России необходимо преодолеть еще ряд проблем, наличием которых характеризуются процессы развития ЕАЭС и собственно реализация российских интересов в Евразии.

В числе ключевых проблем, мешающих реализовывать российские национальные интересы, эксперты указывают на недостаточную готовность российских элит понять и принять новые вызовы, что зачастую приводит к реактивному характеру внешней политики страны. Это проявляется, как уже отмечалось выше, в трудностях с превращением евразийского вектора в базовый для внешней политики даже в условиях разрыва отношений с коллективным Западом, что базируется на глубоко укоренившемся в сознании части российских элит западоцентризме, представлении о наличии так называемого «цивилизованного мира» и необходимости быть его частью. Здесь важно отметить, что прозападно ориентированное лобби в элитах стран ЕАЭС также выступает в качестве серьезной проблемы на пути интеграции. Прозападно ориентированное лобби в странах ЕАЭС постоянно и зачастую весьма эффективно пугает обывателя «утратой суверенитета» и тому подобными вещами.

Эксперты из стран ЕАЭС указывают на недостаточное внимание к позиции партнеров по интеграции (в экспертном поле

ЕАЭС можно найти немало как косвенных, так и прямых «претензий» к России по вопросу внимания к позиции партнеров по интеграции). В этом же ряду стоит и проблема наличия исторических обид соседей на Россию. Становление национальных государств после распада СССР в значительной степени формировалась на основе идеологических установок и исторической политики отторжения от России, на культивировании исторических фобий, связанных с негативной интерпретацией общей с Россией истории. На фоне проблем с эффективностью гуманитарной политики России и активности «мягкой силы» конкурентов, новые «национальные идеи» стран Центральной Азии и Южного Кавказа, содержат нарративы, представляющие евразийской молодежи, Российскую империю и СССР зачастую предстают как эксплуатирующие покоренные народы.

Тревогу вызывает активность конкурентов в регионе – здесь эксперты указывают на потерянное Россией время. Россия в целом ряде сегментов уступает в плане продвижения своей гуманитарной и культурной политики конкурентам. В течение 30 лет коллективный Запад, Турция, Китай, другие акторы каждый по-своему достигали успехов в расширении своего присутствия на евразийском пространстве, как экономического и политического, так и гуманитарного. Используя образы красивой жизни и свободы, порядка, этнической и культурной близости конкуренты достигли значительных успехов в продвижении своего влияния. Сегодня, элиты во многих странах Евразийского пространства ориентированы больше в своей политике, повседневной жизни, восприятии перспектив своих детей скорее на эти страны. Кроме того, страдает и диаспоральная политика России в странах ЕАЭС. Государство пока недостаточно использует инструменты влияния русской диаспоры, соотечественников, русскоязычных граждан, ощущающих единство с исторической Россией, на внутривнутриполитическую и внутриэкономическую ситуацию в странах Евразии, лоббирование союзных интересов.

В рамках интеграционного проекта пока отсутствуют единые системные механизмы карьерного и образовательного роста, недостаточен объем программ студенческого и академического обмена, научных и творческих стипендий и стажировок. И в целом, в России недостаточно внимания уделяется вопросам образовательного и научного сотрудничества со странами евразийского пространства. Открытие филиалов вузов и школ при наличии, безусловно, целого ряда позитивных примеров, порой носит формальный характер, когда в теории существуют привлекательные проекты, а на уровне практической реализации идеи не доходят до стадии практической реализации.

Одной из ключевых проблем остается отсутствие единой, взаимной информационной политики. В ЕАЭС, ОДКБ, СНГ и Союзном государстве нет единой и согласованной системы информационной и пропагандистской работы. Существующие примеры – «Спутник», ТРК «Мир» – воспринимаются либо как сугубо российские СМИ, либо не продвигающими общую союзную повестку. Идея союзного евразийского СМИ до сих пор остается нереализованной. При этом тенденции западоцентризма или ориентации на Турцию, характерны вовсе не только для высшего слоя элит, но и для значительной части медийного сообщества, экспертов, политологов, историков, специалистов в области международных отношений и студенчества стран евразийского пространства.

Наконец, проблема качественной экспертизы, или обеспечения экспертного

сопровождения госзаказа. При мониторинге процесса реализации грантовых программ и проектов, государственного заказа за рубежом российскими университетскими центрами, компаниями и другими организациями, часто приходится наблюдать непонимание исполнителями политических особенностей и культурных традиций стран и народов Евразии. Это приводит к ошибкам в проводимой работе и снижает ее эффективность. Пути решения данной проблемы лежат очевидно и в активизации подготовки специалистов-страноведов, повышении престижа востоковедения и африканистики, более активного развития именно этих направлений в вузах, развитии экспертизы и усиления обратной связи между наукой и экспертным сообществом и институтами и лицами, принимающими решения.

Итак, указанные выше проблемы являются серьезными, но преодолимыми препятствиями на пути евразийской интеграции. Базовыми при этом видятся именно вопросы сопряжения интересов участников в крайне сложных геополитических условиях. Это позволит совместными усилиями преодолеть все сложности и совместно работать над созданием Большого Евразийского партнерства как комплексного геополитического (см. ст. 39 Концепции внешней политики РФ¹), и более того социального макрорегионального и шире мирового проекта, ориентированного не только на удовлетворение интересов всех его участников, но и формирование на его основе полюса притяжения в новом полицентричном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Коньков А.Е. Правила для игры без правил // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 54–67.
- Курьлев К.П., Станис Д.В., Баранник М.А., Закарян С.Б. Евразийская идеология во внешней политике современной России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 4. С. 151-165
- Пивовар Е.И. Пространство Большой Евразии XXI века. Интеграционные процессы: институты, направления, вызовы. Спб, 2022 -468 с.

¹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». 31 марта 2023 г. № 229

[Электронный ресурс] // Президент России. — Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/news/70811>

Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. Движущие силы российского поворота на Восток // Сравнительная политика. – 2020. – № 1. – С. 111-125.

Korybko A. Hybrid wars: The indirect adaptive approach to regime change. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. 2015.

REFERENCES

Kon'kov A.E. Pravila dlya igry bez pravil // Rossiya v global'noj politike. 2023. T. 21. № 3. S. 54–67.

Kurylev K.P., Stanis D.V., Barannik M. A., Zakaryan S.B. Evrazijskaya ideologiya vo vneshnej politike sovremennoj Rossii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i politicheskie nauki. 2019. № 4. С. 151-165

Pivovarov E.I. Prostranstvo Bol'shoj Evrazii XXI veka. Integracionnyye processy: instituty, napravleniya, vyzovy. Spb, 2022 -468 s.

Savchenko A.E., Zuenko I.YU. Dvizhushchie sily rossijskogo povorota na Vostok // Sravnitel'naya politika. – 2020. – № 1. – С. 111-125.

Korybko A. Hybrid wars: The indirect adaptive approach to regime change. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia. 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Наталья И. Харитоновна, д.п.н, доцент, главный научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия. E-mail: natahari@yandex.ru

Александр В. Гушчин, к.и.н., доцент кафедры стран постсоветского зарубежья Института постсоветских и межрегиональных исследований РГГУ, Москва, Россия, E-mail: aguschin78@mail.ru

Natalia I. Kharitonova, DSc (Political Sciences), Associate Professor, Chief Researcher, Russian State University for the Humanities. Russia, E-mail: natahari@yandex.ru

Alexander V. Gushchin, PhD in History, Associate Professor of the Department of postsoviet Countries abroad Institute of Eurasian and Interregional Studies of Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia. E-mail: aguschin78@mail.ru

Роль и место ЕАЭС во внешнеэкономической стратегии Кыргызской Республики

Д. Б. Турусбеков

Евразийская экономическая комиссия, Москва, Россия

E-mail: turusbekov@eecommission.org

Аннотация: В статье проведен ретроспективный анализ внешнеторговой деятельности Кыргызстана вследствие присоединения к Евразийскому экономическому союзу, выделены особенности изменений отраслевой структуры торговли, а также показаны страновые предпочтения экспортной деятельности. Отдельно обозначены плюсы участия в ЕАЭС, заключающиеся в отмене таможенно-тарифных ограничений, свободном рынке трудовых ресурсов, преференциальному доступу к инвестициям, транспортном развитии. Выделенные минусы включают потенциальные риски экономики Кыргызстана ввиду наличия более крупных экономик в ЕАЭС и соответственно возможное снижение конкурентоспособности отечественных отраслей промышленности, а также ограничение прав принятия решений по вопросам, находящимся в ведении ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, внешняя политика, Кыргызская Республика, экономическая интеграция, торговые отношения.

Для цитирования: Турусбеков Д. Б. Евразийский экономический союз во внешней политике Кыргызской Республики // Постсоветские исследования. 2023;6(6):610-616.

The role and place of the EAEU in the foreign economic strategy of the Kyrgyz Republic

Daniyar B. Turusbekov

Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia

e-mail: turusbekov@eecommission.org

Abstract. The article provides a retrospective analysis of Kyrgyzstan's foreign trade activity after joining the Eurasian Economic Union, highlights the features of changes in the sectoral structure of trade, and shows the country's preferences for export activity. The advantages of participation in the EAEU, such as the elimination of customs and tariff restrictions, a free labour market, preferential access to investment and transport development, are highlighted separately. The identified disadvantages include potential risks to the Kyrgyz economy due to the presence of larger economies in the EAEU and, consequently, a possible decrease in the competitiveness of domestic industries, as well as restrictions on decision-making rights in matters under the authority of the EAEU.

Keywords: Eurasian Economic Union, foreign policy, Kyrgyz Republic, economic integration, trade relations.

For citation: Daniyar B. Turusbekov The role and place of the EAEU in the foreign economic strategy of the Kyrgyz Republic // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;6(6):610-616. (In Russ.).

Присоединение Кыргызской Республики к Евразийскому экономическому союзу (далее – ЕАЭС) в 2015 г. было важным шагом на пути развития экономического сотрудничества с другими странами евразийского региона – Арменией, Белоруссией, Казахстаном и Россией. В

контексте современных вызовов, связанных с глобализацией, ростом протекционизма и экономической конкуренцией участие в таком интеграционном объединении является одним из эффективных инструментов внешней политики. Спустя 7 лет после присоединения Кыргызстана к

ЕАЭС особый интерес представляет ретроспективный анализ внешнеторговой деятельности внутри ЕАЭС, а также выделение основных положительных и возможных отрицательных сторон участия в ЕАЭС.

Основной целью ЕАЭС является создание благоприятных условий для устойчивого экономического развития и повышения конкурентоспособности государств-участников на мировых рынках [5]. Данные цели достигаются по большому счету созданием общих рынков так называемых «четырёх свобод» – рынок товаров, рынок услуг, рынок капитала и рынок рабочей силы. Каждый рынок для Кыргызстана представляет особый интерес, и устранение барьеров в функционировании этих рынков позволяет:

- увеличивать экспорт товаров и услуг;
- создавать новые рабочие места;
- стимулировать привлечение инвестиций;
- повышать конкурентоспособность промышленности;
- стимулировать экономический и рост;
- улучшать уровень жизни населения и т.д.

Одним из главных результатов участия Кыргызстана в ЕАЭС является увеличение экспорта отечественных товаров в страны ЕАЭС. Так, на рис. 1 отражена динамика экспорта Кыргызстана в страны ЕАЭС в период с 2016 по 2021 гг.

Анализ представленных данных позволяет сделать вывод о том, что объемы экспорта Кыргызстана в ЕАЭС увеличились более, чем в три раза. Несмотря на то, что значительно увеличилась торговля с Казахстаном и Российской Федерацией, торговля с Арменией представлена ограничено и в малых объемах. Следует отметить, наметившуюся положительную тенденцию взаимной торговли с Белоруссией – объемы экспорта увеличились с года почти в четыре раза. Данные обстоятельства свидетельствуют о явном усилении торговых связей Кыргызстана с другими государствами ЕАЭС.

Также интересно проанализировать изменения отраслевой структуры экспорта Кыргызстана в ЕАЭС. На рис. 2 представлена структура экспорта в ЕАЭС в 2015 и 2020 гг.

Можно отметить, что структура экспорта стала более диверсифицированной и равномерной. Так, если в 2015 г. в экспорте преобладали текстиль, текстильные изделия и обувь (34,2%), то в 2020 году наибольшую долю занимают продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (27,7%), а также минеральные продукты (23%), доля же текстильных изделий составляет (13,8%). Также следует отметить увеличение экспорта продукции химической промышленности, а также металлов и изделий из них.

В целом, анализируя показатели экспорта Кыргызстана, следует обозначить, что экспорт государства всегда является следствием функционирования сектора промышленного производства и промышленной политики. Так, в структуре промышленного производства Кыргызстана преобладает обрабатывающая промышленность и по итогам 2022 г. ее доля составила 77,6 %¹. Основными направлениями развития промышленности в Кыргызской Республике определены²:

1. Экспортноориентированность.
2. Поддержка и защита новых отраслей промышленности.
3. Продвижение ноу-хау и инноваций.
4. Содействие инвестициям для развития промышленности.
5. Модернизация технологий и оснащения.

В 2019 г. была принята Стратегия устойчивого развития промышленности Кыргызской Республики на 2019-2023 гг.

¹ Рассчитано автором на основе Статистического ежегодника Евразийского экономического союза. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makr/oec/dep_stat/econstat/Documents/Brief_Statistics_Yearbook_2023.pdf

² Официальный сайт Министерства энергетики и промышленности. Режим доступа: <http://www.gkpen.kg/index.php/2018-01-09-06-31-11>

(Постановление Правительства Кыргызской Республики от 27.09. 2019 № 502) (далее – Стратегия). Указанная Стратегия принята в целях развития отраслей промышленности, более полного использования существующих производственных мощностей, вовлечения в производство трудовых ресурсов, развития экспорта и повышения конкурентоспособности отечественной промышленной продукции. Анализ экспортных показателей Кыргызстана в рамках ЕАЭС свидетельствует об успешности принятой Стратегии.

Однако участие Кыргызстана в ЕАЭС имеет свои плюсы и минусы, которые необходимо учитывать при принятии решений о развитии экономического сотрудничества в дальнейшем [Алиев 2018: 102-108].

1. Выделяя основные плюсы участия с ЕАЭС, следует сказать о том, что участие в Союзе позволяет Кыргызстану получать доступ к единому рынку труда и капитала, что улучшает инвестиционный климат и облегчает экспорт продукции [Рзаев 2017: 1400-1413]. Кроме того, экономическая интеграция позволяет стимулировать экономический рост, усиливает конкуренцию на рынке, повышает качество продукции и снижает её стоимость. Возможность привлечения капитала, технологий и опыта более развитых экономик государств-участников позволяет усовершенствовать технологические процессы и повышать качество продукции, а расширение географии экспорта кыргызских товаров способствует диверсификации экономики и уменьшению зависимости от традиционных рынков. Данные факторы способствуют улучшению финансового положения страны и повышению её рейтинга в мировом сообществе [Каримов 2020: 52-60].

Несомненным плюсом для Кыргызстана являются преференциальные условия для свободного перемещения трудовых ресурсов, что способствует трудовой миграции, развитию торговых связей и увеличению объёма взаимных инвестиций и значительно расширяет экономические возможности страны.

Участие в ЕАЭС позволяет Кыргызстану получать технологические и финансовые ресурсы для реализации своих экономических развивающихся программ и проектов. Разработка согласованной внешней политики в рамках ЕАЭС сосредоточена на развитии транспортных и торговых маршрутов между государствами-членами, что может привести к увеличению грузооборота и усилению экономической интеграции.

Также Кыргызстан активно поддерживает инициативы ЕАЭС в области экономического сотрудничества, например, такой как создание зоны свободной торговли с Ираном. Вместе с тем внешнеполитическая стратегия Кыргызстана в рамках ЕАЭС направлена на сохранение своей национальной идентичности и культурного наследия, несмотря на то, что укрепление экономических связей со странами-партнерами играет ключевую роль в развитии общества и экономики в целом.

В целом, участие Кыргызстана в ЕАЭС зарекомендовало себя как эффективный инструмент развития экономики Республики в условиях глобализации.

Однако необходимо принимать во внимание ряд негативных последствий данного процесса. Так, возникающие политические и экономические риски могут быть минимизированы грамотной экономической политикой и планированием дальнейшего развития. Оценка позитивных и негативных последствий участия Кыргызстана в ЕАЭС может стать основой для дальнейшего совершенствования интеграционных процессов в регионе [Каримов 2020: 52-60].

В рамках ЕАЭС присутствуют различия в экономическом развитии и конкурентоспособности государств-участников. Так, в таблице 1 и на рис. 3 приведены ВВП на душу населения и среднедушевые доходы населения в месяц.

Анализ представленных выше данных свидетельствует о том, что существуют большие различия в экономическом развитии и покупательской способности стран внутри интеграционного объединения. Это приводит к тому, что некоторые страны

находятся в более выгодном положении на рынке. Кроме того, экономические зависимости от более крупных государств могут привести к потере независимости внешней политики, что ограничивает возможности Кыргызстана в деле исхода из конфликтов и при принятии решений на международном уровне.

Также стоит отметить, что в рамках ЕАЭС возникают некоторые проблемы в функционировании внутреннего рынка, которые негативно влияют на экономический рост и развитие Кыргызстана. Например, Россия внесла ограничения на импорт поставок мясных и молочных продуктов из Кыргызстана, что затрудняет экспорт этих товаров и снижает доходы от их продаж. Также, например, в настоящее время рассматривается 5 обращений Кыргызстана о наличии признаков барьеров и ограничений на внутреннем рынке¹, связанных с реализацией этилового спирта, экспортом мебели и матрасов, установлением предельных цен на реализацию дизельного топлива, а также в отношении лома и отходов черных и цветных металлов.

Кроме того, возможным отрицательным эффектом участия в ЕАЭС может быть свободный доступ импорта товаров, который представляет угрозу для отечественных отраслей промышленности и может снизить уровень производства в стране.

2. Также следует учитывать, что в рамках ЕАЭС процессы принятия решений и урегулирования споров между государствами-участниками достаточно сложны и присоединение к Союзу может привести к потере некоторых полномочий на управление местными рынками и регулированию отдельных экономических процессов. Это может затруднять решение общих экономических проблем и приводить к конфликтам между государствами. Кроме того, Кыргызстан не является крупной экономической державой и не всегда может выступать в качестве полноправного

участника в процессах принятия общих решений [Алиев 2018: 102-108].

3. В целом, участие Кыргызстана в ЕАЭС позволяет создать благоприятные условия для развития экономики и обеспечения роста жизненного уровня населения. Главное при этом придерживаться грамотной экономической политики и стратегии развития, чтобы максимально эффективно использовать возможности региональной интеграции и минимизировать негативные последствия её влияния на экономику страны [Каримов 2020: 52-60].

Таким образом, Кыргызская Республика является активным участником интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза и вступление в ЕАЭС обеспечивает экономические преимущества для страны и усиление ее политической позиции на международной арене. Однако, важна разработка согласованной внешней политики в рамках ЕАЭС, которая будет направлена на укрепление экономических связей между государствами-участниками и одновременно на сохранение национальной идентичности стран.

¹ Карта реестра барьеров. Режим доступа: <https://barriers.eaeunion.org/ru-ru/Pages/obstacle-barriers.aspx>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

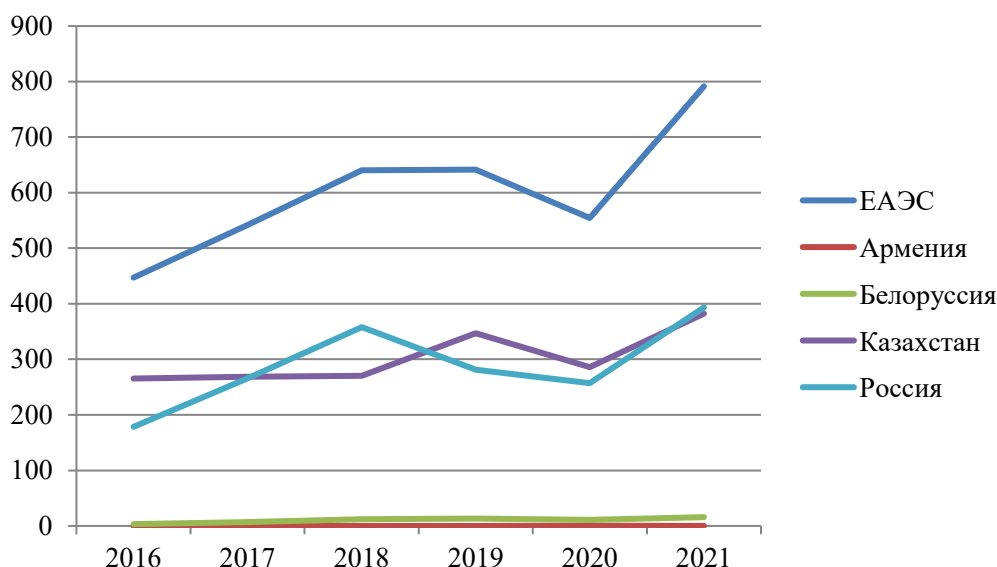
- Абдраимова Н.* (2019). Венчурный капитал в Кыргызстане и Финляндии: анализ особенностей. Вестник Национального университета им. Ю. Баласагына. Серия «Экономика», (4), 52-57.
- Алиев Ш.* (2018). Внешнеполитическая структура Кыргызской Республики на современном этапе. Гуманитарные науки в пространстве Евразийского экономического союза, (1), 102-108.
- Арслан С. Э., Кадыралиева А. А., Жумабекова, М. Ж.* (2017). Использование транспортной инфраструктуры Китая для транзита товаров из Средней Азии. Актуальные вопросы экономики, (1), 114-118.
- Жакшылыкова Т.* (2018). Сотрудничество Центральной Азии и Европейского союза. Наука и мир, (3), 6-23.
- Каримов М. Н.* (2020). Экономический потенциал Центральной Азии и перспективы его использования в условиях экономической интеграции. Вестник КазНУ, 40(4), 52-60.
- Маслиевская О.* (2019). Экономическая интеграция в Центральной Азии: роль ЕАЭС. Формирование рынка: теория и практика, (4), 49-55.
- Рзаев М. А.* (2017). Внешняя политика Кыргызской Республики: современные вызовы и задачи. Вестник Башкирского университета, 22(4), 1400-1413.
- Толегенов Х., Сагындыков, Б.* (2019). Экономический потенциал Кыргызстана и перспективы его использования. European Research Studies Journal, 22(Special Issue), 199-207.

REFERENCES

- Abdraimova N.* (2019). Venchurnyj kapital v Kyrgyzstane i Finlyandii: analiz osobennostej. Vestnik Nacional'nogo universiteta im. YU. Balasagyna. Seriya «Ekonomika», (4), 52-57.
- Aliiev SH.* (2018). Vneshnepoliticheskaya struktura Kyrgyzskoj Respubliki na sovremennom etape. Gumanitarnye nauki v prostranstve Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza, (1), 102-108.
- Arslan S. E., Kadyralieva A. A., ZHumabekova M. ZH.* (2017). Ispol'zovanie transportnoj infrastruktury Kitaya dlya tranzita tovarov iz Srednej Azii. Aktual'nye voprosy ekonomiki, (1), 114-118.
- Karimov M. N.* (2020). Ekonomicheskij potencial Central'noj Azii i perspektivy ego ispol'zovaniya v usloviyah ekonomicheskoy integracii. Vestnik KazNU, 40(4), 52-60.
- Maslievskaya O.* (2019). Ekonomicheskaya integraciya v Central'noj Azii: rol' EAES. Formirovanie rynka: teoriya i praktika, (4), 49-55.
- Rzaev M. A.* (2017). Vneshnyaya politika Kyrgyzskoj Respubliki: sovremennye vyzovy i zadachi. Vestnik Bashkirskogo universiteta, 22(4), 1400-1413.
- Tolegenov H., & Sagyndykov, B.* (2019). Ekonomicheskij potencial Kyrgyzstana i perspektivy ego ispol'zovaniya. European Research Studies Journal, 22(Special Issue), 199-207.
- ZHakshylykova T.* (2018). Sotrudnichestvo Central'noj Azii i Evropejskogo soyuza. Nauka i mir, (3), 6-23.

ПРИЛОЖЕНИЕ/APPENDIX

Рис 1. Динамика экспорта Кыргызстана в государства-члены ЕАЭС в период с 2016 по 2021 гг., млн. долл. США

Источник: Составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии

Рис. 2. Структура экспорта по укрупненным товарным группам в 2015 и 2020 гг., %

Источник: Составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии

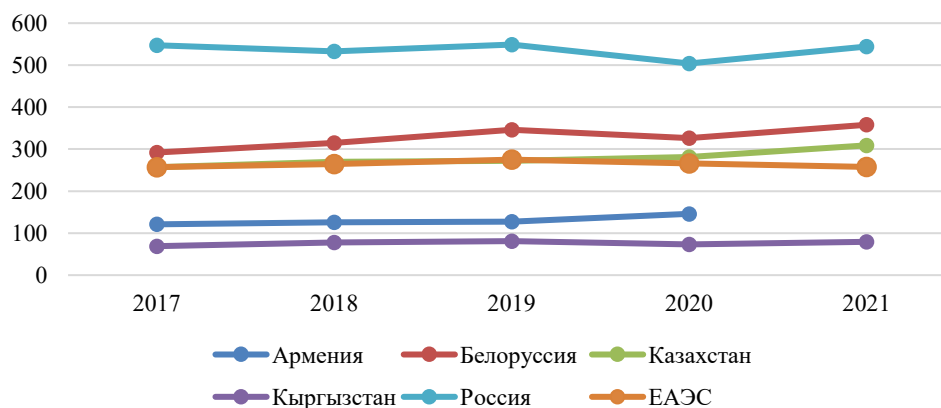
Таблица 1
Динамика ВВП на душу населения в государствах-членах ЕАЭС, долл. США

	2017	2018	2019	2020	2021
Армения	12115,1	13018,9	14230	13311	14630,2
Беларусь	18356,1	19428	20092,9	20237,6	21698,6
Казахстан	24863	26154,	27464	26750,	28600

		6		4	
Кыргызстан	5046,7	5255,8	5480,3	4985	5287,8
Россия	25926,4	28821,3	30067,7	29916	32803,4

Источник: Составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии

Рис. 3. Динамика среднедушевых доходов населения в месяц в государствах-членах ЕАЭС, долл. США

Источник: Составлено автором на основе данных Евразийской экономической комиссии

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Турсубеков Данияр Бактыбекович,
 директор Департамента протокола
 и организационного обеспечения
 Евразийской экономической комиссии,
 e-mail: turusbekov@eecommission.org

Turusbekov Daniyar Baktybekovich,
 Director of the Organizational Support and
 Protocol Department of the Eurasian
 Economic Commission,
 e-mail: turusbekov@eecommission.org

КИБЕРТЕРРОРИЗМ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ / CYBERTERRORISM IN THE POST-SOVIET REGION

Научная статья / Research article

Проблема борьбы с терроризмом в киберпространстве в Республике Казахстан

М. А. Зиновин

*Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия
e-mail: azinoff@mail.ru*

В. А. Данилов

*Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия
e-mail: danilov_va@pfur.ru*

Аннотация. С развитием интернет-технологий своё развитие и даже новую жизнь получили многие аспекты человеческой жизни: медицина, образование, новые виды работ и увлечений, но, в этот список также попала преступность и другие виды деятельности, которые направлены на дестабилизацию и крах гражданского общества. Кибертерроризм за последние десятилетия настолько усугубился, что стал одной из самых актуальных проблем в мире современных международных отношений, охватывая при этом многие регионы, включая постсоветское пространство. Казахстан, как и другие страны СНГ, не стала исключением. В данной статье авторы видят своей главной целью выявить основные проблемы при противодействии терроризму в киберпространстве на территории Казахстана. Хронологические рамки исследования затрагивают период с 2001 по 2022 гг., когда Казахстан впервые подвергся масштабной кибератаке. В статье анализируется, связанное с проблематикой кибертерроризма, законодательство Казахстана и правовые основы противодействия киберпреступлениям. Особое внимание в статье уделено анализу совершенных кибератак на государственные и иные интернет-ресурсы в стране. Авторы приходят к выводу о том, что в стране достаточно высокий уровень террористической активности в киберпространстве, что отчасти объясняется неэффективностью применения современных технологий защиты информации и недостаточным уровнем кибербезопасности в организациях и учреждениях. Кроме того, отсутствие строгих мер по контролю за использованием интернета и социальных сетей способствует усилению террористической пропаганды и вербовки новых сторонников. В связи с этим, необходимо проводить активную работу по улучшению кибербезопасности в стране, внедряя новые технологии и проводя обучение населения основам безопасного поведения в сети. Результаты данного исследования могут быть полезны для правительства, специалистов по кибербезопасности и всех, кто заинтересован в борьбе с терроризмом в киберпространстве на территории Казахстана.

Ключевые слова. Кибертерроризм, киберпреступления, Казахстан, противодействие кибертерроризму, СНГ.

Для цитирования: Зиновин М.А., Данилов В.А. Проблема борьбы с терроризмом в киберпространстве в Республике Казахстан // Постсоветские исследования. 2023;6(6):617-625.

The problem of countering terrorism in cyberspace in the Republic of Kazakhstan

Maxim A. Zinovin

*RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia
e-mail: azinoff@mail.ru*

Vitaly A. Danilov

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia

e-mail: danilov_va@pfur.ru

Abstract. With the development of internet technologies, many aspects of human life have received a new lease on life: medicine, education, new types of work and hobbies. Unfortunately, crime and other activities aimed at destabilizing and destroying civil society have also made their way onto this list. Cyberterrorism has worsened over the past few decades and has become one of the most pressing issues in modern international relations, affecting many regions, including the post-Soviet space. The Republic of Kazakhstan, like other CIS countries, is not exempt from this list. The authors of this article aim to identify the main problems in combating terrorism in cyberspace on the territory of the Republic of Kazakhstan. The chronological framework of the study covers the period from 2001 to 2022, when Kazakhstan was first subjected to a large-scale cyberattack. The article analyzes the legislation of the Republic of Kazakhstan related to the problem of cyberterrorism and the legal basis for combating cybercrime. Special attention is paid to the analysis of cyberattacks on state and other internet resources in the country. The authors conclude that there is a sufficiently high level of terrorist activity in cyberspace in the country, partly due to the ineffective use of modern information protection technologies and insufficient levels of cybersecurity in organizations and institutions. In addition, the absence of strict measures to control the use of the internet and social networks contributes to the strengthening of terrorist propaganda and recruitment of new supporters. In this regard, it is necessary to actively work on improving cybersecurity in the country, introducing new technologies and conducting training for the population on the basics of safe behavior online. The results of this study can be useful for the government, cybersecurity specialists, and anyone interested in combating terrorism in cyberspace on the territory of the Republic of Kazakhstan.

Key words: Cyberterrorism, cybercrime, Republic of Kazakhstan, countering cyberterrorism, CIS.

For citation: Zinovin M.A., Danilov V.A. The problem of countering Terrorism in cyberspace in the Republic of Kazakhstan // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;6(6):617-625. (In Russ.).

Кибертерроризм представляет серьезную угрозу для национальной безопасности многих стран по всему миру. Террористы могут использовать различные формы кибератак для дестабилизации экономики, криминальной деятельности, шпионажа и многого другого. Кроме того, развитие новых технологий и появление новых уязвимостей в компьютерных сетях создают дополнительные риски, которые следует учитывать при разработке мер по защите государственных структур и критической инфраструктуры. Еще больше волнений вызывает быстрое развитие технологий из-за чего кибертерроризм становится все более сложной и опасной проблемой.

Освещение проблематики, связанной с кибертерроризмом, является как никогда актуальным в научных работах в настоящее время. Научные исследования могут помочь в выявлении уязвимостей в системах

безопасности, создании новых методов защиты от кибератак, а также в разработке стратегий борьбы с кибертерроризмом. Кроме того, научные работы могут стать основой для разработки законодательства, направленного на борьбу с будущими угрозами в сфере кибербезопасности.

Проблема борьбы с кибертерроризмом является серьезным международным вызовом и требует согласованного подхода, координации усилий и совместного решения ряда стран. Научные исследования могут сыграть важную роль в развитии стратегии и тактики противодействия этому явлению. Они помогут определить основные направления действий, выявить технические и организационные меры по повышению уровня безопасности информационных систем, защите государственных интересов и защите прав и свобод граждан [Власов 2021: 2].

Кибертерроризм: определение, виды, причины и основные отличия от терроризма

Терроризм, согласно закону Республики Казахстан "О противодействии терроризму" от 13 июля 1999 года № 416, Главы 1., Статьи 1 - это противоправное уголовно наказуемое деяние или угроза его совершения в отношении физических лиц или организаций в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, оказания воздействия на принятие государственными органами Республики Казахстан, иностранными государствами и международными организациями решений либо с целью прекращения деятельности государственных либо общественных деятелей или из мести за такую деятельность¹. Кибертерроризм, в свою очередь, использует современные интернет-технологии и уязвимости онлайн систем для достижения несколько иных целей, и имеет отличные от терроризма мотивы. [Бураева 2017: 1]. Он может включать в себя кибершпионаж, кибератаки на критическую инфраструктуру, распространение вредоносных программ, вымогательство взамен на прекращение кибертеррора, шантаж высокопоставленных лиц и т.д. [Вехов 1998: 29–37]. Данные методы чаще используются для финансового обогащения, реже мести^{2,3}, как это было указано выше. Не исключено, что средства, полученные за счет кибератак, затем пойдут на реализацию терактов в стране или на развитие террористической организации за счет вербовки новых участников или объединения с другими организациями [Мазуров 2010: 4].

¹ Закон Республики Казахстан "О противодействии терроризму" от 13 июля 1999 года № 416 // Антитеррористический центр государств – участников Содружества Независимых Государств. URL: <https://cisatc.org/1289/9115/135/9126/155/281/7914> (дата обращения: 04.04.2023).

² Казахстан подвергается масштабной кибератаке // Anadolu Ajansi СМИ. URL: <https://goo.su/DVaJy> (дата обращения: 04.04.2023).

³ На Казнет продолжают масштабные кибератаки // Kazakhstan Today СМИ. URL: https://www.kt.kz/rus/science/na_kaznet_prodolzha_yutsya_masshtabnye_kiberataki_1377940471.html (дата обращения: 04.04.2023).

Можно выделить несколько причин, по которым сеть Интернет привлекает террористические организации:

- доступность;
- отсутствие должного контроля со стороны государства;
- наличие неограниченного числа пользователей, на которых возможно оказать влияние;
- сложная идентификация личности;
- способность мгновенно распространять информацию по всему миру [Ленский 2017: 5].

Учитывая все, что было указано выше, основное отличие терроризма от кибертерроризма заключается в последствиях, которые следуют после соответствующих атак. Для примера были взяты два теракта:

1. Теракт в Алма-Ате 18 июля 2016 года. Пострадало 8 человек, 11 погибло⁴.

2. В 2014 году произошла крупнейшая кибератака на банки Казахстана при помощи Zbot и параллельно с этим обычные жители Казахстана подверглись кибератаке через мобильные вирусы⁵, в результате которых были украдены десятки миллионов долларов⁶.

Как мы можем видеть, последствия двух видов атак кардинально отличаются друг от друга, но при этом обе эти атаки считаются террористическими актами, вне зависимости от кто был исполнителем и какие цели они преследовали.

Кибертерроризм в Республике Казахстан

История кибертерроризма в Казахстане началась с 2000-х гг., когда появились первые случаи кибератак на банки и другие объекты. Одним из первых таких случаев стало нападение на сайт компании "Kcell" в 2001 г.,

⁴ Атака алматинского стрелка: что творилось на улицах во время теракта // Sputnik Казахстан СМИ. URL: <https://ru.sputnik.kz/20180718/almatinskij-strelok-den-terakta-6479800.html> (дата обращения: 04.04.2023).

⁵ Казахстан оказался на 3-м месте среди самых атакуемых мобильными вирусами стран // Tengri News СМИ. URL: <https://tengrinews.kz/internet/kazahstan-okazalsya-3-m-meste-sredi-samyih-atakuemyih-259795/> (дата обращения: 04.04.2023).

⁶ На Казнет продолжают масштабные кибератаки // Tengri News СМИ. URL: <https://tengrinews.kz/internet/kiberataki-v-kazahstane-ugrojali-80-protsentam-kompaniy-256785/> (дата обращения: 04.04.2023).

когда неизвестные хакеры заблокировали доступ к сайту и потребовали выкуп⁷. В последующие годы наблюдалось увеличение числа кибератак на различные объекты в Казахстане, включая государственные и частные организации, мы выделили самые известные из них:

- В 2003 г. была зафиксирована серия DDoS-атак на казахстанские интернет-ресурсы, в том числе на сайты правительства и банков.
- В 2005 г. была произведена атака на сайт Центрального банка Казахстана, которая привела к временной недоступности ресурса.
- В 2008 г. произошла одна из самых масштабных кибератак на Казахстан - хакеры атаковали сайты правительства, банков и коммерческих организаций. Атаки были проведены при помощи ботнетов, созданных на компьютерах пользователей с использованием вредоносных программ. Схожие атаки можно было наблюдать на Украине, в Эстонии и Грузии.
- В 2014 г. каждый второй казахстанский пользователь был атакован хакерами⁸.
- В мае 2017 г. была проведена кибератака на сервера оператора Кашагана (морское месторождение нефти), которая прервала добычу нефти на этом месторождении на несколько месяцев. Добыча нефти на гигантском морском месторождении Кашаган в Атырауской области была возобновлена осенью 2017 г.⁹ В этом же году банковский сектор страны вновь был атакован, некоторые эксперты

называют атаки беспрецедентными и заявляют о том, что это только начало.¹⁰

- В 2019 г. была проведена кибератака на Национальный банк Казахстана, в результате которой были украдены конфиденциальные данные о клиентах банка. Также в этом же году была зафиксирована кибератака на систему энергоснабжения Астаны и на сайт аэропорта Астаны из-за чего в адрес руководства аэропорта посылались шквал негативных отзывов, тем самым подорвав доверие к сервису.¹¹
- В 2020 г. произошла серия кибератак на крупные компании Казахстана, в том числе на Национальную компанию «Қазақстан темір жолы» и компанию «Қазахтелеком». Было заявлено, что за атаками стояли зарубежные хакерские группировки.
- Согласно отчету KPMG «Drilling Down» случаи атак программ-вымогателей на сети ОТ увеличились в пять раз с 2018 по 2020 год. Из них на производственные предприятия приходится более трети подтвержденных атак программ-вымогателей, за ними следуют коммунальные службы, на долю которых приходится 10%. Количество атак программ-вымогателей резко возросло, в 2021 г. ущерб от них достиг 20 млрд долл. по сравнению с 0,3 млрд долл. в 2015 г. В 2020 г. число атак программ-вымогателей на энергетические и коммунальные предприятия увеличилось на 32 %¹²
- В 2022 г., в связи с началом электорального периода в Казахстане, проводилась массированная атака на

⁷ Произошедший сбой сотовой связи в сети K`CELL // КАРАВАН Медиа-портал. URL: <https://www.caravan.kz/news/proizoshedshijj-sbojjj-sotovojj-svyazi-v-seti-kcell-ne-imel-politicheskoi-podopleki-glava-kompanii-gsm-kazakhstan-170558/> (дата обращения: 05.04.2023).

⁸ Кибератаки в Казахстане угрожали 80 процентам компаний // Tengri News СМІ. URL: <https://tengrinews.kz/internet/kiberataki-v-kazahstane-ugrojali-80-protsentam-kompaniy-256785/> (дата обращения: 05.04.2023).

⁹ Хакеры атаковали серверы оператора Кашагана // Капитал Казахстан СМІ. URL: <https://kapital.kz/economic/59747/khakery-atakovali-servery-operatora-kashagana.html>

¹⁰ Кто устроил кибератаки на банки и пытался обчистить казахстанцев // Informburo.kz СМІ. URL: <https://informburo.kz/stati/kto-ustroil-kiberataki-na-banki-i-pytalsya-obchistit-kazahstancev.html>

¹¹ Хакеры подорвали доверие к сайту аэропорта Астаны - программист // Sputnik Казахстан СМІ. URL: <https://ru.sputnik.kz/20190305/khaker-ataki-satiyev-9511763.html> (дата обращения: 05.04.2023).

¹² Годовой отчет 2022 АО НК «КазМунайГаз» // Отчет газовой компании. URL: [https://www.kmg.kz/upload/iblock/af5/rn8yccb2p6yx9tqufp5b31ea5h893kj5/KMG_AR2022_RUS%20\(1\).pdf](https://www.kmg.kz/upload/iblock/af5/rn8yccb2p6yx9tqufp5b31ea5h893kj5/KMG_AR2022_RUS%20(1).pdf) (дата обращения: 05.04.2023)

«Казнет» и государственные компании и интернет-ресурсы. Согласно данным полученным от АО "Государственная техническая служба" (АО "ГТС"), с 5 сентября по 5 октября 2022г. – было отражено около 20 млн кибератак.¹³

Проанализировав представленные выше кибератаки, выделив в них угрозы и уязвимости для киберпространства Казахстана, можно сделать вывод, что основными уязвимыми местами являются критически важные государственные системы, такие как системы энергоснабжения, транспорта, телекоммуникаций, объекты государственного управления и банки. В добавок к этому можно провести некую параллель между атаками и развитием интернета в стране. Казнет в самом начале имел невероятный потенциал развития и находился в лидерах мировой паутины [Темирболат Бакытжан 2010: 5-7]. Согласно данным, полученным с сайта посвящённому развитию интернета на территории Республики Казахстан¹⁴ (см. рис. 1-3). Основные этапы развития Казнета совпали с периодами кибертеррора в стране, что говорит о том, что до появления «Киберщита Казахстана» в 2017 г., правительство не имело возможности противостоять теневой интернет мафии, которая с 2000-х гг. нанесла ущерб не только Казахстану и каждой стране в мире, которая была подключена к мировой сети интернет.

Однако, несмотря на комплекс мер, проводимых государством, по противодействию кибертерроризму, недавний отчет специалистов из «Лаборатории Касперского» говорит о том, что количество фишинговых атак в Казахстане увеличилось на 12% в первом квартале 2023 г. по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. При этом корпоративный сектор стал наиболее уязвимым и был подвержен фишинговым

атакам с ростом в 120%. Специалисты компании рассчитали, что Казахстан занимает седьмое место в мире по количеству кибератак.¹⁵

Противодействие кибертерроризму в Республике Казахстан

Действующее законодательство по борьбе с кибертерроризмом в Казахстане включает в себя:

- Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 5 июля 2014 года №235-V ЗРК
- Комитет по информационной безопасности Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности РК
- Уголовный кодекс Республики Казахстан «О противодействии терроризму» от 13 июля 1999 года № 416 со всеми дополнениями.
- Закон Республики Казахстан от 11 января 2007 года № 217-III «Об информатизации»
- Закон Республики Казахстан от 21 мая 2013 года № 94-V «О защите персональных данных»
- Концепция «Киберщит Казахстана»

В 2007 г. в законодательстве Казахстана появились такие понятия как персональные данные, их сбор и распространение (Закон □«Об информатизации»). Затем в 2013 г. был разработан закон "О персональных данных и их защите" целью которого является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при сборе и обработке персональных данных. Оба этих закона регулирует отношения, связанные со сбором, обработкой и защитой персональных данных граждан Казахстана.

Незадолго до создания концепции киберщита, в 2016 г. прошел форум хакеров «DEFCON», на котором впервые появилась казахская группа, инициированная Центром анализа и расследования кибератак (ЦАРКА).

¹³ Киберщит Казахстана отразил около 20 млн атак за месяц// [Zakon.kz](https://www.zakon.kz/6026731-kibershchit-kazakhstan-otrazil-okolo-20-mln-atak-za-mesiats.html) СМИ. URL: <https://www.zakon.kz/6026731-kibershchit-kazakhstan-otrazil-okolo-20-mln-atak-za-mesiats.html> (дата обращения: 05.04.2023).

¹⁴ История мировой паутины // Сайт-архив. URL: <http://bluescreenkz.tilda.ws/page24552755.html> (дата обращения: 08.04.2023).

¹⁵ Казахстан занял седьмое место в мире по количеству кибератак // Forbes Kazakhstan Журнал. URL: https://forbes.kz/actual/technologies/kaspersky_kazakhstan_zanyal_sedmoe_mesto_v_mire_po_kolichestvu_kiberatak (дата обращения: 08.04.2023).

На этой встрече прозвучали заявления о том, что Казахстан абсолютно не готов к информационной войне и кибератакам. Об этом заявили участники первой встречи «этичных хакеров» в Астане, наглядно продемонстрировав уязвимости порталов гос.органов и частных компаний. О казахстанцах, как и обо всех пользователях интернета, постоянно собираются данные и при любом удобном случае, их могут использовать в ущерб национальным интересам страны, поэтому государству и рядовым пользователям нужно научиться защищать информацию.¹⁶

После таких громких заявлений, 7 марта 2017 года правительство Казахстана представило свою концепцию «Киберщит Казахстана»¹⁷. Эта концепция определяет основные направления реализации государственной политики в сфере защиты электронных информационных ресурсов, информационных систем и сетей телекоммуникаций, обеспечения безопасного использования информационно-коммуникационных технологий.¹⁸

15 марта этого же года эксперты высказали свои рекомендации по улучшению правительственной концепции. В ходе обсуждения выяснилось, что существовавшая на тот период времени интернет инфраструктура в стране не позволяет реализовать эту концепцию. Согласно мнению Армана Абдрасилова, директора Центра анализа и расследования кибератак, проект Концепции создания национальной системы кибербезопасности является недоделанным документом, который не отражает важных вопросов по созданию «Киберщита». Он считает, что проект не содержит описания составных частей системы и их функций. Эксперт также не соглашается с тем, что система мер по обеспечению кибербезопасности уже

сформирована и законодательно закреплена, ссылаясь на отсутствие единой системы мер и документов, объединяющих меры и закрывающих отдельные вопросы. «К тому же в Казахстане острой проблемой является слабое развитие отечественной индустрии информационной безопасности, в частности в разработке средств криптографии. Одна из причин такой ситуации в том, что иностранные компании-гиганты через своих представителей в республике не дают возможности встать на ноги отечественным специалистам и компаниям. С учетом того, что разработки в области защиты информации напрямую связаны с обеспечением госсекретов, использование готовых иностранных продуктов крайне опасно, необходимо развивать собственные лаборатории», - подчеркивает Ержан Сейткулов, директор НИИ информационной безопасности и криптологии Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева, член Общественного совета министерства оборонной и аэрокосмической промышленности Казахстана.¹⁹

Опираясь на полученную информацию, мы выделили основные направления развития методов по борьбе с кибератаками в Казахстане:

1. Обучение населения и сотрудников компаний основам кибербезопасности. Государственные структуры и частные компании должны организовывать тренинги и обучения сотрудников правилам безопасного поведения в сети.

2. Первоначально необходимо усиление защиты критической инфраструктуры, такой как электростанции, водоочистные и другие объекты, которые ранее неоднократно были атакованы и будут атакованы в будущем.

3. Развитие существующей инфраструктуры для обнаружения и

¹⁶ Первая DEFCON встреча вскрыла проблемы в национальной киберобороне Казахстана // Digital.Report СМИ. URL: <https://digital.report/pervaya-defcon-vstrecha-vskryla-problemyi-v-natsionalnoy-kiberoborone-kazahstana/> (дата обращения: 08.04.2023).

¹⁷ Опубликована концепция «Киберщит Казахстана» // Digital.Report СМИ. URL: <https://digital.report/opublikovana-kontseptsiya-kibershhit-kazahstana/> (дата обращения: 08.04.2023).

¹⁸ Киберщит // Комитет национальной безопасности Республики Казахстан государственный сайт. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/knb/activities/250?lang=kk> (дата обращения: 08.04.2023).

¹⁹ «Киберщит Казахстана»: идеология & конкретика? // Информационная система ПАРАГРАФ архив. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36321387&pos=15;-48#pos=15;-48 (дата обращения: 08.04.2023).

реагирования на кибератаки. Это запуск дополнительных систем мониторинга, детектирования и аналитики, а также разработка плана действий для быстрого реагирования на кибератаку.

Заключение

Спустя 6 лет с момента появления Концепции «Киберцит Казахстана» государственные структуры все еще подвергаются огромному количеству кибератак, но несмотря на это, у Концепции есть бесконечное пространство для развития в будущем. Кроме того, в Казахстане есть компании, которые имеют успешный опыт защиты своих данных. Так, например, для предотвращения киберрисков и утечки

чувствительных данных «КазМунайГаз» проводит работу по поддержанию соответствия системы менеджмента информационной безопасности (СМИБ) действующим международным стандартам и аудит информационной безопасности.²⁰ Точно такую же работу должны проводить и другие крупные компании, дабы расширить консультационный ресурс для модификации гос. проектов по киберзащите. Кроме того, необходимо сотрудничать со всеми заинтересованными странами. Это может быть обмен информацией или координация действий при возникновении глобальных киберугроз.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Рисунок 1.

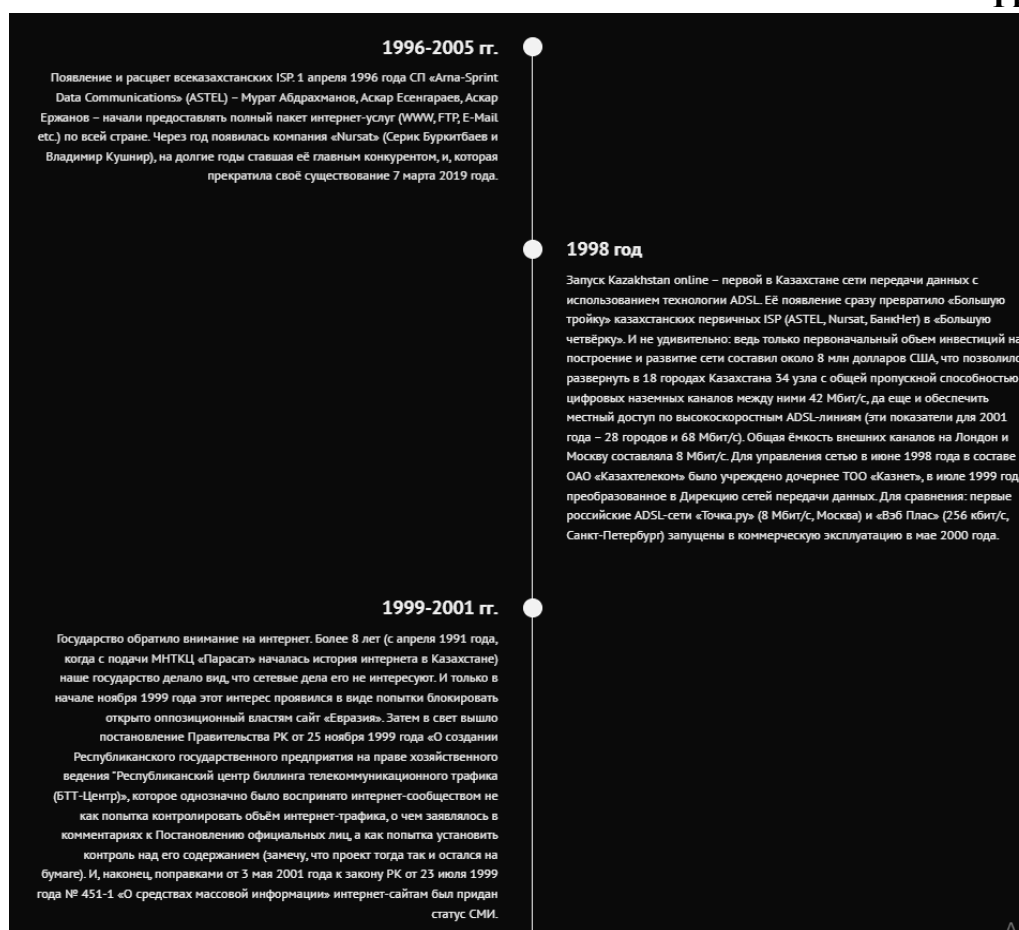

Рис. 1. История развития интернета в Республике Казахстан (1996-2001 гг.)²¹

²⁰ Годовой отчет 2022 АО НК «КазМунайГаз» // Отчет газовой компании. URL: [https://www.kmg.kz/upload/iblock/af5/rn8yccb2p6yx9tqufp5b31ea5h893kj5/KMG_AR2022_RUS%20\(1\).pdf](https://www.kmg.kz/upload/iblock/af5/rn8yccb2p6yx9tqufp5b31ea5h893kj5/KMG_AR2022_RUS%20(1).pdf) (дата обращения: 05.04.2023).

²¹ Важные этапы истории Казнета // Сайт-архив. URL: <http://bluescreenkz.tilda.ws/page24552755.html> (дата обращения: 08.04.2023).

Рисунок 2.

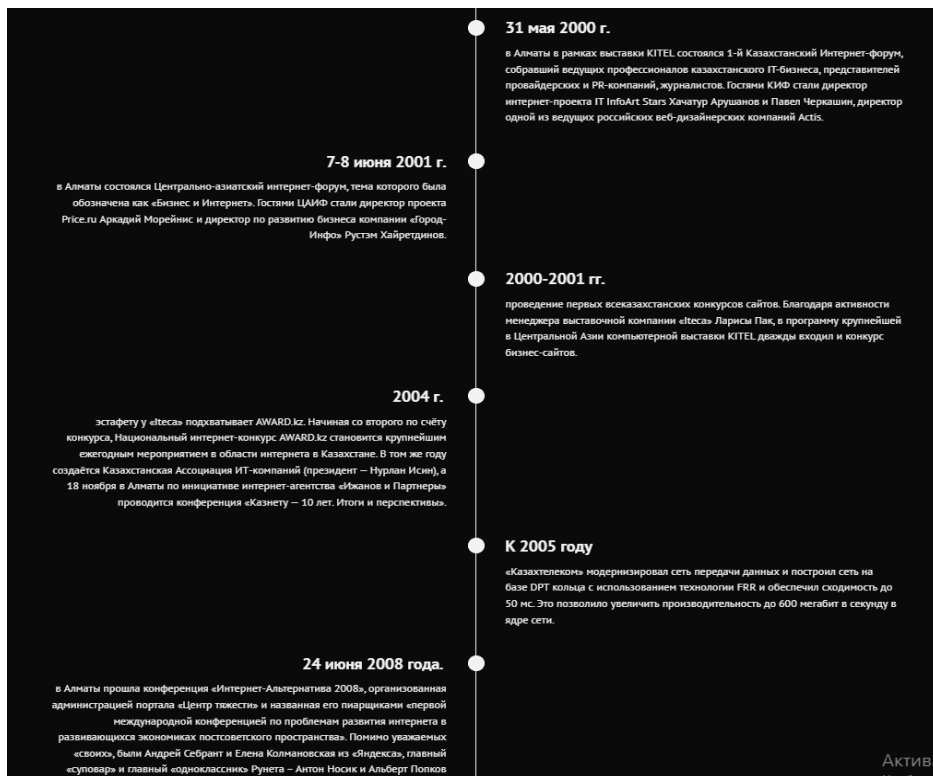

Рис. 2. История развития интернета в Республике Казахстан (2001-2008 гг.)²²

Рисунок 3.

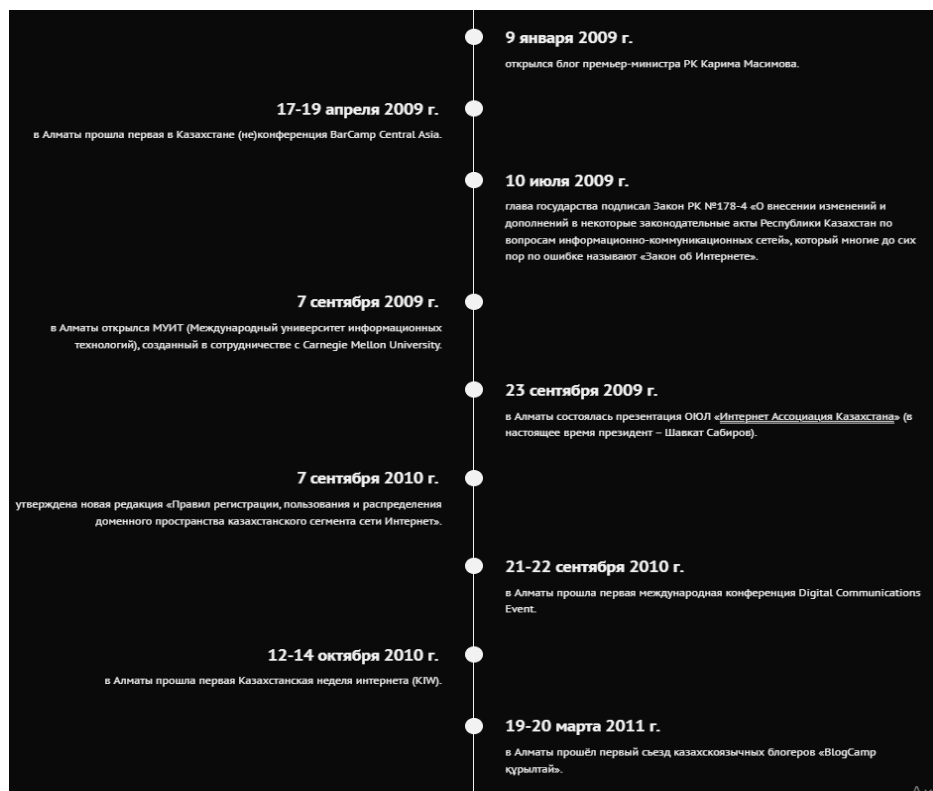

Рис. 3. История развития интернета в Республике Казахстан (2008-2011 гг.)²³

²² Важные этапы истории Казнета // Сайт-архив. URL: <http://bluescreenkz.tilda.ws/page24552755.html> (дата обращения: 08.04.2023).

²³ Важные этапы истории Казнета // Сайт-архив. URL: <http://bluescreenkz.tilda.ws/page24552755.html> (дата обращения: 08.04.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бураева Л. А.* Кибертерроризм как новая и наиболее опасная форма терроризма // Пробелы в российском законодательстве. 2017. №3. С. 35-37.
- Вехов В.Б.* Компьютерные преступления: способы совершения, методики расследования. – М.: Право и закон, 1998. – С. 182.
- Власов И. А.* Проблемы борьбы с кибертерроризмом в современной России / И. А. Власов // Судебная система России на современном этапе общественного развития: Сборник научных трудов Всероссийской студенческой научной конференции, Ростов-на-Дону, 10 декабря 2021 г. – Ростов-на-Дону, 2021. – С. 399-402.
- Ленский И. А.* Кибертерроризм как одна из форм современного терроризма / И. А. Ленский // Актуальные вопросы тактики охраны общественного порядка и общественной безопасности: Сборник научных статей Материалы межвузовской научно-практической конференции, Иркутск, 27 января 2017 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД Российской Федерации, 2017. – С. 100-108.
- Темирболат Бакытжан* Политический Интернет в Казахстане: тенденции, проблемы и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. 2011. №1. С. 179-192.
- Мазуров В.А.* Кибертерроризм: понятие, проблемы противодействия // Доклады ТУСУР. 2010. №1-1 (21). С. 41-45.

REFERENCES

- Buraeva L. A.* Kiberterrorizm kak novaya i naiboleye opasnaya forma terrorizma // Probely v rossiyskom zakonodatel'stve. 2017. №3. P. 35-37.
- Vekhov V.B.* Komp'yuternyye prestupleniya: sposoby soversheniya, metodiki rassledovaniya. – M.: Pravo i zakon, 1998. – P. 182.
- Vlasov I. A.* Problemy bor'by s kiberterrorizmom v sovremennoy Rossii / I. A. Vlasov // Sudebnaya sistema Rossii na sovremennom etape obshchestvennogo razvitiya: Sbornik nauchnykh trudov Vserossiyskoy studencheskoy nauchnoy konferentsii, Rostov-na-Donu, December 10, 2021. – Rostov-na-Donu, 2021. – P. 399-402.
- Lensky I. A.* Kiberterrorizm kak odna iz form sovremennogo terrorizma / I. A. Lenskiy // Aktual'nyye voprosy taktiki okhrany obshchestvennogo poryadka i obshchestvennoy bezopasnosti : Sbornik nauchnykh statey Materialy mezhvuzovskoy nauchno- prakticheskoy konferentsii, Irkutsk, January 27, 2017. – Irkutsk: Vostochno- Sibirskiy institut MVD Rossiyskoy Federatsii, 2017. – P. 100-108.
- Temirbolat Bakytzhan* Politicheskiy Internet v Kazakhstane: tendentsii, problemy i perspektivy // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2011. №1. P. 179-192.
- Mazurov V.A.* Kiberterrorizm: ponyatiye, problemy protivodeystviya // Doklady TUSUR. 2010. №1-1 (21). P. 41-45.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Зиновин Максим Андреевич, студент 1 курса магистратуры, направление «международные отношения», РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия. (E-mail: azinoff@mail.ru)

Данилов Виталий Алексеевич, к.и.н., директор центра прикладного анализа международных трансформаций, доцент кафедры теории и истории международных отношений РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия. (E-mail: danilov_va@pfur.ru)

Maxim A. Zinovin, 1st year student of the master's program "international relations", RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia. (E-mail: azinoff@mail.ru).

Vitaly A. Danilov, Ph.D. in history, Director of the Center for Applied Analysis of International Transformations, Associate Professor of the Department of Theory and History of International Relations RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia. (E-mail: danilov_va@pfur.ru).

Региональное сотрудничество стран Центральной Азии в борьбе с кибертерроризмом

А. Э. Галицына

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия

E-mail: 1132223124@rudn.ru

О. В. Кембель

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия

E-mail: 1132223122@rudn.ru

Д. Д. Потапова

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия

E-mail: 1132223125@rudn.ru

Аннотация: В статье коллектив авторов рассматривает актуальные инициативы и перспективы сотрудничества стран Центральной Азии по вопросам кибербезопасности и борьбы с кибертерроризмом. Регион стал свидетелем роста количества угроз, связанных с использованием информационных технологий в преступных целях. Подавляющее большинство совершаемых в киберпространстве атак приходится на финансовый сектор и носит частный характер, тем не менее, постепенная цифровизация важнейших отраслей экономики государств Центральной Азии и возрастающая роль всемирной информационной сети в координации действий как традиционных, так и нетрадиционных акторов, в перспективе могут привести к увеличению числа угроз и расширению «ассортимента» кибератак: от мошенничества и распространения экстремистских убеждений среди определённых слоев населения до нападений на промышленные объекты и их системы управления. В связи с этим правительства центральноазиатских держав принимают меры для усиления контроля над каналами коммуникаций и защиты своей информационной инфраструктуры. Государства Центральной Азии активно развивают региональные инициативы по вопросам обеспечения кибербезопасности и пресечения террористической деятельности в киберсреде, однако данные форматы взаимодействия слабо институционализированы и преимущественно представлены дискуссионными площадками. На современном этапе страны региона отдают предпочтение совершенствованию государственного законодательства и организационных мероприятий по обеспечению информационной безопасности на национальном уровне, а также разработке соответствующих проектов в рамках более широкого региона – Евразии. Многостороннее сотрудничество в области противодействия киберугрозам на евразийском пространстве ведётся по линии СНГ и ШОС: механизмы, которые создаются и развиваются в стенах данных интеграционных объединений, дают импульс формированию системы региональной информационной безопасности.

Ключевые слова: терроризм, кибертерроризм, Центральная Азия, противодействие терроризму, СНГ, ШОС.

Для цитирования: Галицына А. Э., Кембель О. В., Потапова Д. Д. Региональное сотрудничество стран Центральной Азии в борьбе с кибертерроризмом // Постсоветские исследования. 2023;6(6):626-638.

Regional Cooperation Between Central Asian Countries in Fight Against Cyberterrorism

Arina E. Galitsyna

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia

E-mail: 1132223124@rudn.ru

Olinda V. Kembel

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia
E-mail: 1132223122@rudn.ru

Daria D. Potapova

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia
E-mail: 1132223125@rudn.ru

Abstract: In this article the authors study topical initiatives and prospects for cooperation between countries of Central Asia on cybersecurity and in the fight against cyberterrorism. The region has witnessed a rise in the number of threats related to information technologies and their use for criminal purposes. The vast majority of attacks in cyberspace belong to the financial industry and are of individual nature, nevertheless, gradual digitalization of the most important sectors of the Central Asian states' economy and increasing role of the global information network in coordination of actions of both traditional and non-traditional actors in the future can result in increased number of threats and expansion of the range of cyberattacks: from fraud and spread of extremist beliefs among certain parts of the population to attacks on industrial facilities and their management systems. In this regard, Central Asian countries' governments take measures to strengthen control over communication channels and to protect their information infrastructure. The states of Central Asia are actively developing regional initiatives on cybersecurity and suppression of terrorist activity in cybersphere, however, these formats of interaction are badly institutionalized and mainly represented by discussion platforms. At the current stage the countries of the region prefer improvement of state law and institutional arrangements for ensuring information security at national level, as well as developing projects within the wider region – Eurasia. Multilateral cooperation in the area of countering cyberthreats in the Eurasian space is under way through the CIS and SCO: mechanisms that are being established and developed within the walls of these integration associations give the impetus to the formation of a regional information security system.

Key words: terrorism, cyberterrorism, Central Asia, countering terrorism, CIS, SCO.

For citation: Arina E. Galitsyna, Olinda V. Kembel, Daria D. Potapova. Regional Cooperation Between Central Asian Countries in Fight Against Cyberterrorism // *Post-Soviet Studies*. 2023;6(6):626-638. (In Russ.).

В XXI в. киберпространство становится не только фундаментом для дальнейшего развития стратегических секторов экономики, транспортных систем и обороны той или иной страны, но и площадкой для взаимодействия многочисленных акторов мировой политики. Постепенный перенос конфликтов в глобальное информационное пространство также актуализирует проблему кибертерроризма как новой формы терроризма, появление которой стало возможным благодаря развитию гибких сетевых организационных структур и широкому доступу террористических формирований к коммуникационным технологиям и другим научно-техническим ресурсам.

Американский политолог В. Лакер отмечал, что в случае, если современный

терроризм направит свою энергию на информационную войну, его разрушительная сила экспоненциально возрастёт и станет даже больше, чем могла бы быть при условии попадания в руки террористов биологического и химического оружия [Laqueur 1996: 35]. В свою очередь, сетевая война может охватывать широкий спектр различных видов деятельности: от информационных операций, целью которых является психологическое воздействие, до кибератак на системы связи и объекты критической инфраструктуры.

Центральная Азия является частью глобального информационного общества. В период с 2000 по 2022 гг. количество интернет-пользователей в странах региона выросло на 99,8%: с 113 тыс. до почти 42 млн

чел.¹ В контексте кибербезопасности данный показатель является одним из важнейших: всемирная сеть объединяет колоссальные объёмы информации и обеспечивает обмен данными как между людьми, так и в рамках единой системы серверов, компьютеров и других вычислительных приборов, однако именно здесь и кроется уязвимость, поскольку, по словам бывшего генерального директора ICANN Р. Бекстрома, всё оборудование, которое имеет доступ в Интернет, может быть взломано [Цаканян 2017: 340].

Информационное пространство стран региона весьма ограничено: только в Казахстане и Кыргызстане количество интернет-пользователей превышает 50% от общей численности населения и составляет 86% и 55%, соответственно (табл. 1). В Узбекистане глобальной сетью пользуются только 50,1% населения, в Таджикистане – 30,4%, а в Туркменистане – 25,3%, что определяется негативным воздействием таких факторов, как неравномерное распределение базовых станций, нехватка инвестиций в инфраструктуру, плохое качество сотового сигнала, низкая скорость Интернета, дороговизна мобильной и интернет-связи и т. д.²

Конъюнктура будет неизбежно меняться под воздействием внешних факторов (например, в силу заинтересованности освоения рынка телекоммуникационных услуг Центральной Азии российскими, китайскими и западными компаниями) и внутренней потребности в цифровизации экономики и других сфер. Тем не менее, вопрос распространения информационно-коммуникационных технологий становится предметом дискуссий не только ввиду недостаточного финансирования и научно-технологической базы, но и из-за особенностей политической культуры стран региона, которая выражается в попытках фильтрации и мониторинга контента [Schmitz, Wolters 2012: 28]: центральноазиатские режимы осознают важность внедрения

современных цифровых технологий для обеспечения устойчивого экономического роста и одновременно с этим выражают обеспокоенность из-за возможной потери контроля над информационными потоками.

Эта озабоченность обусловлена тем, что с развитием киберпространства радикальные группировки получают больше возможностей для экспорта своей идеологии, вербовки и координации лиц для осуществления террористических актов, а также проведения кибератак на объекты энергосистемы и др. Данная проблема стала чрезвычайно актуальной после событий «арабской весны»: в августе 2011 г. в Астане прошёл неформальный саммит ОДКБ, одной из центральных тем которого стала роль социальных сетей и Интернета в политических процессах на Ближнем Востоке. В своей вступительной речи бывший лидер Казахстана Н. Назарбаев обозначил свободу информации в сети как угрозу региональной стабильности и безопасности [Schmitz, Wolters 2012: 28]. Тогда же главы государств договорились о выработке совместных мер противодействия угрозам в киберпространстве.

Согласно Глобальному индексу кибербезопасности (GCI), наиболее высоким уровнем защищённости обладает Казахстан: набрав 93,15 баллов из 100, Республика обеспечила себе второе место среди стран постсоветского пространства и вошла в ТОП-35 государств мира по данному показателю (табл. 2). Среди направлений, в которых Казахстан добился значительного успеха, были отмечены правовые меры и меры в отношении сотрудничества.

В качестве области дальнейшего роста были выделены меры для развития потенциала в сфере кибербезопасности, включающие государственную поддержку малых и средних предприятий в управлении киберрисками – необходимо отметить, что данная категория является слабым местом всех стран региона, кроме Казахстана и Узбекистана.

¹ Internet 2022 Usage in Asia // Internet World Stats. URL: <https://www.internetworldstats.com/stats3.htm>. (accessed: 15.04.2023).

² Karimova A. How is Mobile Communications and the Internet Developing in Central Asia? // CABAR.

25.10.2021. URL: <https://cabar.asia/en/how-is-mobile-communications-and-the-internet-developing-in-central-asia>. (accessed: 15.04.2023).

Особенно уязвимыми к киберугрозам оказались Таджикистан и Туркменистан, занявшие 138 и 144 места, соответственно. Основной проблемной областью этих стран выступает техническая составляющая, т. е. отсутствие или неэффективность служб реагирования на компьютерные инциденты на государственном уровне. Также в докладе GCI 2020 акцент делается на потребности в укреплении организационных мер: так, национальные стратегии и иные документы, затрагивающие кибербезопасность, подлежат регулярному обновлению. Помимо этого, подчёркивается приоритетность создания механизмов защиты детей в сети Интернет³.

По состоянию на 2022 г. Центральная Азия находилась на третьем месте в общемировом рейтинге по проценту компьютеров автоматизированных систем управления, которые были атакованы вредоносными объектами (45,06%), основным источником угроз стала сеть Интернет (> 25%)⁴. «Лаборатория Касперского» не публикует отдельную статистику по странам региона с выделением отраслей, подвергшихся наибольшему количеству атак. Однако в одном из докладов в сравнении указаны данные по России, Беларуси и Казахстану: согласно представленному в аналитическом материале графику, большая часть кибератак на АСУ в Казахстане пришлась на автоматизацию зданий и нефтегазовую сферу⁵.

Также в центральноазиатских странах отмечается большая активность финансовых «зловредов»: в ТОП-10 государств по доле атакованных банковскими троянами пользователей вошли Туркменистан (1 место, 6,7%), Таджикистан (3 место, 5,2%) и Узбекистан (5 место, 3,5%)⁶. Кроме того, Туркменистан, Казахстан и Таджикистан

входят в десятку стран, в которых были зафиксированы попытки установки программ-майнеров для скрытой генерации криптовалют.

В основном данные кибератаки имеют целью получение материальной выгоды, тем не менее, это не говорит об отсутствии политически ангажированных взломов и иных видов киберпреступлений: например, в Узбекистане действует хакерская группа Clone-Security, которая совершает атаки на сайты администраций (хокимиятов) и официальные страницы других органов власти в знак несогласия с узбекской политикой.

Региональные форматы взаимодействия

Центрально-Азиатский форум по управлению Интернетом (CA IGF) выступает крупнейшей региональной неформальной платформой для обсуждения вопросов цифрового развития. Он был учреждён в 2016 г. и является частью глобальной инициативы ООН. Уникальность этой площадки в том, что она привлекает к обсуждению государственной политики в отношении Интернета не только представителей органов власти стран региона, но и делегатов от бизнес-структур и неправительственных организаций⁷. Это способствует развитию государственно-частного партнёрства и в перспективе может уменьшить дисбаланс: как отметил бывший глава Центра анализа и расследования кибератак (ЦАРКА) А. Абдрасилов, в центральноазиатских странах сложилась ситуация, когда специалисты по кибербезопасности сконцентрированы преимущественно в частном секторе, но функции по выработке политики и принятию решений находятся в руках правительства⁸.

³ Global Cybersecurity Index 2020 // ITU Publications. URL: https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-GCI.01-2021-PDF-E.pdf. (accessed: 24.04.2023).

⁴ Статистика // Kaspersky ICS CERT. URL: <https://ics-cert.kaspersky.ru/statistics/>. (accessed: 28.04.2023).

⁵ Ландшафт угроз для систем промышленной автоматизации. Второе полугодие 2022 // Kaspersky ICS CERT. 06.03.2023. URL: <https://ics-cert.kaspersky.ru/publications/reports/2023/03/06/threat-landscape-for-industrial-automation-systems-statistics-for-h2-2022/>. (accessed: 28.04.2023).

⁶ Kaspersky Security Bulletin 2022 // Kaspersky. URL: https://go.kaspersky.com/rs/802-IJN-240/images/KSB_statistics_2022_ru_final.pdf. (accessed: 28.04.2023).

⁷ О форуме – CAIGF – Central Asia Internet Governance Forum // CAIGF. URL: <https://caigf.org/ru/o-forume/>. (дата обращения: 30.04.2023).

⁸ Нурмаков А. Эксперты Центральной Азии: кто должен отвечать за кибербезопасность? // Информационно-аналитический портал Digital.Report. 29.07.2016. URL: <https://digital.report/ekspertyi->

В марте 2022 г. в Узбекистане прошла международная конференция высокого уровня, посвящённая региональному сотрудничеству в рамках Совместного плана действий по осуществлению Глобальной контртеррористической стратегии ООН. В своём обращении к участникам мероприятия президент страны Ш.М. Мирзиёев выдвинул идею формирования Единой электронной сети по кибертерроризму в Центральной Азии, а также призвал международное сообщество к разработке единых правовых механизмов для противодействия терроризму в информационном пространстве⁹.

Эта инициатива может стать первой формальной региональной структурой по борьбе с киберугрозами. Однако на современном этапе государства Центральной Азии больше предпочитают участвовать в проектах с широким кругом членов – в частности, речь идёт о многосторонних форматах сотрудничества в рамках СНГ и ШОС.

Рост числа радикальных организаций, использование ИКТ для вербовки молодёжи, а также повышение уровня опасности в связи с расширением потенциала возникновения террористических демаршей в регионе закрепляют необходимость в эффективных мерах по противодействию радикализации, а Интернет, хотя и делает коммуникации, а также образовательные и досуговые активности доступнее, стал основным средством пропаганды, вербовки и подготовки «новой» террористической элиты – так считает М.С. Мирвайсов, заведующий международным отделом Академии Наук Республики Таджикистан, выступивший с данным тезисом на Международном круглом столе «Кибербезопасность и противодействие кибертерроризму и

экстремизму в странах Центральной Азии на современном этапе: результаты, проблемы и перспективы» в феврале 2019 г. в столице Республики Узбекистан¹⁰.

Это мероприятие – одна из редких инициатив, участие в которой приняли непосредственно региональные игроки, а именно Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан при содействии Российской Федерации. Уже в 2019 г. центральноазиатские державы были озабочены тем, что международные террористические организации претерпевают трансформацию своей деятельности в киберпространстве, и выделяли в качестве одной из основных задач объединение усилий для анализа способов и каналов влияния террористических группировок в сети Интернет. Это обсуждение стало своего рода «предтечей» событий 2020 г.: пандемия COVID-19 напрямую повлияла на «перенос» деятельности террористических группировок в онлайн-пространство в связи с закрытием границ и затруднением транспортных перевозок любого толка, обострив проблему кибербезопасности [Солодухина, Тарасов 2022: 129] и в определённой степени подтвердив слова эксперта Академии МВД Республики Узбекистан Н.А. Тургунова о том, что существует два основных вида кибертерроризма: проявляющийся «в чистом виде», т. е. предполагающий совершение противоправных действий при помощи компьютерной техники, и «организационный», при котором группировки используют интернет-пространство с целью наладить коммуникацию¹¹.

Стоит отметить, что Узбекистан активно выдвигает собственные инициативы по борьбе с киберпреступностью на локальном и

tsentralnoj-azii-kto-dolzhen-otvechat-za-kiberbezopasnost/. (дата обращения: 30.04.2023).

⁹ Обращение Президента Узбекистана Ш. Мирзиёева к участникам Международной конференции высокого уровня по глобальной контртеррористической стратегии ООН // Исполнительный комитет СНГ. 04.03.2022. URL: https://cis.minsk.by/news/22628/obraschenie_prezidenta_u_uzbekistan_sh.mirzijoewa_k_uchastnikam_mezhdunarodnoj_konferencii_vysokogo_urovnja_po_globalnoj_kontrterrori_kontrterro_strategii_oon. (дата обращения: 10.05.2023).

¹⁰ Кибербезопасность и противодействие кибертерроризму и экстремизму в странах Центральной Азии // Каспийский Вестник. 04.03.2019.

URL: http://casp-geo.ru/kiberbezopasnost-i-protivodejstvie-kiberterrorizmu-i-ekstremizmu-v-stranah-tsentralnoj-azii/?fbclid=IwAR2IB_Q1Is5NztnjoT57M8ttwBkQ8RYqGv9tkDq_3n_zhHiwyRFcwN8Zzhw. (дата обращения: 28.05.2023).

¹¹ Там же // Каспийский Вестник. 04.03.2019. URL: http://casp-geo.ru/kiberbezopasnost-i-protivodejstvie-kiberterrorizmu-i-ekstremizmu-v-stranah-tsentralnoj-azii/?fbclid=IwAR2IB_Q1Is5NztnjoT57M8ttwBkQ8RYqGv9tkDq_3n_zhHiwyRFcwN8Zzhw. (дата обращения: 28.05.2023).

международном уровнях. Ранее в тексте статьи упоминалось создание Единой электронной сети по кибертерроризму в Центральной Азии; на одном из саммитов ШОС главы государств Республики Узбекистан и Республики Кыргызстан выдвинули инициативу о проведении совещания руководителей профильных министерств и возобновлении встреч министров внутренних дел и общественной безопасности для борьбы с кибертерроризмом [Черняева, Журавлёва 2022: 540–541]. Более того, Узбекистан выходит за рамки центральноазиатского сотрудничества: в 2017 г. представители правоохранительных органов республики обсуждали перспективы взаимодействия в области преступлений, связанных с использованием ИКТ, с делегатами соответствующих ведомств Южной Кореи¹². Что касается внутренней политики, в 2022 г. в стране был принят Закон о кибербезопасности¹³, регулирующий отношения в этой сфере, а ранее, в 2005 г. и 2013 г. соответственно, были созданы Группа реагирования на чрезвычайные компьютерные ситуации и Центр информационной безопасности в рамках Государственного комитета по коммуникациям, развитию информационной системы и технологиям телекоммуникаций.

Законодательная база Таджикистана в этом вопросе менее обширна: на территории

государства действуют Концепция информационной безопасности Республики Таджикистан (2003 г.)¹⁴ и Концепция государственной информационной политики (2008 г.)¹⁵ (не считая отдельных ведомственных законов, связанных с противодействием киберпреступности и насильственному экстремизму онлайн и оффлайн).

Важно отдавать отчёт, что вся информация, имеющая государственную важность, может быть использована как средство политического давления при попадании в преступные руки. Об этом напоминает Д.Г. Орлов, директор киргизского аналитического центра «Стратегия Восток-Запад»¹⁶. В последние годы Кыргызстан достаточно активно обновляет свою политику в области цифрового обеспечения и кибербезопасности, о чём свидетельствует, в частности, тот факт, что 2020 г. в Республике прошёл под эгидой «развития регионов, цифровизации страны и поддержки детей»¹⁷: акцент на приоритетность информационных технологий был сделан и ранее, ещё в 2019 г., впоследствии тенденция закрепились.

Основным документом, регулирующим связанную с ИКТ деятельность, является Концепция информационной безопасности Кыргызской Республики на 2019–2023 гг.¹⁸, принятая, соответственно, в 2019 г., и План мероприятий по её реализации. Разработка и

¹² Узбекистан и Южная Корея намерены сотрудничать в противодействии киберпреступлениям // UZ DAILY. 18.12.2017. URL: <https://uzdaily.uz/index.php/ru/post/35387>. (дата обращения: 28.05.2023).

¹³ Закон Республики Узбекистан от 15 апреля 2022 г. «О кибербезопасности». // Buxgalter.uz. URL: [https://buxgalter.uz/doc?id=689744_zakon_respubliki_uz_bekistan_ot_15_04_2022_g_n_zru-764_o_kiberbezopasnosti_\(prinyat_zakonodatelnoy_palat_oy_25_02_2022_g_odobren_senatom_17_03_2022_g_\)&prodid=1_zakonodatelstvo_ruz&ysclid=liaidjb345678037513#](https://buxgalter.uz/doc?id=689744_zakon_respubliki_uz_bekistan_ot_15_04_2022_g_n_zru-764_o_kiberbezopasnosti_(prinyat_zakonodatelnoy_palat_oy_25_02_2022_g_odobren_senatom_17_03_2022_g_)&prodid=1_zakonodatelstvo_ruz&ysclid=liaidjb345678037513#). (дата обращения: 28.05.2023).

¹⁴ Концепция информационной безопасности Республики Таджикистан от 7 ноября 2003 г. // ЦБПИ «Адлия». URL: http://adlia.tj/show_doc.fwx?Rgn=5104. (дата обращения: 28.05.2023).

¹⁵ Концепция государственной информационной политики Республики Таджикистан от 30 апреля 2008 г. // ЦБПИ «Адлия». URL:

http://adlia.tj/show_doc.fwx?rgn=12904. (дата обращения: 28.05.2023).

¹⁶ Кибербезопасность и противодействие кибертерроризму и экстремизму в странах Центральной Азии // Каспийский Вестник. 04.03.2019. URL: http://casp-geo.ru/kiberbezopasnost-i-protivodejstvie-kiberterrorizmu-i-ekstremizmu-v-stranah-tsentralnoj-azii/?fbclid=IwAR2lB_Q1Is5NztnjoT57M8ttwBkQ8RYqGv9tkDq_3n_zhHiwyRFcwN8Zzhw. (дата обращения: 28.05.2023).

¹⁷ От цифровизации до волонтерства: каким будет 2020 год в странах Центральной Азии // News-Asia. 03.01.2020. URL: news-asia.ru/view/kz/. (дата обращения: 28.05.2023).

¹⁸ Концепция информационной безопасности Кыргызской Республики на 2019–2023 гг. от 3 мая 2019 г. // Министерство Юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru->

принятие проекта осуществлялись с целью сформулировать методы обеспечения кибербезопасности, оценить и спрогнозировать вероятные угрозы. Безусловно, это не первая из внутригосударственных инициатив, направленная на достижение указанных задач. Так, например, в 2009 г. для анализа деятельности экстремистских организаций в сети Интернет (главным образом, группировки «Хизб ут-Тахрир»¹⁹) была создана подведомственная МВД Республики Кыргызстан группа специалистов по вопросам киберугроз. Важно отметить, что отличительной чертой киргизской политики в области обеспечения информационной безопасности является прямое государственное вмешательство: все связанные с повесткой вопросы находятся в ведении Государственного комитета национальной безопасности²⁰ – это закрытая структура, конфиденциальность которой не позволяет исчерпывающе оценить эффективность вводимых практик.

Нельзя не упомянуть ситуацию, складывающуюся в Казахстане. По словам Ш.У. Сабирова, выступавшего от лица Института по вопросам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии²¹, государство и гражданское общество Республики должны объединить усилия, т. к. только координированные действия сторон могут дать практический результат. Несомненно, ключевой внутренней инициативой можно считать Национальную концепцию кибербезопасности Казахстана,

или «Киберщит» (2017 г.)²², – программу, которая создавалась с целью решить проблему распространения влияния киберпреступников и выявить закономерности и возможную логику действий кибертеррористов локального и международного уровней [Лагуткина, Мадалимбаев, Омарова 2022: 855]. По состоянию на второе полугодие 2022 г. велась работа над обновлением стратегии – Национальной политики «Киберщит 2.0», которая, как планировалось, должна стать более практико-ориентированной. Ранее (2014 г.) были внесены изменения в Уголовный кодекс Республики Казахстан, которые выразились в указании на составы уголовных правонарушений, касающихся информатизации и связи²³.

Интересно также отметить, что Казахстан инвестирует в подготовку кадров: предполагается, что специализированные школы, занимающиеся повышением квалификации специалистов в области программирования, будут вовлечены в развитие компетенций учащихся для обучения реагированию на киберугрозы²⁴. Важность такой инициативы разделяют Узбекистан и Казахстан, которые независимо друг от друга создали специальные учебные программы в национальных университетах с целью подготовки специалистов в области кибербезопасности.

Таким образом, обозначенные выше страны Центральной Азии активно развивают проекты, направленные на борьбу с кибертерроризмом, однако эти инициативы

ru/13652?ysclid=liai3m7vi5472708875. (дата обращения: 29.05.2023).

¹⁹ Запрещена на территории Российской Федерации.

²⁰ Экспертная встреча: Кибербезопасность в странах Центральной Азии. Что делается для ее улучшения? // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. 29.06.2022. URL: <https://cabar.asia/ru/ekspertnaya-vstrecha-kiberbezopasnost-v-stranah-tsentralnoj-azii-chto-delaetsya-dlya-ee-uluchsheniya>. (дата обращения: 29.05.2023).

²¹ Кибербезопасность и противодействие кибертерроризму и экстремизму в странах Центральной Азии // Каспийский Вестник. 04.03.2019. URL: http://casp-geo.ru/kiberbezopasnost-i-protivodejstvie-kiberterrorizmu-i-ekstremizmu-v-stranah-tsentralnoj-azii/?fbclid=IwAR2IB_Q1Is5NztnjoT57M8ttwBkQ8RYqGv9tkDq_3n_zhHiwyRFcwN8Zzhw. (дата обращения: 29.05.2023).

²² Об утверждении Концепции кибербезопасности («Киберщит Казахстана») от 30 июня 2017 г. // Информационно-правовая система нормативных правовых актов РК. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000407>. (дата обращения: 29.05.2023).

²³ Обзор законодательства Республики Казахстан: Борьба с киберпреступностью // Digital Report. 29.07.2016. URL: <https://digital.report/zakonodatelstvo-kazahstana-borba-s-kiberprestupnostju/>. (дата обращения: 29.05.2023).

²⁴ Экспертная встреча: Кибербезопасность в странах Центральной Азии. Что делается для ее улучшения? // Central Asian Bureau for Analytical Reporting. 29.06.2022. URL: <https://cabar.asia/ru/ekspertnaya-vstrecha-kiberbezopasnost-v-stranah-tsentralnoj-azii-chto-delaetsya-dlya-ee-uluchsheniya>. (дата обращения: 29.05.2023).

по большей части односторонние, ставящие целью укрепление национальной безопасности. Тем не менее, стоит отметить, что, помимо отраженных в тексте статьи международных соглашений, существуют дополнительные: так, например, Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан присоединились к глобальной сети компьютерных групп реагирования на чрезвычайные ситуации (Computer Emergency Response Teams, или CERT: CERT-KZ, UZ-CERT, CERT.KG соответственно).

Нельзя не обратить внимание на соглашения, касающиеся вопросов кибербезопасности и предполагающие сотрудничество стран центральноазиатского региона в рамках СНГ. Первым шагом к формированию единого пространства для диалога по теме угроз, которые могут нести информационные технологии, стало Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации²⁵ (2001 г.). В этой концепции впервые были зафиксированы основные термины и описания, а также основания для привлечения к уголовно-правовой ответственности за нарушения в обозначенной сфере. Документ стал альтернативой Будапештской конвенции Совета Европы о компьютерных преступлениях 2001 г., которую страны Центральной Азии, а также РФ, отказались подписывать в связи с угрозой нарушения государственного суверенитета действиями иностранных служб: предполагалось, что они получали право беспрепятственного доступа

к коммуникационным сетям стран-участниц договора [Аляутдинова, Валиахметова 2020: 43].

Годом ранее, 21 июня 2000 г., был создан Антитеррористический центр государств-участников СНГ. АТЦ продолжает свою деятельность и в настоящее время, выступая связующим звеном между инициативами, реализуемыми СНГ, и международными организациями, в частности ООН (фактически с момента создания), ОБСЕ, Интерполом (с 2008 г.)²⁶.

Значительно позже, в 2013 г., были выдвинуты две новые инициативы, а именно: Концепция сотрудничества по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием ИКТ²⁷, и Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности²⁸. Некоторые специалисты сходятся во мнении, что документы, принятые в тот год, не сыграли ключевой роли в процессе работы над развитием системы кибербезопасности стран Содружества²⁹.

Один из последних, наиболее актуальных на данный момент проектов, – Соглашение о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий³⁰.

В настоящее время соглашения, подписанные в рамках многостороннего сотрудничества стран СНГ, не отмечены крупными реализуемыми на практике инициативами. В данном случае страны Центральной Азии обращаются, скорее, «вовнутрь», работая над проектами национальной безопасности.

²⁵ Соглашения о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 6 июня 2001 г. // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/integracionnyestructury-prostranstva-sng/sng/1682423/.

(дата обращения: 29.05.2023).

²⁶ Международное сотрудничество // АТЦ СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/1289/9141>. (дата обращения: 29.05.2023).

²⁷ Концепция сотрудничества по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием ИКТ от 25 октября 2013 г. // АТЦ СНГ. URL: <https://www.cisatc.org/9030>. (дата обращения: 29.05.2023).

²⁸ Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в области обеспечения

информационной безопасности от 20 ноября 2013 г. // КонтурНорматив. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=253328&ysclid=liaogcullb464396956>.

(дата обращения: 29.05.2023).

²⁹ Эксперты Центральной Азии: кто должен отвечать за кибербезопасность // Digital Report. 29.07.2016. URL: <https://digital.report/ekspertyi-tsentralnoy-azii-kto-dolzhen-otvechat-za-kiberbezopasnost/>. (дата обращения: 29.05.2023).

³⁰ Соглашение о сотрудничестве государств-участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий от 1 июля 2021 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/351210645?ysclid=li7gxxadpt51895898>. (дата обращения: 29.05.2023).

Взаимодействие стран-членов ШОС в борьбе с кибертерроризмом

История деятельности межправительственной региональной организации начинается в 2001 г.³¹ У истоков создания Шанхайской организации сотрудничества наряду с Россией и Китаем стояли такие государства Центральной Азии, как Казахстан, Таджикистан, Узбекистан и Кыргызстан, приоритетом деятельности которых в рамках Организации является поддержание стабильности и безопасности в регионе на постоянной основе.

Нельзя отрицать тот факт, что кибератаки на информационные системы стран стали неотъемлемым инструментом борьбы в каждом современном военном конфликте, политическом противостоянии или международном кризисе. Признавая кибертерроризм «глобальным вызовом XXI в.», государства ШОС тесно сотрудничают для противостояния угрозам, которые возникают в информационном пространстве.

Утверждением в 2007 г. Долгосрочного плана действий по обеспечению и поддержанию безопасности в информационном пространстве³² было положено начало борьбы с кибертерроризмом в евразийском регионе. Основные положения данного документа закрепляли меры и механизмы, которые были направлены на предотвращение использования инструментов ИКТ террористическими группировками с целью навязывания радикальных экстремистских идеологий.

В 2009 г. ШОС продолжила выработку совместных защитных мер: подписав межправительственное Соглашение, направленное на поддержание тесного сотрудничества стран Организации по обеспечению безопасности международного информационного пространства³³ (действующее до сих пор), страны-члены

Организации определили общие принципы и основные направления взаимодействия, среди которых можно отметить:

- создание систем мониторинга и совместного реагирования на возникающие угрозы;

- борьбу с преступностью с использованием инструментов ИКТ;

- противодействие информационному терроризму;

- противостояние информационной войне и использованию информационного оружия;

- борьбу с передачей данных, которая может нанести ущерб не только экономической инфраструктуре, но и духовным и социальным ценностям населения.

В том же году в рамках Международного круглого стола «ШОС: климат доверия и информационная безопасность», собравшего в том числе и представителей ведущих СМИ стран-участниц Организации, были представлены на обсуждение такие темы, как особенности информационного пространства евразийского региона, возможности и компетенции средств массовой информации в сфере обеспечения безопасности, а также вопрос необходимости противодействия использованию инструментов информационно-коммуникационных технологий в кибератаках.

ШОС определяет СМИ одним из субъектов международной информационной безопасности и подчеркивает, что в настоящее время крайне важно выбрать верный и наиболее лояльный способ донесения информации через телевидение, радио и прессу, и для достижения данной цели Организация намерена создать межправительственные СМИ, чтобы обеспечить безопасность и стабильность общего информационного пространства.

³¹ Декларация о создании Шанхайской организации сотрудничества // Президент России. 14.06.2001. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3406>. (дата обращения: 20.05.2023).

³² Документы, принятые на заседании Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Бишкек, 16–17 августа 2007 года // МИД РФ. URL:

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1679469/. (дата обращения: 20.05.2023).

³³ Соглашение между правительствами государств-членов Шанхайской организации сотрудничества в области обеспечения международной информационной безопасности (Екатеринбург, 16 июня 2009 г.) // ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/2571379/>. (дата обращения: 20.05.2023).

В рамках заседания Совета глав государств ШОС в июне 2011 г. бывший глава Казахстана Н. Назарбаев выступил с идеей создания на территории государств ШОС киберполиции в целях выявления и пресечения преступлений. Данную инициативу поддержали также Россия и Таджикистан. Впоследствии Казахстан разработал проект по созданию подобного специального подразделения, он до сих пор не был реализован³⁴.

В декабре 2015 г. в ходе 14-го заседания Совета глав правительств было заключено соглашение «О выделении целевых денежных средств на создание защищённой информационно-телекоммуникационной системы связи между компетентными органами государств-членов ШОС»³⁵. Данный проект осуществлялся поэтапно с 2016 по 2018 гг., на его реализацию было выделено более 4 млн долл. США [Булва 2019: 100].

Следует подчеркнуть, что реализация положений всех соглашений, принимаемых с 2007 г., по обеспечению международной информационной безопасности осуществляется на проводимых ежегодно встречах руководителей силовых министерств государств и специальных ведомств Организации, где особое внимание уделяется вопросам выявления, предупреждения и борьбы с киберпреступностью [Евдокимов, Хобонкова 2022: 92].

Стоит также отметить, что в настоящее время обсуждается проект по созданию специализированной системы фильтрации Интернета стран ШОС, механизмы деятельности которой будут направлены на выявление актов вербовки новых сторонников и распространения радикальных идеологий среди населения. Прототипом такой новации стала разработанная в 2003 г. IT-специалистами Китая система «Золотой

щит» с целью выявления и предупреждения новых киберпреступлений [Юе 2021: 3701].

С 2007 по 2015 гг. было предпринято множество попыток оградить страны-участниц ШОС и их население от кибератак и снизить количество актов нарушения информационного пространства, тем не менее, кибертерроризм всё ещё остаётся одной из главных проблем международной безопасности.

В Стратегии развития ШОС до 2025 г.³⁶, принятой в 2015 г., особое внимание уделяется необходимости создания универсального механизма обеспечения международной информационной безопасности, который смог бы не только выявлять и пресекать военные и политические угрозы, но и противостоять бесконтрольному доступу террористических группировок к личным данным пользователей.

Стоит также отметить, что, начиная с 2015 г., каждые два года ШОС проводит учения по борьбе с кибертерроризмом. В рамках данных мероприятий искусственно создаются условия неизвестной кибератаки на системы безопасности стран, согласно которым международная террористическая группировка пытается завербовать новых сторонников и распространяет информацию экстремистского характера. Благодаря таким учениям спецслужбы ШОС проверяют свою готовность и способность выявлять и предотвращать случаи кибертерроризма.

В 2022 г., по результатам исследований, ШОС была выделена в качестве одной из организаций, которые внесли большой вклад в развитие системы международной информационной безопасности [Евдокимов, Хобонкова 2022: 91].

Проанализировав основные механизмы и направления взаимодействия стран-членов ШОС, можно сделать вывод, что, благодаря реализации множества проектов и инициатив, эффективному управлению ресурсами и

³⁴ В рамках ШОС будет создана киберполиция // Информационная Россия. 25.04.2012. URL: <http://inforos.ru/ru/?module=news&action=view&id=30049>. (дата обращения: 23.05.2023).

³⁵ Решение Совета глав правительств (премьер-министров) Шанхайской организации сотрудничества (15 декабря 2015 год) // Законодательство стран СНГ.

URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=84271. (дата обращения: 27.05.2023).

³⁶ Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества до 2025 года // Президент России. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/a3YRpGqLvQI4uaMX43IMkrMbFNewBneO.pdf>. (дата обращения: 27.05.2023).

тесному сотрудничеству в борьбе за международную информационную безопасность, Организация выступает влиятельным актором мировой политики, способным наращивать собственный технологический потенциал в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Методы и формы сотрудничества подтверждают, что страны-члены ШОС обладают большим потенциалом для кооперации и сотрудничества в рамках Организации и за её пределами. Все государства выражают заинтересованность и готовность в урегулировании конфликтов и укреплении взаимодействия по обеспечению и поддержанию безопасности глобального киберпространства.

Заключение

В последние годы Центральная Азия стала свидетелем роста угроз кибербезопасности. Кибертерроризм – относительно новое явление, его

разрушительный потенциал очень велик. Преступники, совершающие противоправные действия в информационном пространстве, активно используют технологии для своих целей, что создает угрозы в т. ч. для ключевой инфраструктуры, а также для государств-партнёров: Центральная Азия – важный с точки зрения транспортной и нефтегазовой системы регион. Он располагает значительными запасами ископаемого топлива, нефти и газа, и, находясь в центре евразийского континента, связывает Восток и Запад. Учитывая это, руководителям центральноазиатских государств важно выдвигать инициативы, направленные на предотвращение возможных кибератак. В рамках региональных организаций принимаются декларации, создаются международные группы экспертов, проводятся совместные мероприятия, направленные на повышение уровня кибербезопасности в регионе.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Таблица 1

Использование сети Интернет в странах Центральной Азии (2000–2022 гг.)³⁷

Государство	Количество интернет-пользователей		% от численности населения (2022 г.)
	2000 г.	2022 г.	
Казахстан	70 000	16 465 777	86%
Кыргызстан	51 600	3 683 700	55%
Таджикистан	2 000	3 013 256	30,4%
Туркменистан	2 000	1 562 794	25,3%
Узбекистан	7 500	17 161 534	50,1%

Таблица 2

Глобальный индекс кибербезопасности 2020 г.: Центральная Азия

Государство	Количество баллов (max 100)	Место в общемировом рейтинге
Казахстан	93,15	31
Кыргызстан	49,64	92
Таджикистан	17,1	138
Туркменистан	14,48	144
Узбекистан	71,11	70

Источник: Global Cybersecurity Index 2020 // ITU Publications.

³⁷ Internet 2022 Usage in Asia // Internet World Stats.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аляутдинова К.Ш., Валиахметова Г.Н.* Особенности формирования системы национальной кибербезопасности Киргизской Республики // Вестник МГЛУ. Общественные науки. 2020. № 3 (840). С. 36–49.
- Барсегян А.А., Кернер Е.А.* Проблема цифровизации терроризма на пространстве СНГ // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 4. С. 315–322.
- Булва В.И.* Проблемы информационной безопасности на евразийском пространстве: пути их преодоления в рамках ШОС // Международный журнал конституционного и государственного права. 2019. № 2. С. 98–102.
- Евдокимов К.Н., Хобонкова К.В.* К проблеме совершенствования международного сотрудничества в сфере противодействия киберпреступности // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3 (98). С. 90–95.
- Курьлев К.П., Мартыненко Е.В.* Российско-китайское экономическое сотрудничество в контексте проекта "один пояс, один путь". Фактор ЕАЭС и ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1937-1948.
- Лагуткина Ю. Н., Мадалимбеков Ж. И., Омарова Д. К.* Противодействие стран Российской Федерации и Республики Казахстан информационному терроризму // Постсоветские исследования. 2022. Т.5. № 8. С. 847–860.
- Рахимов К.Х.* Правовое регулирование противодействия терроризму и экстремизму в государствах Шанхайской организации сотрудничества // Евразийский юридический журнал. 2019. № 2 (129). С. 67–70.
- Ревин В.П.* Актуальные проблемы сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационных технологий // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2017. № 1. С. 83–92.
- Солодухина Е.А., Тарасов Д.С.* Противодействие государств-участников СНГ терроризму и экстремизму в сфере информационных технологий // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 1. С. 124–130.
- Сосновская Ю.Н., Маркина Э.В.* К вопросу о международном сотрудничестве в сфере противодействия кибертерроризму // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 3. С. 253–256.
- Цаканян В.Т.* Роль кибербезопасности в мировой политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 339–348.
- Чжэн И.* Сотрудничество РФ и КНР в борьбе с кибертерроризмом // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2. С. 204–213.
- Юе Г.* Противодействие кибертерроризму в рамках ШОС // Вопросы политологии. 2021. № 12 (76). С. 3700–3704.
- Arquilla J.* Ethics and Information Warfare // Strategic Appraisal: The Changing Role of Information in Warfare / Khalilzad Z. et al. RAND Corporation, 1999. P. 379–402.
- Laqueur W.* Postmodern Terrorism // Foreign Affairs. 1996. Vol. 75. № 5. P. 24–35.
- Schmitz A., Wolters A.* Politischer Protest in Zentralasien: Potentiale und Dynamiken // SWP-Studie. 2012. № 4. 30 p.

REFERENCES

- Alyautdinova K.Sh., Valiakhmetova G.N.* Osobennosti formirovaniya sistemy nacional'noj kiberbezopasnosti Kirgizskoj Respubliki // Vestnik MGLU. Obshestvennye nauki. 2020. № 3 (840). S. 36–49.
- Arquilla J.* Ethics and Information Warfare // Strategic Appraisal: The Changing Role of Information in Warfare / Khalilzad Z. et al. RAND Corporation, 1999. P. 379–402.
- Barsegian A.A., Kerner E.A.* Problema cifrovizacii terrorizma na prostranstve SNG // Postsovetskie issledovaniya. 2020. T. 3. № 4. S. 315–322.

- Bulva V.I.* Problemy informacionnoj bezopasnosti na evrazijskom prostranstve: puti ih preodoleniya v ramkah ShOS // Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava. 2019. № 2. S. 98–102.
- Evdokimov K.N., Hobonkova K.V.* K probleme sovershenstvovaniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere protivodejstviya kiberneticheskosti // Sibirskij juridicheskij vestnik. 2022. № 3 (98). S. 90–95.
- Kurylev K.P., Martynenko E.V.* Rossijsko-kitajskoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo v kontekste proekta "odin poyas, odin put". Faktor EAES i SHOS // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2019. T. 9. № 11 (56). S. 1937–1948.
- Lagutkina Y.N., Madalimbekov Zh.I., Omarova D.K.* Protivodejstvie stran Rossijskoj Federacii i Respubliki Kazahstan informacionnomu terrorizmu // Postsovetskie issledovaniya. 2022. T. 5. № 8. S. 847–860.
- Laqueur W.* Postmodern Terrorism // Foreign Affairs. 1996. Vol. 75. № 5. P. 24–35.
- Rakhimov K.Kh.* Pravovoe regulirovanie protivodejstviya terrorizmu i ekstremizmu v gosudarstvah Shanhajskoj organizacii sotrudnichestva // Evrazijskij juridicheskij zhurnal. 2019. № 2 (129). S. 67–70.
- Revin V.P.* Aktualnye problemy sotrudnichestva gosudarstv-uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimyh Gosudarstv v bor'be s prestupleniyami, sovershaemymi s ispol'zovaniem informacionnyh tehnologij // Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evrazijskih gosudarstv: politika, ekonomika, pravo. 2017. № 1. S. 83–92.
- Schmitz A., Wolters A.* Politischer Protest in Zentralasien: Potentiale und Dynamiken // SWP-Studie. 2012. № 4. 30 p.
- Solodukhina E.A., Tarasov D.S.* Protivodejstvie gosudarstv-uchastnikov SNG terrorizmu i ekstremizmu v sfere informacionnyh tehnologij // Postsovetskie issledovaniya. 2022. T. 5. № 1. S. 124–130.
- Sosnovskaya Y.N., Markina E.V.* K voprosu o mezhdunarodnom sotrudnichestve v sfere protivodejstviya kiberneticheskosti // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2022. № 3. S. 253–256.
- Tsakanyan V.T.* Rol' kiberneticheskosti v mirovoj politike // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. T. 17. № 2. S. 339–348.
- Youe G.* Protivodejstvie kiberneticheskosti v ramkah ShOS // Voprosy politologii. 2021. № 12 (76). S. 3700–3704.
- Zheng Yi.* Sotrudnichestvo RF i KNR v bor'be s kiberneticheskimi kriminalnymi deystviiami // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. 2018. № 2. S. 204–213.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Галицына Арина Эдуардовна, студент 1 курса магистратуры, направление «Международные отношения», РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия. (E-mail: 1132223124@rudn.ru)

Кембель Олинда Викторовна, студент 1 курса магистратуры, направление «Международные отношения», РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия. (E-mail: 1132223122@rudn.ru)

Потапова Дарья Дмитриевна, студент 1 курса магистратуры, направление «Международные отношения», РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия. (E-mail: 1132223125@rudn.ru)

Arina E. Galitsyna, 1st year student of the master's program "International Relations", RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia. (E-mail: 1132223124@rudn.ru)

Olinda V. Kembel, 1st year student of the master's program "International Relations", RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia. (E-mail: 1132223122@rudn.ru)

Daria D. Potapova, 1st year student of the master's program "International Relations", RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia. (E-mail: 1132223125@rudn.ru).

Внешнеполитический аспект в обеспечении безопасности и противодействия угрозам кибертерроризма в Республике Казахстан и Кыргызской Республике

А. А. Абасова

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия
e-mail: 1032229852@rudn.ru

М. А. Абек

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия
e-mail: 1032229815@rudn.ru

Н. Имаралиев

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия
e-mail: 1032225423@rudn.ru

Аннотация. Особенностью информационного терроризма является большой географический охват. У виртуального терроризма отсутствуют явно очерченные границы, и имеются связи и взаимодействия с международными террористическими центрами и организациями, которые сами по себе являются довольно гибкой структурой. Благодаря и технологических достижений в области IT-технологий: информационно-пропагандистская работа ведется террористами с предельной эффективностью. Данная работа включает в себя подбор и подготовку сторонников, активных функционеров и бойцов с целью их практического использования в кризисных зонах. Киберпреступность является одной из важных проблем XXI века. Многие страны подвергаются нападениям в виртуальном мире теряя важные данные. Потери от кибератак с каждым годом растут всё больше, а пандемия, которая ускорила цифровизацию по всему миру лишь увеличила риск. Происходит атака на мышление людей, обладание личными данными и государственно важной информацией. Кибертерроризм является растущей угрозой во всём мире. В странах Центральной Азии заметен рост данной угрозы информационной безопасности. Это связано с тем, что в странах региона возрастает зависимость от технологий и глобальной сети для связи. Это включает еще торговлю и государственные услуги. Угроза кибератак и утечек данных является серьезной проблемой для правительств, предприятий и частных лиц в регионе. В данной статье рассмотрены вызовы и возможности кибертерроризма в странах региона, а именно в Кыргызстане и Казахстане. Будут разобраны меры, которые могут быть приняты для решения этой проблемы. В данной статье рассмотрены нормативно-правовые акты Республики Казахстан и Кыргызской Республики, методы борьбы против киберпреступности, сотрудничество против кибертерроризма в рамках международных организаций.

Ключевые слова: информационный терроризм, кибертерроризм, информационная безопасность, Казахстан, Кыргызстан, кибербезопасность.

Для цитирования: Абасова А. А., Абек М. А., Имаралиев Н. Внешнеполитический аспект в обеспечении безопасности и противодействия угрозам кибертерроризма в Республике Казахстан и Кыргызской Республике // Постсоветские исследования. 2023;6(6):639-650.

Foreign policy aspect in ensuring security and countering cyberterrorism threats in the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic

Altynai A. Abasova

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia
e-mail: 1032229852@rudn.ru

Malika Abek

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia

e-mail: 1032229815@rudn.ru

Nurislam Imaraliev

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia

e-mail: 1032225423@rudn.ru

Abstract. A feature of information terrorism is its large geographical coverage. Virtual terrorism has no clearly defined borders, and there are connections and interactions with international terrorist centers and organizations, which in themselves are a fairly flexible structure. Thanks to the use of technological advances in the field of IT technologies: information and propaganda work is carried out by terrorists with the utmost efficiency. This work includes the selection and training of supporters, active functionaries and fighters with a view to their practical use in crisis zones. Cybercrime is one of the important problems of the XXI century. Many countries are being attacked in the virtual world losing important data. Losses from cyberattacks are growing more and more every year, and the pandemic, which has accelerated digitalization around the world, has only increased the risk. There is an attack on people's thinking, possession of personal data and state-important information. Cyberterrorism is a growing threat worldwide. The growth of this threat to information security is noticeable in the countries of Central Asia. This is due to the fact that the countries of the region are increasingly dependent on technology and a global network for communication. This will also include trade and public services. The threat of cyber-attacks and data leaks is a serious problem for governments, businesses and individuals in the region. This article discusses the challenges and opportunities of cyberterrorism in the countries of the region, namely in Kyrgyzstan and Kazakhstan. The measures that can be taken to solve this problem will be analyzed. This article discusses the regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic, methods of combating cybercrime, cooperation against cyberterrorism within the framework of international organizations.

Key words: information terrorism, cyberterrorism, information security, Kazakhstan, Kyrgyzstan, cybersecurity.

For citation: Abasova A.A., Abek M.A., Imaraliev N. Foreign policy aspect in ensuring security and countering cyberterrorism threats in the Republic of Kazakhstan and the Kyrgyz Republic // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;6(6):639-650. (In Russ.).

Киберпреступность является относительно новым видом преступной деятельности, которую используют террористические группировки. Так как действия происходят в «виртуальном мире» понимание их является достаточно сложным, т.к. человек не сразу понимает, что находится в зоне информационной нестабильности.

По мнению экспертов Организации Объединенных Наций, термин «киберпреступность» охватывает любое преступление, которое может быть совершено через компьютерную систему или сеть, внутри компьютерной системы или сети или против компьютерной системы или сети. Таким образом, киберпреступность может быть отнесена к любому преступлению, которое было совершено в электронной среде [Рассолов 2003: 92]. В целом, преступление, совершенное в

киберпространстве, может рассматриваться как незаконное вмешательство в работу компьютеров, компьютерных программ и компьютерных сетей, как несанкционированное изменение компьютерных данных, а также другие социально опасные незаконные действия, совершаемые с использованием компьютеров, компьютерных сетей и программ [Десятый Конгресс ООН, 2000].

Одним из опасных видов киберпреступности является кибертерроризм. Термин "кибертерроризм" появился в литературе примерно в 1997 году, когда специальный агент ФБР М. Поллитт определил этот вид терроризма как умеренные и политически мотивированные "преднамеренные" атаки на информационные системы, компьютерные программы и данные, выражающиеся в применении силы против гражданских

объектов субнациональными группами или секретными агентами [Вестник МГЛУ 2018: 215].

Одной из главных проблем кибертерроризма в Центральной Азии является недостаточная осведомленность и понимание рисков и угроз, связанных с технологиями и интернетом. Многие частные лица и организации в регионе не обладают необходимыми знаниями и навыками, чтобы защитить себя от кибератак и утечек данных. Эта ситуация усугубляется нехваткой ресурсов и инфраструктуры для поддержки инициатив в области информационной безопасности.

Другой проблемой является отсутствие сотрудничества и координации между правительственными учреждениями и организациями в регионе. Кибертерроризм — это глобальная проблема, требующая скоординированного реагирования, но многие агентства и организации в Центральной Азии располагают ограниченными ресурсами и возможностями для решения этой проблемы самостоятельно. Существует необходимость в более тесном сотрудничестве и обмене информацией между правительственными учреждениями и организациями региона для противодействия угрозе кибертерроризма.

В Казахстане и Кыргызстане проживает молодое и технически подкованное население, которое все больше подключается к интернету и социальным сетям. Это дает возможность повысить осведомленность и продвигать лучшие практики в области информационной безопасности среди молодого поколения. Существует также возможность использовать технологии и инновации для разработки новых инструментов и решений для борьбы с кибертерроризмом.

Для решения проблемы кибертерроризма в выделенных странах необходим комплексный подход, включающий как превентивные, так и ответные меры. Превентивные меры включают повышение осведомленности и пропаганду передовых методов обеспечения информационной безопасности, разработку политики и нормативных актов для защиты критически важной инфраструктуры, а также

инвестиции в исследования и разработку новых инструментов и решений для борьбы с кибертерроризмом.

Ответные меры включают усиление мер безопасности и улучшение сбора разведывательной информации и обмена ею. Правительственные учреждения и организации в регионе должны работать сообща для обмена информацией и координации своих усилий по борьбе с кибертерроризмом. Они также должны сотрудничать с международными организациями, такими как Организация Объединенных Наций и Европейский союз, в разработке скоординированных мер реагирования на угрозу кибертерроризма.

Кибертерроризм в Казахстане

Кибербезопасность является важнейшей проблемой в Казахстане, поскольку, как было отмечено ранее, страна все больше полагается на технологии и инновационные средства связи. Угроза кибератак и утечек данных является одной из важнейших проблем XXI века. Текущее состояние кибербезопасности в Казахстане неоднозначно. За последние годы страна добилась значительного прогресса в развитии своей инфраструктуры информационных технологий и продвижении использования цифровых технологий. Однако, она по-прежнему сталкивается со значительными проблемами с точки зрения информационной и кибербезопасности.

Недостаточная осведомленность и понимание рисков и угроз, связанных с технологиями и интернетом, является серьезным вызовом для относительно молодой страны, равно как и нехватка ресурсов и инфраструктуры для поддержки инициатив в области информационной безопасности.

Республика Казахстан с момента приобретения независимости (1991 г.) ставит во главу приоритетов свою безопасность и целостность. В более широком смысле здесь подразумевается не только территориальная безопасность, но и безопасность во всех сферах жизнедеятельности казахстанских граждан. Информационная безопасность — состояние защищенности информационного пространства Республики Казахстан, а также прав и интересов человека и гражданина,

общества и государства в информационной сфере от реальных и потенциальных угроз, при котором обеспечивается устойчивое развитие и информационная независимость страны¹. Большое внимание правительство уделяет безопасности в интернет-пространстве на локальном, региональном и глобальном уровнях. Казахстан активно участвует в глобальном диалоге по противодействию терроризму и экстремизму. Немалое внимание в стране уделяется противодействию терроризма в интернетпространстве. Республика Казахстан также является непосредственным участником контртеррористической деятельности в рамках организаций ОДКБ, ШОС, СВМДА, Антитеррористического центра СНГ, в сотрудничестве с ОБСЕ активно проводит мероприятия обучающего характера, заседания, конференции и тренинги регионального и международного уровня, направленные на противодействие экстремизму и терроризму. [Лагуткина, Мадалимбеков, Омарова, 2022: 8]

В рамках ШОС планируется укрепление международного сотрудничества в вопросах информационной безопасности. Соответственно, и Казахстан и Кыргызстан являясь членами организации, должны содействовать обеспечению развития в области защиты информации и кибертерроризма. В рамках организации уже подписаны такие документы как: «Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, экстремизмом сепаратизмом» (Шанхай, 2001); «Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма» (Ташкент, 2009); «Московская декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества»; «Заявление Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии, в том числе в

сети Интернет» (Москва, 2020). В документах ШОС очень ясно изложены положения и описаны методы противодействия, которые не вызывают сомнения у стран-участниц. [Румянцева, Рахимов 2022: 5]

Также Казахстан следует глобальной антитеррористической стратегии Совета Безопасности ООН, и каждый год предоставляет отчеты о проделанной работе в сфере информационной безопасности. [Лагуткина, Мадалимбеков, Омарова, 2022: 8]

Одной из главных проблем кибербезопасности в Казахстане является отсутствие сотрудничества и координации между государственными органами и организациями. Кибербезопасность - это глобальная проблема, требующая скоординированного реагирования, но многие ведомства и организации в Казахстане обладают ограниченными ресурсами и возможностями для решения этой проблемы самостоятельно. Существует необходимость в более тесном сотрудничестве и обмене информацией между правительственными учреждениями и организациями в стране для устранения угрозы кибератак и утечки данных.

В Казахстане действует несколько нормативно-правовых актов, связанных с кибербезопасностью. Некоторые из ключевых законов и подзаконных актов, связанных с кибербезопасностью в Казахстане:

1. Закон об информатизации: Настоящий закон, принятый в 2015 году, регулирует использование информационно-коммуникационных технологий в Казахстане. Он устанавливает правовую базу для развития информационных систем и защиты информации².

2. Закон о персональных данных и их защите: Этот закон, принятый в 2013 году, регулирует сбор, хранение и использование

¹ Закон Республики Казахстан о национальной безопасности Республики Казахстан URL: https://www.akorda.kz/ru/security_council/national_security/zakon-respubliki-kazahstan-o-nacionalnoy-bezopasnosti-respubliki-kazahstan (дата обращения: 01.06.2023)

² Закон Республики Казахстан об информатизации// URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=33885902 (дата обращения: 01.06.2023)

персональных данных в Казахстане. Он устанавливает правовую базу для защиты персональных данных и прав физических лиц на доступ к своим персональным данным и контроль над ними³.

3. Закон о связи: Этот закон, принятый в 2004 году, регулирует телекоммуникационную отрасль в Казахстане. Он устанавливает правовую базу для предоставления телекоммуникационных услуг и защиты телекоммуникационной инфраструктуры⁴.

4. Концепция кибербезопасности: «Киберщит Казахстана». Этот закон, принятый в 2017 году, регулирует кибербезопасность в Казахстане. Он устанавливает правовую базу для защиты критически важной информационной инфраструктуры и предотвращения кибератак и утечек данных⁵.

В стране действует несколько законов, которые связаны или имеют отношение к кибербезопасности. В целом, в Республике Казахстан принято около 30 проектов и законодательных актов, нацеленных на борьбу и противодействие информационному терроризму. Эти законы и нормативные акты устанавливают правовую базу для защиты критически важной информационной инфраструктуры и предотвращения кибератак и утечек данных.

Стоит отметить, что особое внимание уделено информационной безопасности в учебных заведениях РК. Ведется контроль над учебными сайтами и порталами. Спецслужбы следят за сохранностью и безопасностью личной информации обучающихся, а также за распространением сомнительного контента в интернет-платформах и на различных сайтах. В основном, террористические группировки целятся для привлечения в свои ряды, в молодежь, которой легко манипулировать. А

потому, данному вопросу уделяется и должно уделяться гораздо большее внимание.

В период пандемии коронавируса резко возросла нагрузка на цифровую инфраструктуру республики. Это связано с переходом на онлайн-обучение, на дистанционную работу и многое другое. В Казахстане за последние несколько лет произошла цифровизация, которая облегчила жизнь граждан, но увеличила риск кибертерроризма.

Пандемия показала неготовность Казахстанской системы к большой нагрузке на сеть, и были зафиксированы проблемы работы государственных интернет-порталов. С начала 2020 г. в Казахстане зафиксировано порядка 200 кибератак. С целью профилактики кибератак и противодействия киберпреступности, в стране ужесточилось отслеживание переписки сомнительных пользователей сети, а также, по данным Комитета Национальной Безопасности, телефонные разговоры граждан могут быть записаны, если в разговоре звучат так называемые слова-маркеры, такие как: бомба, атака, террор и другие.

Кибертерроризм в Кыргызстане.

Обеспечение информационной безопасности и противодействие кибертерроризму в Кыргызской Республике являются составной частью общей информационной политики Кыргызстана. В праве Кыргызской Республики дано четкое понятие национальной «информационной безопасности», которая определена, как «одна из составляющих национальной безопасности Кыргызстана, влияющая на состояние защиты национальных интересов страны в различных сферах жизнедеятельности общества и государства»⁶.

³ Закон Республики Казахстан о персональных данных и их защите// URL:https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31396226 (дата обращения: 01.06.2023)

⁴ Закон Республики Казахстан о связи// URL:https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1049207 (дата обращения: 01.06.2023)

⁵ Концепция кибербезопасности: «Киберщит Казахстана»// URL:

<https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1700000407> (дата обращения: 01.06.2023)

⁶ Концепция информационной безопасности Кыргызской Республики на 2019-2023 годы // Постановление Правительства Кыргызской Республики от 3 мая 2019 года №209. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/13652> (дата обращения: 15.04.2023).

Текущую правовую основу обеспечения информационной безопасности и кибербезопасности составляют следующие правовые акты Кыргызской Республики:

1. Закон Кыргызской Республики «О национальной безопасности Кыргызской Республики» от 26 февраля 2003 года № 44 (В редакции Законов КР от 13 октября 2008 года № 212, 25 ноября 2011 года № 222, 18 марта 2017 года № 46, 1 декабря 2017 года N 197 (2))⁷. Настоящий Закон закрепляет правовые основы обеспечения безопасности личности, общества и государства, определяет систему национальной безопасности и ее функции, устанавливает порядок организации и финансирования органов обеспечения национальной безопасности, а также контроля и надзора за законностью их деятельности, включая информационную безопасность и кибербезопасность.

2. Концепция информационной безопасности Кыргызской Республики на 2019-2023 годы. Данная концепция была принята в 2019 году и представляет собой совокупность официальных взглядов на обеспечение национальной безопасности Кыргызской Республики в информационной сфере.

3. Стратегия кибербезопасности Кыргызской Республики на 2019-2023 годы⁸. Данная стратегия была принята в 2019 году и подчеркивает стратегические направления деятельности по построению национальной системы обеспечения кибербезопасности.

4. Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014-2020 годы. Среди задач данной концепции есть «Разработка методологической базы информационных кампаний по продвижению в СМИ и

социальных медиа конструктивного дискурса о религии путем создания альтернативного радикально-экстремистскому дискурсу информационного поля с целью разоблачения манипулятивных методов деструктивной и экстремистской пропаганды»⁹. Следовательно, данная концепция включает в себя принятие мер по противодействию кибертерроризму.

В Кыргызстане регламентированы политические механизмы обеспечения информационной безопасности правового, организационно-технического и экономического характера, с помощью которых обеспечивается информационная безопасность республики.

Правовые способы направлены на разработку новых правовых актов и механизмов, направленных на недопущение противозаконных информационно-психологических воздействий на сознание граждан и общества Кыргызстана; активизацию целенаправленной деятельности правоохранительных органов по предупреждению и пресечению преступлений и правонарушений в информационной сфере.

Организационно-технические способы предполагают непрерывное совершенствование технологий защиты информации и информационных систем от угроз. Для этого в республике создаются и совершенствуются системы и средства предотвращения несанкционированного доступа к информации и предотвращения специальных воздействий, вызывающих искажение информации; разрабатываются средства защиты информации; развиваются защищенные телекоммуникационные системы, повышать надежность программ; выявляются и привлекаются к

⁷ Закон Кыргызской Республики «О национальной безопасности Кыргызской Республики» от 26 февраля 2003 года № 44 (В редакции Законов КР от 13 октября 2008 года № 212, 25 ноября 2011 года № 222, 18 марта 2017 года № 46, 1 декабря 2017 года N 197 (2)) // URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/1168?cl=ru-ru> (дата обращения: 26.04.2023).

⁸ Стратегия кибербезопасности Кыргызской Республики на 2019-2023 годы. // Постановление Правительства Кыргызской Республики от 24 июля

2019 года № 369 URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/15479> (дата обращения: 26.04.2023).

⁹ Концепция государственной политики Кыргызской Республики в религиозной сфере на 2014-2020 годы. Утверждена Указом Президента КР от 17 ноября, 2014 // Правительство Кыргызской Республики. С. 21. URL: <http://www.gov.kg/?p=45807> (дата обращения: 27.04.2023).

ответственности лица, совершившие преступления и правонарушения в информационной сфере; создается система мониторинга информационной безопасности; осуществляется подготовка кадров в области обеспечения информационной безопасности.

Государству необходимо разрабатывать, финансировать и выполнять государственные целевые программы обеспечения информационной безопасности внешней и внутренней политики Кыргызстана. Обеспечение их информационной безопасности требует существенного усиления национальных механизмов ее реализации. Это должно быть частью комплексной государственной политики, реализуемой государственными органами, политическими силами и гражданами Кыргызстана.

Международными политическими механизмами обеспечения информационной безопасности Кыргызстана является участие в формирующейся системе международной информационной безопасности на двустороннем, многостороннем, региональном и глобальном уровнях. Особое внимание Кыргызстан уделяет сотрудничеству с государствами-членами СНГ, ЕАЭС, ОДКБ и ШОС. Кыргызстан поддерживает инициативы по установлению международного правового режима нераспространения информационного оружия; созданию механизмов международного сотрудничества в области противодействия угрозам при попытках вмешательства во внутренние дела суверенных государств; организации информационного обмена между евразийскими государствами; обеспечению технологического суверенитета.

Среди таких сотрудничеств в сфере кибербезопасности можно выделить:

1. Меморандум о взаимопонимании между Правительством Кыргызской Республики и корпорацией Майкрософт по сотрудничеству в рамках Программы инновационного правительства Майкрософт(R), который был одобрен Распоряжением Правительства Кыргызской Республики от 18 сентября 2009 года № 525-р. В рамках сотрудничества между Правительством Кыргызской Республики и корпорацией Майкрософт одной из ключевых задач меморандума было «повышение безопасности компьютеризации или кибербезопасности»¹⁰. Результатом чего явилось повышение уровня реагирования на случаи нарушения информационной безопасности и противодействие кибертерроризму.

2. Соглашение о сотрудничестве между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Королевства Саудовской Аравии в области борьбы с преступностью, который был одобрен Распоряжением Правительства Кыргызской Республики от 14 января 2015 года № 3-р. Обе страны усилили дружеские отношения путем сотрудничества в области безопасности и эффективной борьбы с преступностью по 16 пунктам в разных сферах, включая «преступления, связанные с терроризмом (во всех формах – кибертерроризм) и его финансированием; киберпреступность»¹¹.

Информационная безопасность и противодействие угрозе кибертерроризма является важнейшим направлением системы национальной безопасности. В современных условиях эффективное обеспечение

¹⁰ Меморандум о взаимопонимании между Правительством Кыргызской Республики и корпорацией Майкрософт по сотрудничеству в рамках Программы инновационного правительства Майкрософт(R). // Одобрен Распоряжением Правительства Кыргызской Республики от 18 сентября 2009 года № 525-р. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/211306?ckwds=%25d0%25ba%25d0%25b8%25d0%25b1%25d0%25b5%25d1%2580> (дата обращения: 06.04.2023).

¹¹ Соглашение о сотрудничестве между Правительством Кыргызской Республики и Правительством Королевства Саудовской Аравии в области борьбы с преступностью, // Одобрен Распоряжением Правительства Кыргызской Республики от 14 января 2015 года № 3-р. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/214239?ckwds=%25d0%25ba%25d0%25b8%25d0%25b1%25d0%25b5%25d1%2580> (дата обращения: 21.04.2023).

информационной безопасности нацелено на решение проблем и вопросов психологической, военной, экономической, экологической и прочих видов национальной безопасности. Информационная безопасность, и противодействие кибертерроризму как составляющие национальной безопасности, обеспечивает защиту информационного пространства суверенных государств; поддерживает справедливое распределение национальных ресурсов и благ; содействует переходу к устойчивому развитию информационной сферы; обеспечивает защиту ментальных основ и культуры народов. Процессы обеспечения национальной информационной безопасности включают правовые, организационно-технические и социально-культурные аспекты. Мировой и отечественный опыт противодействия угрозам национальным интересам в информационной сфере обуславливает потребность в формировании целостной системы безопасности. Информационная безопасность суверенных государств должна взаимно связывать правовые, организационные, идеологические и технические меры защиты и использовать современные методы прогнозирования, анализа и моделирования опасных ситуаций. Внешнеполитический аспект обеспечения информационной безопасности Кыргызской Республики обусловлен проблемами незащищенности, неконтролируемости и недостаточности нормативно-правового регулирования национальной информационной сферы; отсутствием эффективной системы противодействия трансграничной киберпреступности; отсутствием технических возможностей контролировать национальный сегмент Интернета; незащищенностью индивидуального и массового сознания кыргызстанцев от деструктивного информационного взаимодействия внешнеполитических игроков, террористических и экстремистских групп; слабо развитостью национального контента и средств массовых коммуникаций; недостаточностью финансирования государственных мероприятий по обеспечению

информационной безопасности Кыргызстана; недостаточностью уровня подготовки кадров в сфере информационной безопасности и информационной политики в целом. Внешними угрозами безопасности национальной информационной сферы Кыргызстана являются: рост террористических, экстремистских и международных преступных групп, а так же трансграничной киберпреступности, нарушающих сохранность информационных ресурсов и угрожающей информационно-психологической безопасности общества; технологическое отставание Кыргызстана от других государств, что усиливает зависимость республики от зарубежного программного обеспечения, сервисов облачного хранения и информационной техники; внешнеполитическое информационное воздействие и пропаганда иностранных игроков, стремящихся получить и сохранить преимущества в информационной сфере Кыргызстана; распространение и пропаганда в национальном информационном пространстве чуждых идеологических установок, нарушающих нравственные устои кыргызского общества; стремление ряда стран к доминированию в информационном пространстве Кыргызстана, получение ими секретной информации, а так же обострение международной конкуренции за обладание такой информацией; введение некоторыми государствами на своих информационно-коммуникативных рынках искусственных ограничений.

Обеспечение кибербезопасности.

Обеспечение безопасности от кибертерроризма в Казахстане является критически важным вопросом, поскольку страна все больше полагается на технологии и интернет для связи, торговли и государственных услуг. Угроза кибератак и утечек данных является серьезной проблемой для правительства, бизнеса и частных лиц в стране.

Одной из главных проблем обеспечения безопасности от кибертерроризма в Казахстане является недостаточная осведомленность и понимание рисков и угроз, связанных с технологиями и

интернетом. Многие частные лица и организации в стране не обладают необходимыми знаниями и навыками, чтобы защитить себя от кибератак и утечек данных. Эта ситуация усугубляется нехваткой ресурсов и инфраструктуры для поддержки инициатив в области информационной безопасности.

Другой проблемой является отсутствие сотрудничества и координации между правительственными учреждениями и организациями в стране. Информационная безопасность - это глобальная проблема, требующая скоординированного реагирования, но многие ведомства и организации в Казахстане обладают ограниченными ресурсами и возможностями для решения этой проблемы самостоятельно. Существует необходимость в более тесном сотрудничестве и обмене информацией между правительственными учреждениями и организациями в стране для устранения угрозы кибератак и утечки данных.

Обеспечение безопасности в сфере киберпреступности в Казахстане является важнейшим вопросом. Проблемы информационной безопасности в стране сложны и многогранны, и решение этой проблемы требует скоординированного реагирования со стороны государственных органов и организаций.

Повышение кибербезопасности в Казахстане и Кыргызстане является критически важным вопросом, поскольку современными носителями информации можно управлять издалека и можно получить к ней доступ, не находясь физически рядом. Существуют некоторые меры, которые могут быть приняты для улучшения кибербезопасности в Казахстане и Кыргызстане:

1. Повышение осведомленности: Одним из наиболее важных шагов в улучшении кибербезопасности является повышение осведомленности среди отдельных лиц и организаций в обеих странах. Это может быть сделано с помощью кампаний по информированию общественности, обучающих программ и семинаров. Цель состоит в том, чтобы информировать людей о рисках и угрозах, связанных с технологиями и Интернетом, и продвигать

передовые методы обеспечения информационной безопасности.

2. Разработка политики и нормативных актов: Правительствам обеих стран следует разработать политику и нормативные акты для защиты критически важной инфраструктуры и конфиденциальной информации. Эти политики должны включать руководящие принципы по защите данных, реагированию на инциденты и управлению рисками. Они также должны устанавливать наказания за киберпреступления и оказывать поддержку жертвам кибератак.

3. Инвестирование в технологии и инфраструктуру: Обе страны должны инвестировать в технологии и инфраструктуру для поддержки инициатив в области информационной безопасности. Это включает в себя разработку защищенных сетей, внедрение технологий шифрования и инвестиции в программное обеспечение и аппаратное обеспечение для кибербезопасности.

4. Укрепление сотрудничества и обмен информацией: Правительства, предприятия и организации в обеих странах должны работать сообща для обмена информацией и координации своих усилий по борьбе с кибератаками и утечками данных.

5. Развитие квалифицированной рабочей силы: Обе страны должны инвестировать в развитие квалифицированной рабочей силы для поддержки инициатив в области информационной безопасности. Для этого необходима профессиональная подготовка кадров. Государство может инвестировать в программы образования и профессиональной подготовки для подготовки квалифицированной рабочей силы в области кибербезопасности. Это включает в себя предоставление учебных программ для лиц, заинтересованных в продолжении карьеры в области кибербезопасности, а также постоянное обучение существующих специалистов в области кибербезопасности. Также сотрудничество с университетами и научно-исследовательскими институтами в разработке исследовательских и учебных программ по кибербезопасности. Это поможет обеспечению того, чтобы

сотрудники были оснащены новейшими знаниями и навыками в области кибербезопасности.

6. Международное сотрудничество: оно является одним из важнейших факторов. Обе страны должны сотрудничать с международными организациями, такими как Организация Объединенных Наций и Европейский союз, для разработки скоординированного реагирования на угрозу кибератак и утечки данных. Это включает в себя участие в международных инициативах по кибербезопасности и обмен информацией с другими странами.

Заключение

Улучшение кибербезопасности в Казахстане и Кыргызстане требует комплексного подхода, который включает в себя как превентивные, так и ответные меры. Правительства, предприятия и организации в обеих странах должны работать сообща над повышением осведомленности, разработкой политики и нормативных актов, инвестированием в технологии и инфраструктуру, укреплением сотрудничества и обмена информацией, подготовкой квалифицированной рабочей силы и участием в международных инициативах по кибербезопасности. Работая сообща, страны могут преодолеть угрозу кибератак и утечек данных и обеспечить безопасность своих граждан и критически важной инфраструктуры.

Что касается аспекта внешней политики Кыргызской Республики то она играет решающую роль в обеспечении безопасности и противодействии угрозам кибертерроризма. Кибертерроризм представляет собой серьезную проблему для стабильности и экономического развития страны, требующую комплексного и упреждающего подхода. Кыргызской Республике необходимо более интенсивно участвовать в международном сотрудничестве и партнерствах для эффективного противодействия угрозам кибертерроризма. Сотрудничество с другими странами, региональными организациями и международными организациями может улучшить обмен информацией, сбор разведанных и разработку совместных

стратегий по борьбе с киберугрозами. Активно участвуя в глобальных инициативах в области кибербезопасности, Кыргызская Республика может извлечь выгоду из совместного опыта, ресурсов и передовой практики.

Кыргызской Республике следует сосредоточиться на дипломатических усилиях по установлению международных норм и правил, регулирующих киберпространство. Участие в дискуссиях на региональных и международных форумах позволяет стране формировать политику и выступать за усиление мер кибербезопасности. Содействуя развитию международных правовых рамок, таких как Будапештская конвенция о киберпреступности, Кыргызская Республика может укрепить свою правовую базу для противодействия кибертерроризму и облегчить международное сотрудничество в расследовании и судебном преследовании киберпреступников. Также следует отметить о важности Тесного партнерства и сотрудничества с соседней Республикой Казахстан также жизненно важно для кибербезопасности в Кыргызской Республике. Совместные усилия могут включать обмен разведанными, совместные учения и инициативы по наращиванию потенциала. Установление каналов связи с соседними государствами помогает в координации реагирования на киберинциденты, предотвращении распространения атак через границы и укреплении региональной стабильности. активно участвуя в международном сотрудничестве, отстаивая международные нормы, развивая региональные партнерства и расширяя внутренние возможности в области кибербезопасности, Кыргызская Республика может значительно повысить свою безопасность и эффективно противостоять угрозам кибертерроризма. Именно благодаря всеобъемлющему и совместному внешнеполитическому подходу страна может защитить свое киберпространство и обеспечить благополучие своих граждан перед лицом развивающихся киберугроз.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абазов К.М.* Проблема использования современных информационно-коммуникационных технологий международными террористическими организациями. Вопросы безопасности. Общество с ограниченной ответственностью "НБ-Медиа". – 2018. С. 7.
- Бокошев, Ж.Б.* Проблемы национальной безопасности Кыргызстана. Бишкек: Ин-т соц.-полит. технологий, 2006. 124 с.
- Бурков В.Н., Грацианский Е.В., Дзюбко С.И.* Модели и механизмы управления безопасностью. М.: СИНТЕГ, 2017. 160 с.
- Галтенко В.А.* Основы информационной безопасности / Под ред. Члена-корр. РАН В.В. Бетелина. - М.: Интернет-Университет Информационных технологий, 2013.
- Дакка А., Дмитриева М.* Роль Центральной Азии в российско-индийском сотрудничестве в области энергетики. Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – №13(6). С.208-227.
- Комова А.С.* Международная информационная безопасность: проблемы и решения / Под. общ. ред. - М., 2018.
- Косовец А.А.* Терроризм как объект противодействия в системе обеспечения информационной безопасности: международные и организационно-правовые аспекты// Вестник Академии экономической безопасности МВД России, 2011. № 3.
- Курьлев К.П., Мартыненко Е.В.* Российско-китайское экономическое сотрудничество в контексте проекта "один пояс, один путь". Фактор ЕАЭС и ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1937-1948.
- Лагуткина Ю.Н., Мадалимбеков Ж.И., Омарова Д.К.,* Противодействие Российской Федерации и Республики Казахстан информационному терроризму// Постсоветские исследования. Т.5. № 8 (5) 2022. С.847-860.
- Расолов И.М.* Право и Интернет. Теоретические проблемы. - М.: Изд-во НОРМА, 2003. - С. 92.
- Румянцева А.К., Рахимов К.Х.* Роль ШОС в противодействии терроризму в странах Центральной Азии // Постсоветские исследования. - 2022. №8 (5). С.835-846.

REFERENCES

- Abazov K.M.* The problem of the use of modern information and communication technologies by international terrorist organizations. Security issues. Limited Liability Company "NB-Media". – 2018. p. 7.
- Bokoshev, Zh.B.* Problems of national security of Kyrgyzstan. Bishkek: In-t soc.-polit. technologies, 2006. 124 p.
- Burkov V.N., Graziansky E.V., Dzyubko S.I.* Models and mechanisms of security management. Moscow: SINTEG, 2017. 160 p.
- Galtenko V.A.* Fundamentals of information security / Ed. Member-correspondent. RAS V.V. Betelina. - M.: Internet University of Information Technologies, 2013.
- Dhaka A., Dmitrieva M.* The role of Central Asia in Russian-Indian cooperation in the field of energy. Bulletin of MGIMO University. – 2020. – №13(6). Pp.208-227.
- Komova A.S.* International information security: Problems and solutions / Ed. - M., 2018.
- Kosovets A.A.* Terrorism as an object of counteraction in the information security system: international and organizational and legal aspects// Bulletin of the Academy of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia – 2011. No. 3.
- Kurylev K.P., Martynenko E.V.* Rossijsko-kitajskoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo v kontekste proekta "odin poyas, odin put". Faktor EAES i SHOS // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2019. T. 9. № 11 (56). S. 1937-1948.
- Lagutkina Yu.N., Madalimbekov Zh.I., Omarova D.K.,* Counteraction of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan to information terrorism// Post-Soviet Studies. Vol.5. No. 8 (5) 2022. pp.847-860.
- Rassolov I.M.* Law and the Internet. Theoretical problems. - M.: Publishing House NORMA, 2003. - p. 92.

Абасова А. А., Абек М. А., Имаралиев Н. Внешнеполитический аспект в обеспечении безопасности и противодействия угрозам кибертерроризма в Республике Казахстан и Кыргызской Республике

Rumyantseva A.K., Rakhimov K.H. The role of the SCO in countering terrorism in Central Asian countries // *Post-Soviet Studies.* - 2022. No. 8 (5). pp.835-846.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Абасова Алтынай Абасовна, студент 1 курса магистратуры, направление «международные отношения», Российский университет дружбы народов, Москва, Россия. (E-mail: abasova665@gmail.com)

Абек Малика, студент 1 курса магистратуры, направление «международные отношения», Российский университет дружбы народов, Москва, Россия. (E-mail: m_abek@mail.ru)

Имаралиев Нурислам, студент 1 курса магистратуры, направление «международные отношения», Российский университет дружбы народов, Москва, Россия. (E-mail: 1032225423@rudn.ru)

Altynai A. Abasova, 1st year student of the master's program “International Relations”, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia. (E-mail: abasova665@gmail.com)

Malika Abek, 1st year student of the master's program “International Relations”, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia. (E-mail: m_abek@mail.ru)

Imaraliev Nurislam, 1st year student of the master's program “International Relations”, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia. (E-mail: 1032225423@rudn.ru)

Использование социальных сетей при вербовке террористов в странах СНГ

Е. Э. Колоколова

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия

e-mail: 1132227805@pfur.ru

К. Ф. Киреева

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия

e-mail: 1132223127@pfur.ru

Мок Вон Ли

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия

e-mail: 1032215607@pfur.ru

Аннотация: В начале января 2022 г. в Алматы, Казахстан, вспыхнули общенациональные беспорядки. Президент Казахстана К.-Ж. Токаев заявил, что за беспорядками, которые были организованы через социальные сети, стоят внешние исламские экстремистские силы. Власти Казахстана определили главных виновников беспорядков как террористов, привезенных извне, и увидели, что это может быть тесно связано с «цветной революцией», которая пыталась свергнуть правительство. В ответ правительство Казахстана официально обратилось к ОДКБ с просьбой направить миротворческие силы, и благодаря оперативному вмешательству ОДКБ беспорядки были прекращены. Президент Казахстана Токаев в обращении к народу 9 января заявил о победе в войне с терроризмом, а на саммите ОДКБ, состоявшемся 10 января, серьезно обсуждался вопрос об организации террористической деятельности через социальные сети на пространстве СНГ. И члены ОДКБ приняли резолюцию об укреплении взаимного сотрудничества для борьбы с будущим терроризмом в регионе Центральной Азии, и в то же время дали понять, что больше никогда не будут сидеть сложа руки, пытаясь свергнуть правительство через приток внешних террористов. Когда в 2022 г. в Алматы вспыхнули беспорядки, Китай внимательно следил за ситуацией и объявил о своем намерении напрямую вмешаться в разрешение ситуации через ШОС на пресс-конференции, проведенной пресс-секретарем Министерства иностранных дел 7 января 2022 г. Примерно через год, в мае 2023 г., страны Центральной Азии посетил Китай и договорились совместно добиваться всеобщей безопасности в Центральной Азии и Китае, включая борьбу с терроризмом. Таким образом, в настоящее время страны Центральной Азии вместе с Россией и Китаем признают проблему терроризма как прямую угрозу региональной безопасности, и для ее искоренения они начали внимательно отслеживать вопросы, связанные с притоком экстремистских идей и вербовкой террористов через социальные сети. В данной статье обобщается серьезная проблема вербовки террористов через социальные сети в 2000-х гг. и анализируется, как социальные сети в настоящее время используются для вербовки террористов в Центральной Азии.

Ключевые слова: Социальные сети, Вербовка, Терроризм, СНГ.

Для цитирования: Колоколова Е. Э., Киреева К. Ф., Мок Вон Ли. Использование социальных сетей при вербовке террористов в странах СНГ // Постсоветские исследования. 2023;6(6):651-662.

The use of social networks in the recruitment of terrorists in the CIS countries

Ekaterina E. Kolokolova

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia

e-mail: 1132227805@pfur.ru

Karina F. Kireeva

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia

e-mail: 1132223127@pfur.ru

Mok Won Lee

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia

e-mail: 1032215607@pfur.ru

Abstract: In early January 2022, nationwide riots broke out in Almaty, Kazakhstan. Kazakhstan's President Tokayev said outside Islamic extremist forces were behind the riots, which were being organized through social media. The authorities of Kazakhstan defined the main culprits of the unrest as terrorists brought in from outside, and saw that this could be closely related to the Color Revolution, which attempted to overthrow the government. In response, the government of Kazakhstan officially requested the CSTO (Collective Security Treaty Organization) to dispatch a peacekeeping force, and the unrest was brought to an end through the CSTO's prompt intervention. President Tokayev of Kazakhstan declared victory in the war against terrorism in a speech to the nation on January 9, and at the CSTO Summit held on January 10, the issue of organizing terrorist activities through social networks in the CIS region was seriously discussed. And the CSTO members made a resolution to strengthen mutual cooperation to combat future terrorism in the Central Asian region, and at the same time made it clear that they would never sit idle in the region again trying to overthrow the government through the inflow of outside terrorists. When unrest broke out in Almaty in 2022, China also closely watched the situation and announced its intention to intervene directly in resolving the situation through the Shanghai Cooperation Organization (SCO) in a press conference held by a spokesperson for the Ministry of Foreign Affairs on January 7, 2022. About a year later, in May 2023, Central Asian countries visited China and agreed to jointly achieve universal security in Central Asia and China, including counterterrorism. As such, Central Asian countries, along with Russia and China, now recognize the issue of terrorism as a direct threat to regional security, and in order to eradicate it, they have begun to closely monitor issues related to the inflow of extremist ideas and the recruitment of terrorists through social networks. This article summarizes the serious problem of recruiting terrorists through social networks in the 2000s and analyzes how social networks are currently used for terrorist recruitment in Central Asia.

Keywords: Social networks, Recruitment, Terrorism, CIS.

For citation: Kolokolova E.E., Kireeva K.F., Mok Won Lee. The use of social networks in the recruitment of terrorists in the CIS countries // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;6(6):651-662. (In Russ.).

В последние несколько лет все большую озабоченность вызывает рост использования социальных сетей в качестве средства вербовки террористов в странах СНГ. Известно, что террористические группы используют платформы социальных сетей для распространения своей идеологии и привлечения новых членов [Казанцев, Нессар и др. 2017: 9].

Вербовщики международных террористических организаций используют социальные сети и приложения для обмена мгновенными сообщениями для связи с потенциальными новобранцами. Интернет,

наряду с социальными сетями и приложениями для обмена сообщениями, являются основными источниками экстремистских концепций. В результате социальные сети стали жизненно важным инструментом вербовки террористических организаций, который позволяет им распространять свою пропаганду и привлекать новых участников.

Вербовка террористов через социальные сети в Центральной Азии в последнее время активно ведется в Казахстане. Поэтому представляется целесообразным сначала взглянуть на тенденцию терроризма в

Казахстане.

Тенденции терроризма в Казахстане

В годы глобализации трудно избежать одной из самых острых мировых проблем: терроризма. Страны Центральной Азии не являются исключением. В частности, в случае с Казахстаном, страной Центральной Азии, терроризм возникает по следующим причинам (см. табл. 1). В частности, в Казахстане с середины 2000-х гг. участились случаи участия граждан государства в террористической деятельности. Оказывается, это напрямую связано с распространением упомянутых в табл. 1 социальных сетей в последние годы. В связи с волнениями в Казахстане в 2022 г. вопрос вербовки террористов через социальные сети в регионе Центральной Азии стал серьезно обсуждаться на национальном уровне.

Волнения в Казахстане в 2022 г.

С 1 января 2022 г. правительство Казахстана приняло решение о повышении потолка цен на сжиженный углеводородный газ. В результате за ночь цена на нефть почти удвоилась, а граждане, недовольные стремительным ростом цен на нефть, собрались на площади Занаозен в западном городе Казахстана и устроили свою первую акцию протеста против правительства. А поскольку антиправительственная атмосфера распространилась по всему Казахстану, включая крупный город Алматы, в течение трех дней после протестов президент К.-Ж. Токаев попытался успокоить разгневанную общественность, пообещав снизить быстро растущие цены на нефть. Однако со временем протесты становились все более и более жестокими, и, наконец, демонстранты силой заняли здание правительства. Протестующие попытались захватить оружие и военную технику, при этом обезглавив двух солдат, что является классическим примером исламского экстремистского терроризма.

В ответ президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев назвал буйных

протестующих «террористами» и решительно отреагировал на беспорядки.¹ В то время протестующие были организованы и активны в социальных сетях, таких как Facebook и Twitter, поэтому президент К.-Ж. Токаев объявил чрезвычайное положение и ввел ночной комендантский час, ограничения на въезд и выезд из Алматы, а также специальные меры. блокировать мобильные данные. Кроме того, президент К.-Ж. Токаев обратился к ОДКБ с просьбой направить миротворческий контингент. В ответ ОДКБ направила в Казахстан 2500 миротворцев для защиты ключевых стратегических объектов и помощи казахстанскому правительству в успешном подавлении беспорядков. Правительство Казахстана заявило, что протесты были попыткой государственного переворота и что мирные митинги использовались террористами, исламскими экстремистами и преступными группировками [Карин 2017: 25].

Обсуждение вопросов использования социальных сетей при вербовке террористов.

Позже, на саммите ОДКБ, состоявшемся 10 января 2022 года, главы государств-членов пообещали укреплять взаимное сотрудничество в борьбе с терроризмом. Президент Беларуси Лукашенко предложил расширить совместные меры в регионе ОДКБ против нарастающей угрозы терроризма. Президент России В. Путин сочувствовал этому и дал понять, что будущая террористическая деятельность в регионе будет определяться как попытки свержения правительства, такие как цветная революция, и никогда не будет допущена. А также указал на то, что определенные внешние силы вербовали экстремистов или террористов через социальные сети во время беспорядков в Казахстане, и высказался за необходимость усиления взаимодействия в сфере информационной безопасности применительно к антитеррористической деятельности ОДКБ.²

¹ Обращение Касым-Жомарта Токаева к народу Казахстана. [Электронный ресурс] // Официальный сайт президента Казахстана. 07.01.2022. – Режим доступа: <https://akorda.kz/en/president-kassym-jomart>

[tokayevs-address-to-the-people-of-kazakhstan-801221](https://www.odkb.org/ru/press/tokayevs-address-to-the-people-of-kazakhstan-801221) (accessed: 15.04.2023).

² Заседание Совета коллективной безопасности ОДКБ. [Электронный ресурс] // Официальный сайт

Как отметил президент России Владимир Путин, такие силы, как глобальный исламский экстремизм в регионе СНГ, более непосредственно продвигают экстремизм через такие интернет-сайты, как YouTube, Twitter, Вконтакте и Одноклассники [Юн 2019: 172]. Он циркулирует и вызывает вербовку иностранных боевиков или формирование самогенерируемых спящих ячеек в регионе. Действительно, распространение исламского экстремизма через виртуальные миры представляется эффективным. В связи с этим ОДКБ объявила в 2015 году, что она уже выявила более 57 000 веб-сайтов, пропагандирующих экстремизм в регионе СНГ

Тенденции исламского экстремистского движения в регионе СНГ: глобализация и радикализация

Истоки современного центральноазиатского исламского экстремизма восходят к середине 1980-х годов [Ланг 2013: 8]. В то время генеральный секретарь СССР Горбачев пытался улучшить отношения со странами Запада, продвигая «политику нового мышления», основанную на вере в то, что военная сила в конечном итоге потеряет свое место в качестве основного средства глобальных дипломатических отношений в конце 20-го века [Горбачев 2006: 10]. Иными словами, Москва отказалась от своего сильного

железного кулака, длившегося более 60 лет, и в результате не смогла осуществлять такой же сильный контроль в центральноазиатском регионе, как раньше. Затем стали формироваться первые исламские экстремистские организации, в основном в Ферганской долине и Таджикистане. Как и другие исламские экстремистские организации, они были политическими организациями, которые хотели реализовать мусульманскую идентичность в регионе [Ланг 2013: 8]. После распада Советского Союза несколько исламских экстремистских сил начали всерьез действовать в Центральной Азии.

С 1990-х гг. и до появления Исламского государства (ИГ) ¹ Исламское движение Узбекистана (ИДУ) ² было основной исламской экстремистской группировкой в регионе СНГ [Линч III, Буффар и др 2016: 9]. ИДУ было основано в 1997 г. Д. Намангани, военачальником, участвовавшим в войне в Афганистане, и Т. Юлдашем, политическим лидером. Поскольку лидеры ИДУ участвовали в афганской войне, талибы в то время оказывали поддержку ИДУ и стремились помочь ИДУ свергнуть режим Ислама Каримова в Узбекистане и установить исламскую теократию [Юн 2019: 170]. Однако, когда «Аль-Каида» организовала теракты 11 сентября, а США объявили войну терроризму и вторглись в

президента Российской Федерации. 10.01.2022. Режим доступа:

<http://www.en.kremlin.ru/events/president/transcripts/67568> (accessed: 15.04.2023).

¹ Это радикальная суннитская исламская экстремистская военизированная группировка, которая объявила себя государством после оккупации северного Ирака и восточной Сирии с 2014 по 2017 год. Согласно Постановлению Верховного Суда РФ № АКПИ 14-1424С, вступившему в силу 13 февраля 2015 г., Исламское государство (ИГ) признано официальной террористической группировкой на территории России. Исламское государство называется «Исламское государство Ирака и Сирии», «Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ)», «Исламское государство Ирака и Шама» и т. д. Единый федеральный перечень организаций, в том числе иностранных и международных, признанных судами Российской Федерации террористическими //

Национальный антитеррористический комитет. 25.06.2023 Режим доступа: <http://en.nac.gov.ru/unified-federal-list-organizations-including-foreign-and-international-designated-terrorist-courts.html> (25.06.2023).

²Исламское движение Узбекистана (ИДУ) признано официальной террористической организацией на территории Российской Федерации в соответствии с постановлением ГКПИ 03 116 Верховного суда Российской Федерации от 4 марта 2003 года. Позже группа была реорганизована в «Исламскую партию Туркестана». Единый федеральный перечень организаций, в том числе иностранных и международных, признанных судами российской федерации террористическими // Национальный антитеррористический комитет. 25.06.2023 Режим доступа: <http://en.nac.gov.ru/unified-federal-list-organizations-including-foreign-and-international-designated-terrorist-courts.html> (25.06.2023).

Афганистан, режим талибов в Афганистане рухнул, а исламский экстремистский терроризм в Центральной Азии, в том числе ИДУ, на некоторое время пошел на убыль [Юн 2019: 170].

В то же время по мере усиления репрессий правительств стран СНГ против исламских экстремистских организаций ИДУ и другие организации фактически прекратили свою деятельность в Ферганской области, которая была их основной базой, но их члены переместились в Афганистан и Пакистан. И многие из них присоединились к ИГИЛ в Сирии и Ираке, чтобы продолжить экстремистское движение. Действительно, по оценкам, по состоянию на 2015 год Центральная Азия была третьим по величине источником исламистских иностранных боевиков в Сирии и Ираке [Линч III, Буффар и др 2016: 9]. В связи с этим ИДУ, отправившее многих своих членов в ИГ, открыто заявило о своей поддержке ИГ [Дайнер, Легец и др 2015: 9].

Однако новые проблемы начали возникать, когда выходцы из Центральной Азии, имевшие боевой опыт в Сирии или Ираке в качестве боевиков ИГ за границей, постепенно возвращались в свои страны. Это связано с тем, что их возвращение привело к углублению солидарности между исламскими экстремистскими организациями в Центральной Азии и ИГ в плане обмена людьми. Кроме того, в последние годы Центральная Азия претерпела цифровую трансформацию с быстрым распространением внутрирегиональных коммуникационных сетей, что открыло молодым людям в регионе возможность легко вступать в исламские экстремистские организации, связанные с ИГ, через социальные сети. По вышеуказанным причинам исламские экстремистские движения в Центральной Азии напоминают

ИГ, постепенно становясь радикальными и насильственными, и в то же время превращаясь в глобальную угрозу, выходящую за рамки регионального явления.

Президент Казахстана К.Ж. Токаев назвал экстремистскую террористическую организацию, стоящую за беспорядками в начале января 2022 года, а тогдашний президент Владимир Путин заявил, что определенные внешние силы вовлекают население в терроризм через социальные сети. Эти два президента указывают на весь процесс укрепления связей между ИГ и местными исламскими экстремистскими группировками, происходящий в Центральной Азии.

Анализ предыстории вербовки террористов через социальные сети в СНГ Цифровая трансформация

В последние годы в странах Центральной Азии наблюдается заметный рост цифровой инфраструктуры. Фактически, за последние пять лет страны Центральной Азии разработали долгосрочные государственные стратегии развития цифрового сектора, активно прилагая усилия, чтобы следовать тенденции быстрой цифровизации мировой экономики. Казахстан принял «Государственную программу «Цифровой Казахстан» на 2018–2022 гг. (Государственная программа «Цифровой Казахстан»)» в декабре 2017 года, направленную на модернизацию цифровой инфраструктуры страны.¹ Узбекистан издал Указ Президента о мерах по развитию цифровой экономики в июле 2018 г. для увеличения проникновения интернета, а Кыргызстан обнародовал план «Цифровой Кыргызстан 2019-2023» по оцифровке производства экономики.² Примерно в то же время Туркменистан и Таджикистан также объявили о государственных планах развития по переходу к цифровой экономике

¹ Об утверждении Государственной программы «Цифровой Казахстан» No.827. [Электронный ресурс] // Постановление Правительства Республики Казахстан. 12.12.2017. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=37168057 (16.04.2023).

² «Дорожная карта» по реализации Концепции

цифровой трансформации "Цифровой Кыргызстан 2019-2023" [Электронный ресурс] // Официальный сайт Кабинета Министров Кыргызской Республики. 15.02.2019. – Режим доступа: <https://www.gov.kg/ru/programs/12> (16.04.2023).

(см. рис. 1,2). Фактически, доля пользователей Интернета в странах Центральной Азии почти удвоилась в период с 2017 по 2021 год по сравнению с 2010 годом, а доля абонентов мобильной сотовой связи в четырех странах, за исключением Казахстана, за тот же период постепенно росла. Это означает, что ситуация с цифровой инфраструктурой в регионе Центральной Азии улучшилась за последние 10 лет, и за счет приведенных выше данных. И на основании этих данных можно сделать вывод, что была создана среда, в которой людям стало легче получать доступ к социальным сетям через Интернет и связываться с экстремистскими исламскими террористическими организациями.

Экономическая структура Центральной Азии: высокая зависимость от России

С 2000 г. Россия добилась высоких темпов экономического роста за короткий период времени в эпоху высоких цен на нефть. При этом спрос на рабочую силу во всех отраслях промышленности России резко вырос. Поскольку нестабильное экономическое положение стран Центральной Азии переплелось друг с другом, большое количество среднеазиатских рабочих уехало в Россию на заработки. Среди них граждане Таджикистана, Кыргызстана и Узбекистана, трех стран Центральной Азии, за исключением Казахстана и Туркменистана, которые, как и Россия, выиграли от высоких цен на нефть, составляли большинство трудовых мигрантов. По состоянию на 2021 год рабочие-мигранты из Центральной Азии перевели 5 532 долл. в Узбекистан, 2 131 доллар США в Кыргызстан и 1 800 долларов США в Таджикистан (см. рис. 3). Рабочие-мигранты из Центральной Азии переезжают в Россию, чтобы избежать ограничений экономического успеха в своих странах. Деньги, которые граждане этих трех стран

отправляли обратно в Россию в качестве трудовых мигрантов, составляли значительную часть ВВП их родной страны. Другими словами, страны Центральной Азии экономически сильно зависят от России, а страны Центральной Азии еще не оснащены ключевыми отраслями, которые могли бы вести их экономику.

И многие из среднеазиатских трудовых мигрантов, приезжающих в Россию, — молодые люди. Они покидают родную страну и приезжают в Россию, чтобы строить планы на лучшее будущее. Однако проблема в том, что их активно вербуют экстремистские исламские террористические группировки. Террористические группы заставляют молодых рабочих-мигрантов пессимистично относиться к своему положению, поскольку они видят безрадостную экономическую ситуацию в своих странах. И они подстрекают их присоединиться к террористической организации.

А экстремистские террористические группировки используют молодежь Центральной Азии для осуществления террористической деятельности по всему миру. Террористические ячейки, имеющие связи с Центральной Азией, предположительно стояли за терактами в Нью-Йорке и Санкт-Петербурге в 2017 году.

Механизм распространения пропаганды через социальные сети в СНГ

Как упоминалось выше, исламская экстремистская пропаганда, переведенная на русский язык, стремительно распространяется в странах Центральной Азии через социальные сети. А представительной организацией, которая переводит эти пропагандистские материалы на русский язык, является «Фурат Медиа»¹. Сотрудники СМИ переводят на русский язык различные исламско-экстремистские пропагандистские материалы и экспортируют их в страны Центральной

¹ «Furat Media» («Фурат», араб. الفرات الإعلام) — информационное подразделение Исламского государства, ориентированное преимущественно на жителей России и бывших советских республик Центральной Азии, а также Юго-Восточной Азии.

Действует с 2015 года, выпускает пропагандистскую продукцию на русском, казахском, киргизском, таджикском и других языках. Публикует обращения лидеров и бойцов Исламского государства, интервью, призывы присоединиться к их борьбе.

Азии. Механизм следующий (см. рис. 4)

Социальные сети, используемые для распространения пропаганды в СНГ.

Стратегии социальных сетей, используемые исламскими группами, можно разделить на предварительный этап с использованием Twitter, который существовал до 2015 г., и последующий этап с использованием Telegram, который появился после 2015 г.. Широко признано, что и Twitter, и Telegram являются ключевыми элементами террористической пропаганды. Эти Twitter и Telegram являются основными источниками медиаконтента Исламского государства (ИГ)¹ и распространяются через другие социальные сети, такие как Facebook, ВКонтакте, Одноклассники и Instagram.

Эти другие платформы социальных сетей содержат экстремистскую пропаганду, но обычно создаются сторонниками ИГ, а не членами или лидерами группировки. Быстрое и широкое распространение джихадистских материалов и их способность эффективно достигать своей целевой аудитории важнее для распространения экстремистской идеологии, чем фактическое содержание и качество самого материала.

Твиттер (Twitter)

В 2014 году заметно возрос уровень активности экстремистов, особенно тех, кто поддерживает джихадизм, в Твиттере. На платформе социальных сетей было создано несколько официальных аккаунтов, принадлежащих как лидерам организации, так и различным подразделениям ИГ, расположенным в разных странах мира. Вокруг этих аккаунтов создана группа активистов и сторонников, уже готовых перейти в активные члены террористической организации. В Твиттере сообщество ИГ можно разделить на две группы: официальные учетные записи и учетные записи сторонников. Последних можно разделить на обычных пользователей или активистов.

Телеграмм (Telegram).

К октябрю 2015 года существовало впечатляющее количество официальных исламистских Telegram-каналов с довольно обширной общей аудиторией, достигающей до 15000 пользователей. Но руководство Telegram было вынуждено начать бороться с подозрительными каналами их контентом. Появился даже специализированный Telegram-канал под названием ISIS Watch, на котором в ежедневном режиме публикуется отчетность, в которой подробно преподносится информация о том, сколько и какие террористические каналы получилось заблокировать. В среднем по данным канала ISIS Watch каждый день получается пресечь деятельность около 100 и более каналов.

Фейсбук (Facebook)

Фейсбук – ведущая мировая социальная сеть, не стала основной площадкой для распространения пропаганды ИГ из-за своих уникальных особенностей и алгоритмов работы. IT-дизайн новостной ленты предотвращает мгновенное распространение любых сообщений.

Инстаграмм (Instagram).

Инстаграмм преимущественно используют боевики, активно связанные с ИГ в Сирии и соседних странах. Эти люди создают профили и приобретают тысячи подписчиков.

ВКонтакте и Одноклассники.

Из-за возрастных и демографических различий между двумя наиболее широко используемыми социальными сетями в Рунете их соответствующие роли в распространении идей ИГИЛ заметно разнятся. «ВКонтакте», ориентированный на более молодую аудиторию, стал особенно привлекательной платформой для пропагандистов из-за своей большой и восприимчивой аудитории.

В период августа-сентября 2014 года в ВК начали работать официальные сообщества медицентров ИГ, расположенных на Северном Кавказе. Русские и арабские материалы публиковались ими и распространялись

¹ Запрещенная в России террористическая Организация.

множеством последователей среди своей аудитории. В сентябре началась массовая блокировка этих материалов. В ответ официальные медиацентры вышли из соцсети и предоставили ее своим ярым сторонникам.

В отличие от «ВКонтакте», «Одноклассники» никогда не являлись гнездом активной деятельности русскоязычных сторонников ИГ. В первую очередь, как уже упоминалось, в силу более возрастной и менее восприимчивой аудитории. Единственной зацепкой было официальное присутствие террористической группировки в «Одноклассники». Там была замечена регистрация аккаунта «Фурат Медиа», но после нескольких блокировок аккаунт был быстро заброшен.

Стоит отметить, что более активны пользователи «Одноклассники» из стран Средней и Центральной Азии – Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Кыргызстана. Это обусловлено тем, что в отличие от России, в этих странах аудитория социальных сетей более молодежная, а многие пользователи уже склонны к радикальным взглядам в силу низкого социального и материального положения, а также легко поддаваемы влиянию со стороны властей (см. табл 2).

Заключение

Как видно из вышеизложенного, вербовка террористов через социальные сети в настоящее время активизируется на всей территории СНГ. Это происходит более активно в русле стремительно развивающейся цифровизации стран СНГ и экономической ситуации, зависящей от России. Воспользовавшись этой ситуацией, исламские экстремистские группировки используют социальные сети, такие как Twitter и Telegram, для распространения пропаганды, направленной на молодежь в СНГ.

Большинство исламских экстремистских группировок, в том числе ИГИЛ, стараются сохранять строгую анонимность в своих сетях. Они регулярно открывают фейковые каналы, чтобы уйти от слежения спецслужб России и стран СНГ. Из-за этого выследить и уничтожить их всегда было проблемой.

Тем временем правительства стран СНГ приняли ряд мер по недопущению вербовки людей террористическими организациями через интернет-каналы. Совет глав правительств СНГ принял решение о выделении ресурсов на фундаментальные меры противодействия терроризму, включая инициативы по предотвращению вербовки, обучения, вооружения и использования террористов. Несколько стран региона также предприняли агрессивные действия по борьбе с торговлей людьми, проституцией и детской порнографией, которые обычно ассоциируются с террористическими группами. Правительства также прилагают согласованные усилия для повышения осведомленности общественности о рисках, связанных с онлайн-вербовкой, и повышения цифровой грамотности, чтобы помочь людям выявлять экстремистскую пропаганду и противостоять ей.

Ожидается, что эти усилия правительств стран СНГ станут более активными после беспорядков, произошедших в Казахстане в 2022 г. Как было рассмотрено выше, это подтверждается выступлениями Президента России В.В. Путина, Президента Казахстана К.-Ж.К. Токаева и Президент Беларуси А.Г. Лукашенко на саммите ОДКБ в 2022 г. заявил о своей решимости решительно бороться с вербовкой террористов через социальные сети в России и странах СНГ.

Поэтому ожидается, что страны СНГ будут работать вместе с Россией и другими постсоветскими странами в совместном ответе против исламских экстремистских группировок в регионе

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Дусметова С.И. Налибай А.А.* Проблема терроризма в республике Казахстан // Постсоветские исследования. 2020. Т.3. № 4. С. 298.
- Казанцев А. А., Нессар О., Панарин И. Н., Салиев А., Холикназар Х., Гусев Л. Ю., Чурилов С. А.* Международный терроризм как глобальная угроза // Институт международных исследований МГИМО МИД России, 2017. С. 9.

- Гоктуг С.* Насильственный экстремизм среди жителей Центральной Азии: теракты в Стамбуле, Санкт-Петербурге, Стокгольме и Нью-Йорке // Центр борьбы с терроризмом в Вест-Пойнте. 2017. Т. 10. № 11. С. 14-15.
- Дайнер А. Легец А. Рекавек К.* Готов к работе? ИГИЛ и его предполагаемая экспансия в Центральную Азию // Польский институт международных отношений. 2015. Т. 121. № 19. С. 9.
- Карин Э.* Центральная Азия: лицом к лицу с радикальным исламом // *Russie.Nei.Visions*. 2017. № 98. С. 25.
- Ланг Ю.* Радикальные исламские боевики Центральной Азии // OSW Центр восточных исследований. 2013. С. 7.
- Линч III Ф. Майкл. Кинг К. Грэм В.* Возвращение иностранных боевиков в Среднюю Азию: последствия для антитеррористической политики США // INSS (Институт национальных стратегических исследований). Стратегические перспективы 21. 2016. С. 9
- Юн Мин Ву.* Казахская террористическая угроза и ответ на терроризм: институты, законы и международное сотрудничество // Институт юридических исследований Университета Гачон. 2019. Т.12, № 2. С. 172.

REFERENCES

- Dusmetova S.I. Nalibay A.A.* Problema terorizma v respublike Kazakhstan // *Postsovetskiye issledovaniya*. 2020. Т.3. № 4. P. 298.
- Dyner A. Legiec A. Rekawek K.* Ready to Go? ISIS and Its Presumed Expansion into Central Asia // The Polish Institute of International Affairs. 2015. Т. 121. № 19. P. 9.
- Goktug S.* Violent Extremism among Central Asians: The Istanbul, St. Petersburg, Stockholm, and New York City Attacks // Combating Terrorism Center at West Point. 2017. Т. 10. № 11. P. 14~15.
- Karin E.* Central Asia: face to face with radical Islam // *Russie.Nei.Visions*. 2017. № 98. P. 25.
- Kazantsev A. A., Nessar O., Panarin I. N., Saliyev A., Kholiknazar KH., Gusev L. YU., Churilov S. A.* Mezhdunarodnyy terorizm kak global'naya ugroza // Institut mezhdunarodnykh issledovaniy MGIMO MID Rossii, 2017. P. 9.
- Lang J.* The Radical Islamic Militants of Central Asia // OSW Centre for Eastern Studies. 2013. P. 7.
- Lynch III F. Bouffard Michael, King Kelsey, and Vickowski Graham.* The Return of Foreign Fighters to Central Asia: Implications for U.S. Counterterrorism Policy // INSS (Institute for National Strategic Studies). Strategic Perspectives 21. 2016. P. 9.
- Yun M.* The current trends of terrorist threats and counterterrorism in Kazakhstan: Systems, Legislations, and International cooperations // Gachon University Law Research Institute. 2019. Т.12, № 2. P. 172.

ПРИЛОЖЕНИЕ/APPENDIX

Таблица 1.

Факторы, способствующие терроризму в Казахстане¹

	Факторы
1	Быстрые темпы роста страны, которые создают прецеденты развития экстремистских организаций
2	Близость к нестабильному региону - Афганистану
3	Пропаганда экстремистов через социальные сети

¹ Составлено авторами.

Рисунок 1. Пользующиеся Интернетом в СНГ (% населения)¹

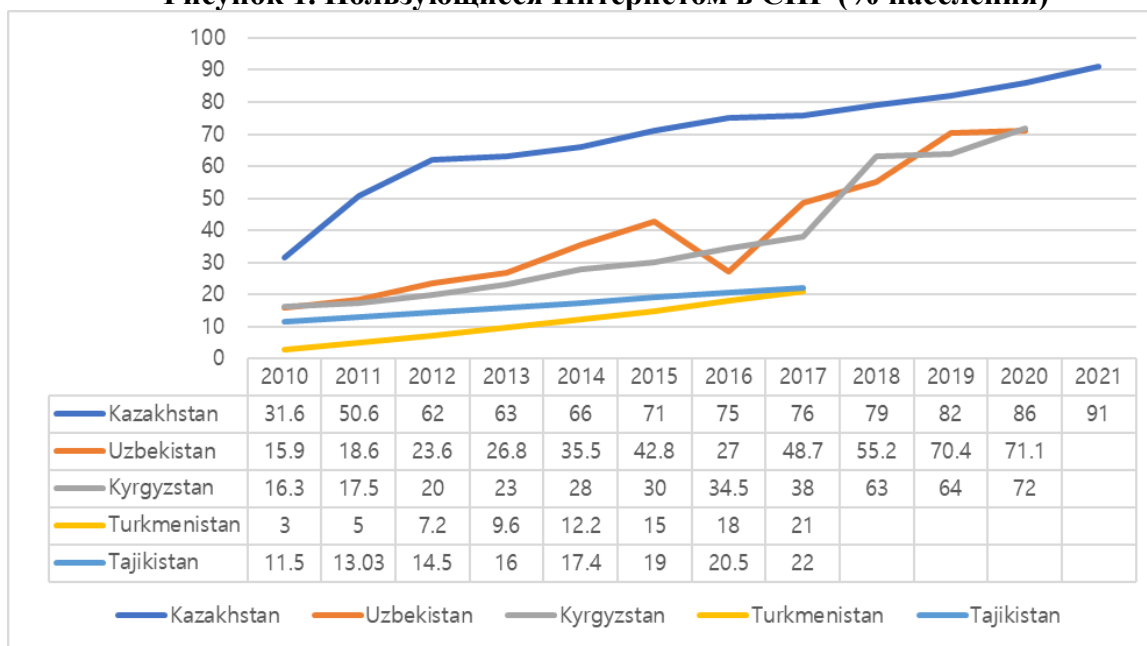
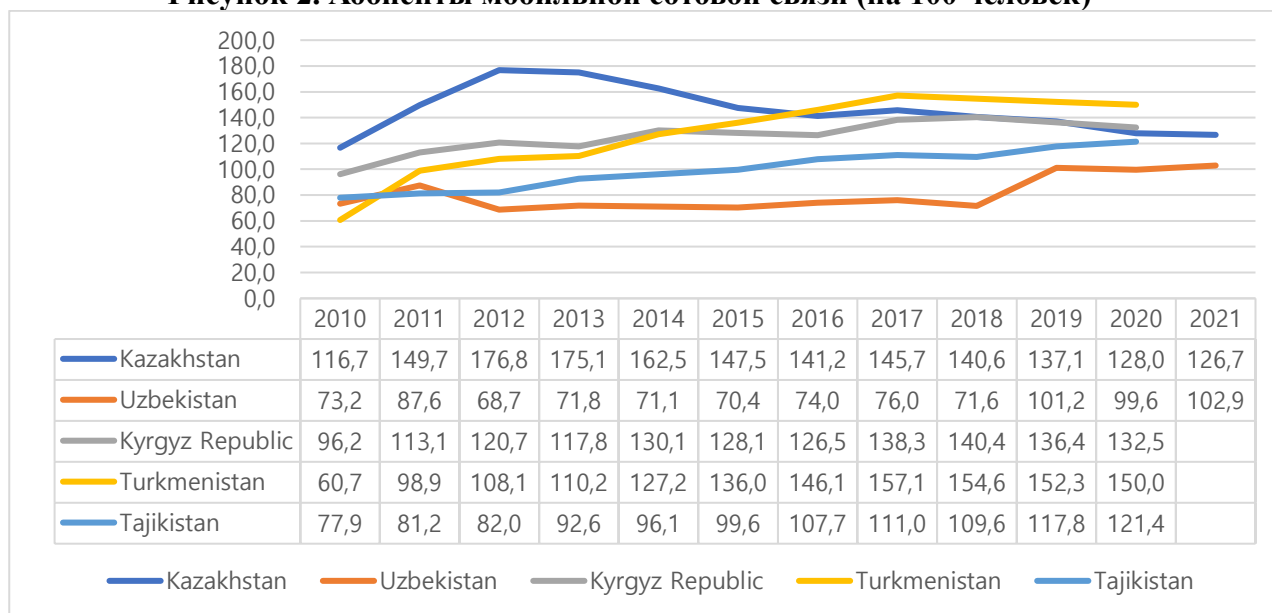

Рисунок 2. Абоненты мобильной сотовой связи (на 100 человек)²

¹ Всемирный банк

² Там же.

Рисунок 3. Денежные переводы в страны СНГ из России в 2021 г. по странам (в миллионах долл.)¹

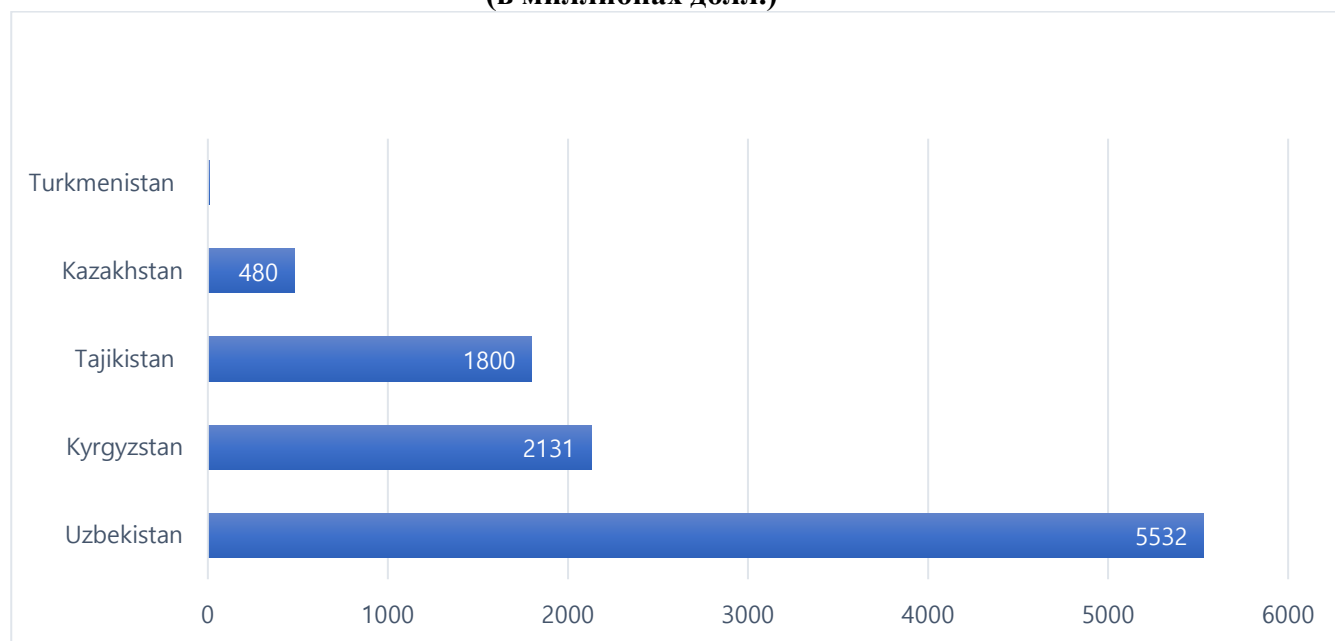

Таблица 2.

Механизм²

Этап	Факторы
1	Производство исламского экстремистского пропагандистского контента в другом регионе
2	Перевод контента на русский язык компанией Furat Media.
3	Выкладывание русских переводов различных пропагандистских материалов в социальные сети
4	Доступ к контенту людей в регионе СНГ

Таблица 3.

Социальная сеть³

	Разделение	Характеристики
1	Твиттер	Создание нескольких официальных учетных записей, принадлежащих различным подразделениям ИБ, расположенным по всему миру.
2	Телеграмм	Большое количество исламских экстремистских Telegram-каналов и около 15 000 подписчиков (по состоянию на октябрь 2015 г.)
3	Фейсбук	Относительно низкая

¹ Механизмы распространения пропаганды ИГ в сети Интернет на русском языке // LiveJournal. 11.06.2016. – Режим доступа: <https://rozysk06.livejournal.com/14422.html> (accessed:25.05.2023).

² Statista 2023

³ Как террористы используют соцсети для вербовки // RBRU. 11.11.2017. – Режим доступа: <https://rb.ru/story/isis-uses-social-media/> (accessed: 25.05.2023).

		эффективность пропаганды исламских экстремистов из-за уникальных особенностей и алгоритмов Facebook.
4	Инстаграмм	Социальная сеть, в основном используемая боевиками, имеющими активные связи с ИГ. (и тысячи подписчиков)
5	ВКонтакте и Одноклассники	ВКонтакте в основном используется молодым поколением / Одноклассники в основном используется старым поколением

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Колоколова Екатерина Эдуардовна, студент 1 курса магистратуры, направление «международные отношения (Мировая политика: концептуальные основы и межкультурное взаимодействие)», Российский университет дружбы народов, Москва, Россия. (E-mail: 1132227805@pfur.ru).

Киреева Карина Фаридовна, студент 1 курса магистратуры, направление «международные отношения (Мировая политика: концептуальные основы и межкультурное взаимодействие)», Российский университет дружбы народов, Москва, Россия. (E-mail: 1132223127@pfur.ru).

Мок Вон Ли, студент 1 курса магистратуры, направление «международные отношения (Мировая политика: концептуальные основы и межкультурное взаимодействие)», Российский университет дружбы народов, Москва, Россия. (E-mail: 1032215607@pfur.ru).

Ekaterina E. Kolokolova, 1st year student of the master's program "international relations (World politics: conceptual foundations and intercultural interaction)", Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia. (E-mail: 1132227805@pfur.ru).

Karina F. Kireeva, 1st year student of the master's program "international relations (World politics: conceptual foundations and intercultural interaction)", Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia. (E-mail: 1132223127@pfur.ru).

Mok Won Lee, 1st year student of the master's program "international relations (World politics: conceptual foundations and intercultural interaction)", Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia. (E-mail: 1032215607@pfur.ru).

МНОГОСТОРОННЕЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ / MULTILATERAL COOPERATION IN THE FIGHT AGAINST TERRORISM IN THE EURASIAN REGION

Научная статья / Research article

Кооперация АСЕАН и ШОС в Южной и Юго-Восточной Азии

Д. Н. Говор

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия

e-mail: bavrusha13@gmail.com

К. Х. Рахимов

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, Москва, Россия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2771-1817>; e-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru

Аннотация: Террористическая деятельность является серьёзным вызовом всем субъектам международных отношений, расшатывая основы безопасности, необходимые для осуществления деятельности государств и международных организаций. Угроза терроризма в особенности существенна в виду концептуально нестандартных методов осуществления деятельности современными террористическими организациями, которые, несомненно, идут в ногу со временем, используя достижения научного прогресса постиндустриальных экономик, даже без учёта разнообразных структурных форм, которые последние могут принимать. Ситуацию также осложняет факт охвата терроризмом многих регионов мира – нет ни одного государства на планете, которое в той или иной мере не подвергалось бы террористическим атакам. Исключением не является и ряд государств наиболее подверженных риску в Азиатско-Тихоокеанском регионе (далее - АТР). В данной статье авторы ставят своей главной целью исследовать особенности феномена террористической деятельности на юге и юго-востоке Азии. Хронологические рамки исследования охватывают два десятилетия с 2001 г. (момента реорганизации ШОС) и до 2022 г. В статье проводится анализ предпосылок возникновения террористической угрозы в целом в АТР, основных террористических организациях, реализующих свою деятельность на территории региона, а также законодательной и доктринальной базы, разработанной государствами во время участия на международных площадках, посвящённых проблемам безопасности. В статье также приведена статистика по террористической деятельности, охватывающей несколько государств региона. Вместе с тем авторы поставили перед собой цель по изучению опыта государств и локальных международных правительственных организаций по противодействию террористической деятельности. Авторами был сделан следующий вывод: весь регион с юга и до востока Азии является питательной почвой для деятельности как уже существующих террористических организаций, так и для возникновения ещё большего их числа ввиду значительных межэтнических претензий, стремления к сепаратизму как следствие большого процента мусульманского населения в нескольких странах региона и подавления национальных меньшинств, и социально-экономического неравенства. При этом деятельность международных правительственных организаций в рассматриваемом регионе имела более позитивный характер, так как обе организации довольно продолжительное время отдавали предпочтение вопросам институционализации принципов работы и передавали основной костяк работы по борьбе с терроризмом национальным государствам региона. Тем не менее, в обеих организациях пришли к пониманию за последние 5 лет и приступили к развитию интеграционных процессов, которые способны обеспечить эффективную антитеррористическую деятельность.

Ключевые слова: Терроризм, террористическая деятельность, противодействие терроризму, АТР, Юго-Восточная Азия, международные организации, ШОС, АСЕАН.

Для цитирования: Говор Д. Н., Рахимов К. Х. Кооперация АСЕАН и ШОС в Южной и Юго-Восточной Азии // Постсоветские исследования. 2023;6(6):663-673.

ASEAN-SCO Cooperation in South and Southeast Asia

Danila N. Govor

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia

e-mail: 6avrusha13@gmail.com

Komron Kh. Rakhimov

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia

Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2771-1817>; e-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru

Abstract: Terrorist activity is a serious challenge to all subjects of international relations, shaking the foundations of security necessary for the implementation of the activities of states and international organizations. The threat of terrorism is especially significant in view of the conceptually non-standard methods of carrying out activities by modern terrorist organizations, which undoubtedly keep up with the times, using the achievements of the scientific progress of post-industrial economies, even without taking into account the various structural forms that the latter can take. The situation is also complicated by the fact that many regions of the world are covered by terrorism - there is not a single state on the planet that has not been subjected to terrorist attacks in one way or another. An exception is not a number of states most at risk in the Asia-Pacific region (hereinafter referred to as the Asia-Pacific region). In this article, the authors set as their main goal to explore the features of the phenomenon of terrorist activity in the south and southeast of Asia. The chronological framework of the study covers two decades from 2001 (the moment of the reorganization of the Shanghai Cooperation Organization (hereinafter referred to as the SCO)) and until 2022. region, as well as the legislative and doctrinal framework developed by states during their participation in international platforms dedicated to security issues. The article also provides statistics on terrorist activities covering several states of the region. At the same time, the authors set themselves the goal of studying the experience of states and local international governmental organizations in countering terrorist activities. The authors made the following conclusion: the entire region from the south to the east of Asia is a breeding ground for the activities of both existing terrorist organizations, and for the emergence of even more of them due to significant interethnic claims, the desire for separatism as a result of a large percentage of the Muslim population in several countries region and the suppression of national minorities, and socio-economic inequality. At the same time, the activities of international governmental organizations in the region under consideration had a more positive character, since both organizations for quite a long time gave priority to the issues of institutionalizing the principles of work and transferred the main backbone of the work on combating terrorism to the national states of the region. However, both organizations have come to an understanding over the past 5 years and have begun to develop integration processes that can ensure effective anti-terrorist activities.

Key words: Terrorism, counterterrorism, Asia-Pacific, Southeast Asia, international organizations, SCO, ASEAN.

For citation: Govor D. N., Rakhimov K. Kh. ASEAN-SCO Cooperation in South and Southeast Asia // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;6(6):663-673. (In Russ.).

Основными факторами, определяющими актуальность проблемы терроризма как феномена глобального масштаба, являются: широкие темпы его распространения из-за преимуществ современных технологий (в частности сети интернет), часто хаотичная и бессвязная деятельность разрозненных

террористических групп и ячеек (некоторые из них насчитывают менее дюжины участников), а также отсутствие универсальной и общепринятой системы классификации террористических актов и деятельности, что в свою очередь не

способствует максимально эффективному противодействию терроризму.

Научный интерес исследования терроризма в АТР во многом обусловлен возрастающей ролью региона в мировой экономике – в целом на страны АТР приходилось 44% мирового ВВП и 62% роста мирового ВВП за последние 10 лет (2012-2022 гг.), а суммарное население составляет 4.2 миллиарда¹. Эти два факта, будучи рассмотренными в вакууме, характеризуют угрозы от террористической деятельности как крайне значительные, а также несущие серьёзные риски для мировой торговли и социально-политического благополучия половины населения всего мира. Это оправдывает необходимость и заинтересованность государств, проводящих свою политику даже за пределами региона, к более тесному сотрудничеству по вопросу подавления террористических тенденций.

Помимо этого, страны АТР склоняются к отношениям вида стратегического партнерства, что, однако, имеет сложности в реализации из-за разрозненности государств в проведении внешней политики, в законодательстве по вопросу классификации терроризма как явления, технологический и экономический разрывы препятствуют организации максимально эффективного сотрудничества в борьбе с терроризмом в регионе.

Генезис терроризма в АТР

Как было определено ранее, случаи террористических действий на территории АТР в данный момент довольно многочисленны (см. рис 1.), местами неся систематический характер. Так, на момент 2022 г. в ряде государств АТР в совокупности было зарегистрировано 1204 актов (см. табл. 1), подпадающих под классификацию терроризма международным правом. В одной только Мьянме было установлено 755 актов терроризма (см. там же).

При рассмотрении динамики появления и угасания активности террористических актов можно преждевременно сказать, что антитеррористическая политика имела локальный успех, однако она оказалась

недостаточной, что видно через возникновение крайне бурного очага террористической деятельности в Мьянме в 2022 г.

Высокая плотность населения способствует зарождению множества конфликтов на религиозной и национальной почве, порождая тенденции к росту социальной напряжённости, давления национальных меньшинств на правительства – или же национального большинства, если те в той или иной мере не представлены частью руководства государства, и, в крайнем случае, сепаратистских настроений, на которые могут опираться локальные террористические ячейки.

К этому стоит добавить, что подобная высокая плотность населения является крайне опасным инструментом – будь то прямым или опосредованным по характеру использования – и имеет крайне негативные последствия для стабильности всего региона ввиду развитой морской транспортной сети и сомнительного уровня благосостояния нескольких государств (к таковым можно отнести Индонезию, Пакистан, Филиппины и Таиланд), а также политическая разрозненности государств региона. Отсутствие прочных плацдарма по подготовке боевиков, поиска финансирования и проведения финансовых операций террористических организаций. Последние, в свою очередь, зачастую находятся вне поля зрения международного права и национальной юрисдикции.

Однако, стоит принять во внимание, что всполохи терроризма в регионе имеют глубокие исторические корни, уходящие в процессы международных отношений второй половины XX в.

Основной общей чертой, предшествовавшей развитию терроризма в регионе, является наличие вопросов этнографического характера, которые долгое время игнорировались на локальном уровне, а после распада колониальной системы и обретения государствами независимости, вновь возникли в политико-

¹ Asia-Pacific 23 countries make up the Asia-Pacific region // World Economics. URL:

<https://www.worldeconomics.com/Regions/Asia-Pacific/> (дата обращения 27.05.2023).

культурном и религиозном метанарративе целой плеяды стран Юго-Восточной и Южной Азии.

Так, схожей по своему характеру причиной возникновения и распространения терроризма в таком ряде стран как: Индия, Мьянма, и Индонезия, носит социально-сепаратистский и национальный подтекст, подпитываемый социально-экономической и политической несправедливостью среди этнических меньшинств и среднего класса (см. рис. 2).

Примером может служить факт существования нескольких «расколов» индийского общества по нескольким основаниям:

- Религиозные и этнические разногласия (на меж общинном уровне). К таковым относятся столкновения индуистов и мусульман – крупные всполохи насилия происходили в штатах Гуджарат, Манипур и Бенишангул-Гумуз;
- Конфликты относительно государственного устройства Индии, характеризующиеся запросами на предоставление большей автономии различным штатам – Пенджаба, требования создания новых штатов на основе этнических и религиозных групп: Бихар, Уттар, Прадеш, Западная Бенгалия и др.;
- Конфликты с участием «третьих акторов», пришедших со стороны Пакистана и международных террористических групп.

Также следует отдельно выделить значение религиозного вопроса и конфессий в качестве средства зарождения террористических настроений. В отличии от вышеупомянутых государств с характерными для них сепаратистскими движениями, часть из которых тоже имеет под собой религиозные основания, необходимость в ведении дополнительной классификации, состоящей из Пакистана, Филиппин и Королевства Таиланд, обусловлена

отдельным фактором – наличием большого процента мусульман относительно доли всего населения этих государств, а также тесная аффилированность террористических группировок с их мусульманским населением (в случае с Филиппинами и Пакистаном).

Так, потенциальные конфликты внутри Филиппинского общества нивелируются системой политического плюрализма и многочисленными профсоюзами. Однако, этого «Армия нового народа» - маоистские революционеры, не считает достаточным для прекращения своей деструктивной деятельности, продолжая свою борьбу с 1969 года. Политика руководства Филиппин также оказалась неспособна к устранению политического и военно-политического конфликта на религиозной почве, которое вызвано доминирующим положением христианства – католиками являются 78.8% населения². Южные территории государства (Минданао и пр.), населённые этническими мусульманами, с 1990 года контролируются исламскими политическими силами, некоторые из которых продолжают вооружённую борьбу, игнорируя соглашения с правительством Филиппин. В этом регионе ещё с 1991 года расположена группировка «Абу Сайаф», имеющая связи с «Аль-Каидой»³.

И напротив – государства Восточной Азии (Китай, Южная Корея, Сингапур и Тайвань) имеют крайне позитивный опыт взаимодействия с терроризмом ввиду его несистематичности и культурно-религиозного единства, в контексте которого количество кардинально разнящихся этносов не превышает двух, что привело к значительному снижению межконфессиональных и идеологических конфликтов.

В качестве примера исследователи рассматривают Тайвань и Сингапур. Первый целенаправленно стремится создать эффективную демократическую систему, которая бы препятствовала ущемлению

² Religious Affiliation in the Philippines (2020 Census of Population and Housing) // Philippine Statistics Authority. URL: <https://psa.gov.ph/content/religious-affiliation-philippines-2020-census-population-and-housing> (дата обращения 29.05.2023).

³ Запрещённая на территории Российской Федерации террористическая группировка. URL: <http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html> (дата обращения: 30.05.2023).

интересов социальных групп. Это позволило снизить уровень социальной напряжённости и конфликтогенный потенциал политической жизни.

Сингапур, несмотря на наличие большого количества этнических групп (китайцы, индийцы, тамилы, малййцы и пр.), религиозных конфессий со своими языками и культурой, характеризуется как стабильное, благополучное государство из-за примата общечеловеческих ценностей: верность государству, уважение закона и общественного порядка, умеренность в экономических делах на бизнес и бытовых уровнях. Подобные идеи явно берут своё начало из конфуцианства, которое является идеологической и культурной основой государственного управления не только в Сингапуре, но и в ряде остальных государств Восточной Азии.

Действующие террористические организации в регионе.

В регионе Азии и Тихого Океана большая часть террористической деятельности сосредоточена в Индии, Пакистане, Мьянме, Индонезии, Филиппинах и Таиланде (индекс терроризма составляет 5 и более баллов) – наибольший упор в исследовании направлен на краткий анализ деятельности террористических группировок именно этих государств. Однако, также будет учитываться опыт деятельности более благополучных государств региона – Японии и Австралии (индекс терроризма ниже 4 баллов) – с целью получения наиболее полной картины проблемы терроризма в регионе, а также ввиду того факта, что действующие группировки остаются серьёзной угрозой для безопасности вышеназванных государств.

Наиболее примечательные террористические организации в Южной Азии представлены:

- Исламское государство (ИГ/IS)⁴

ИГ — суннитская экстремистская группировка, сформированная как «Аль-

Каида» дочерняя группа в Ираке и Сирии в 1999 г. ИГ, включая его дочерние группы, были самой смертоносной террористической группировкой 2022 г. Число связанных с ним смертей осталось примерно столько же, около 2000 смертей в год с 2019 г., хотя в 2022 г. было зафиксировано 16-процентное улучшение. ИГ также предприняло четыре атаки в регионе России и Евразии, в результате вызвав одну смерть гражданского лица и еще два нападения в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 2022 г.⁵

По данным некоторых специалистов, примерно одна десятая часть всех боевиков ИГ являются уроженцами Индонезии, Малайзии, Таиланда и Филиппин [Морозов 2017: 4].

- Освободительная армия Белуджистана (BLA)

BLA — этнонационалистическая организация, выступающая против пакистанского правительства и в итоге стремящаяся получить больше региональной автономии на территории провинции Белуджистан в Пакистане, которая граничит с Афганистаном и Ираном. Группа возникла в 2000 году в ответ на растущее недовольство Белуджистана за предполагаемое вымогательство со стороны правительства природных ресурсов региона, а также дискриминация народ белуджи. С 2004 г. БЛА применяет насильственную тактику, включая вооруженные нападения, против национальных сил Пакистана, чтобы получить самоопределение белуджского народа и отделение Белуджистана от государства.⁶ Конфликт находится в холодной стадии, однако имеет все шансы вновь возобновиться (см рис. 2).

К наиболее влиятельным террористическим организациям Юго-Восточной Азии относятся:

- Абу-Сайяф

⁴ Запрещённая на территории Российской Федерации террористическая группировка. URL: <http://nac.gov.ru/terroristicheskie-i-ekstremistskie-organizacii-i-materialy.html> (дата обращения: 30.05.2023).

⁵ “MMP: Islamic State.” Center for International Security and Cooperation // Stanford University. URL:

<https://cisac.fsi.stanford.edu/mappingmilitants/profiles/islamic-state> (дата обращения 30.05.2023).

⁶ Global Terrorism Index 2023 // Institute for Economics and Peace. URL: <https://reliefweb.int/report/world/global-terrorism-index-2023> (дата обращения 30.05.2023).

Имеет в своём основании риторику джихада, характеризуется как религиозно-политическое объединение, запрещённое в Австралии, Канаде, США, ОАЭ и Великобритании и внесена в реестр террористических организаций, созданный при поддержке ООН. Основной костяк организации состоит из Филиппинского мусульманского меньшинства, расположенных на юго Филиппин на отдалении от государства - остров Минданао и архипелаг Холо. Группировка ставит своей целью создание независимого исламского государства, а характерной чертой является система управления через семейно-родственные и дружеские связи. Это, в свою очередь, выступает причиной ее длительного существования и активных действий против органов государственной безопасности и поддержания порядка Филиппин.

Еще одной особенностью группировки является её интеграция в систему международного терроризма в 2014 г. после вступления в бессрочную кооперацию с «Исламским Государством», таким образом начав содействие в построении халифата.

Среди всего региона Юго-Восточной Азии в сфере террористической угрозы особо выделяется Таиланд.

Ряд восточных специалистов выделяют сразу 2 влиятельных террористических группировок, осуществляющих свою деятельность в пределах государственного суверенитета Королевства Таиланд:

- Барисан Революси Насионал (Barisan Revolusi Nasional - BRN)

BRN была основана в 1969 г. как политическое объединение с идеей арабского социализма в своей сущности. Однако, со временем ее идеологическая составляющая менялась, смещая фокус в сторону распространения «салафии» - движения в суннитском исламе архаичного толка, призывающий к очищению ислама от второстепенных течений и культурно-идеологических особенностей различных мусульманских народов, которые те приобрели в результате взаимодействия с внешним миром по ходу развития истории. Эксперты выделяют BRN как самую многочисленную, и, как их этого следует, мощную группировку, достигающей в своем

масштабе до 400 тыс. участников. В результате роста числа сторонников и укрупнения организации ее структура претерпела изменения: на данный период существования в BRN имеется три подразделения с различными обязанностями: конгресс BRN, координационный центр BRN и религиозное крыло BRN. Помимо трёх основных подразделений, BRN курирует и предоставляет оружие другой - более малочисленной - террористической организации - Runda Kumpulan Kecil (RKK), состоящей из бойцов-новичков BNR.

- Объединённая организация освобождения Паттани (Pattani United Liberation Organization - PULO)

Была основана в 1968 г. и существует до сих пор, принимая активное участие в организации общественно-политической жизни Паттани как южного региона Таиланда, имеющим под своим началом коммуну малайских мусульман. Характерным является то, что деятельность организации представляется крайне неоднозначной: на своём пути по достижению автономии и независимости региона, организацией предполагались достаточно позитивные действия: решения вопроса самоопределения региона при непосредственном участии ООН и ее дискуссионных площадок, организация референдума по вопросу самоопределения общества региона под надзором международного общества, развитие мусульманского права и образовательной программы с учётом религиозно-культурных особенностей развития мусульманского этнического меньшинства [Лобач 2017: 9]. Однако, PULO в своих действиях также прибегает к использованию силы и вооруженных акций: главными целями становятся представители и сотрудники государственных учреждений, и здания структур, также характерны поджоги и взрывы; к ненасильственным относится распространение агитационных материалов среди молодого населения с целью культивирования идентичности этнических малайских мусульман.

К наиболее влиятельным и крупным индонезийским террористическим организациям интернационального характера относят «Джемаа Исламия» (Jemaah Islamiyah)⁷.

Данная организация начала свою деятельность в 1993 г., но была признана террористической в «Резолюции Совета Безопасности ООН №1390»⁸ только в 2002 г. после совершённой атаки на Бали 12 октября 2002 г.⁹. Идеологической основой её деятельности является создание объединённого, суверенного Исламского халифата, который бы охватывал Индонезию, Малайзию, южный Таиланд, Сингапур, Бруней и южную часть Филиппин. Тем не менее, интенсивность террористических действия в отношении этих государств предопределена их дальнейшим функциональным использованием: страны, представляющие собой непосредственные объекты террористических нападений, и «нейтральные страны», используемые как временные прибежища террористов и как территории для получения и отмывания финансовых средств через систему малых и средних бизнесов [Гладченко 2017: 164].

Об особой её опасности свидетельствует количество террористических атак, совершённых с 2000 г. и до 2013 г. - 57 терактов с общим количеством жертв в 302 человека и более 950 раненых лиц [Лобач 2017: 13], при этом большая часть терактов была направлена на деятелей и объекты религиозно-духовного характера.

Деятельность государств-участников ШОС и АСЕАН в сфере противодействия международному терроризму.

На сегодняшний день ШОС и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (далее - АСЕАН) являются динамично развивающимися международными

объединениями, установившие цели по многофакторному сотрудничеству в пределах своих юрисдикций. Наиболее важной характеристикой обеих организаций является идентичная позиция касательно проблем терроризма и сепаратизма в регионе - преимущественно из-за состава участников. Так, Индия и Пакистан, вступившие в ШОС в ШОС, будучи реорганизованной в 2001 г. в ее текущую форму, является относительно новым игроком на азиатско-тихоокеанской площадке, и поэтому стремится к созданию партнёрских и доверительных отношений не только с государствами, но и с другими организациями АТР. Преимущественный интерес для партнерства по антитеррористическим действиям представляет АСЕАН. В 2004 г. на саммите в Ташкенте со сторон руководителей государств-членов ШОС прозвучала инициатива по созданию общей партнёрской сети в регионе и удовлетворение созданием постоянно действующего органа ШОС - Исполнительного комитета Региональной антитеррористической структуры (РАТС)¹⁰, которая в дальнейшем сыграет важную роль в борьбе с терроризмом в регионе.

Дальнейшее включение ШОС в систему коллективной безопасности в АТР, как достаточного важного звена, происходит в 2005 г. с подписанием «Меморандума о взаимопонимании между секретариатом ШОС и секретариатом АСЕАН» в Джакарте. В документе излагаются приоритетные направления сотрудничества, в том числе и по вопросам борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом¹¹¹².

По оценке Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН (2016),

⁷ Организация запрещенная на территории РФ.

⁸ Резолюция 1390 (2002) // Совет Безопасности ООН. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/216/04/PDF/N0221604.pdf?OpenElement> (дата обращения 30.05.2023).

⁹ Теракты на Бали в 2002 году: хроника событий и расследование // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20121012/770789985.html?ysclid=lidttgcqm3866933285> (дата обращения 28.09.2023).

¹⁰ Ташкентская декларация глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества // Президент

России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3916> (дата обращения 30.05.2023).

¹¹ Меморандум о взаимопонимании ШОС и АСЕАН (2005 г.).

¹² ASEAN CONVENTION ON COUNTER TERRORISM // ASEAN. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2021/01/ACCT.pdf> (дата обращения 29.05.2023).

Конвенция АСЕАН по борьбе с терроризмом 2007 года и План действий к ней 2009 г. выполнены не полностью. [Marguerite Borelli 2017: 13].

Задержка с вступлением Конвенции в силу является следствием фундаментального принципа поведения АСЕАН: невмешательство во внутренние дела государств-членов [Benedetta Di Matteo 2017]. Этим объясняется приоритет, отданный «мягкой силе» при формировании правовых рамок регионального сотрудничества в борьбе с терроризмом. Это, в свою очередь, устраняет возможность давления на государства-члены АСЕАН, ведь открытое вмешательство в политику и действия государства-участника, даже с учётом наличия актов, подрывающих внутреннюю безопасность, представляется невозможным.

В этом контексте борьба с терроризмом воспринимается как исключительно внутренняя проблема, что особенно критично с учётом глубоких этнонациональных конфликтов и тенденций к сепаратизму в регионе. Принципы борьбы с терроризмом, будучи запротokolированы в «Декларации АСЕАН о борьбе с терроризмом»¹³, определяют ответственность по решению проблем терроризма как проблему национального характера государств-участников, что на тот момент противоречило тенденциям к распространению терроризма как интернационального явления.

Осложняет региональное сотрудничество и сохраняющиеся пограничные споры между Малайзией и Филиппинами, взаимное недоверие к действиям полицейских по обе стороны границы, что облегчает свободное перемещение боевиков, оружия и наличных средств между странами. И главное, в АСЕАН до последнего времени не обращали должного внимания на осуществления превентивных мер [Рогожина 2019: 3].

Катализатором изменений стал захват г. Марави в Филиппинах боевиками ИГИЛ в 2017 г., результатом которого стала 5-ти месячная контртеррористическая операция и признание властей Филиппин [Рогожина 2019:

3] в неспособности к самостоятельному решению проблемы.

Результатом стал процесс реорганизации региональной системы безопасности и создания целого ряда новых площадок с целью налаживания кросс-государственного взаимодействия по борьбе с терроризмом путём разработки и имплементации информационной базы данных и системы обмена разведывательными данными. Впоследствии данная система была названа «Наши глаза», опыт использования которой способствовал сближению по векторам коммуникации и полевого взаимодействия ШОС и АСЕАН. Что характерно, это также послужило основанием для укрепления кооперации с ШОС как ещё одного архитектора концепции неделимой безопасности и прозрачного сотрудничества помимо самой АСЕАН.

Борьба с терроризмом в ЮВА сегодня направлена не только на пресечение деятельности террористических ячеек, но и на предотвращение распространения исламской радикальной идеологии. в основном посредством использования коммуникационных технологий. Стоит признать, что пока АСЕАН проигрывает ИГИЛ в проведении пропагандистской и агитационной кампании [Рогожина 2019: 6].

Тем не менее, наличие позитивных подвижек и возможность к адаптации АСЕАН к современным вызовам современного терроризма и стремление ШОС к дальнейшему распространению своей деятельности на части территории АТР выступает как позитивная тенденция к сокращению числа террористических актов в регионе (см. табл. 1).

Заключение

Борьба с терроризмом как никогда актуальна в отношении любого региона, в котором он возникает. Любое промедление и игнорирования роста террористической активности ведёт к неизбежному взрыву подобной активности, способной к быстрой дестабилизации региона. Южная и Юго-Восточная Азия не стали исключением:

¹³ Совместная декларация Российской Федерации и АСЕАН о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL:

https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1615044/ (дата обращения 28.05.2023).

большая плотность населения вкупе с крайне разнообразной культурной и религиозной средой, пересечение важных торговых путей и нерешенные исторические проблемы этнологического характера могут крайне дорого обойтись его населению и политическим системам.

АСЕАН продемонстрировал наличие законодательства и инструментов, подходящих для решения проблемы транснационального терроризма в регионе.

Однако бюрократия и медлительность, при этом совершенно понятные с точки зрения сохранения автономии, наложили весомый отпечаток на региональную безопасность.

При этом, при сохранении стремления ШОС к расширению рамок своих полномочий помимо сбора и аналитики данных, способны оказать значительное содействие АСЕАН и способствовать дальнейшему включению ШОС в азиатско-тихоокеанский регион.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Benedetta Di Matteo.* ASEAN's anti-terror coordination problem. October 16, 2017. URL: <https://globalriskinsights.com/2017/10/asean-anti-terror-coordination-problem/> (дата обращения 30.05.2023).
- Marguerite Borelli.* ASEAN Counter-terrorism Weaknesses //Counter Terrorist Trends and Analyses. Issue 9, September 2017. P.16.
- Rohan Gunaratna.* Counterterrorism: ASEAN Militaries' Growing Role. RSIS commentary No. 042 - 13 March 2018.
- Гладченко Л.В.* Угроза новой волны исламского терроризма в Юго-Восточной Азии // Проблемы национальной стратегии. - 2015. - № 4 (31). - С. 162-179.
- Кокошина З. А.* Роль Шанхайской организации сотрудничества в противодействии терроризму и экстремизму на постсоветском пространстве // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2017. №4. С. 97-123.
- Курьлев К.П., Мартыненко Е.В.* Российско-китайское экономическое сотрудничество в контексте проекта "один пояс, один путь". Фактор ЕАЭС и ШОС // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9. № 11 (56). С. 1937-1948.
- Курьлев К.П., Савичева Е.М.* Содружество Независимых Государств // Учебно-методическое пособие для бакалавров и магистров направлений подготовки «Международные отношения», «Политология», «История» / (2-е издание, переработанное и дополненное) Москва, 2010.
- Лобач, Д. В.* Современные террористические угрозы в Юго-Восточной Азии // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2017. № 2-3. С. 171-190.
- Морозов, Н.А.* Террористическая угроза распространения «Исламского государства» в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. № 4. С. 22-34.
- Рогожина Н. Г.* АСЕАН - региональное сотрудничество в борьбе с терроризмом // ЮВА: актуальные проблемы развития. 2019. №1 (42). С. 76-82.
- Рогожина Н.Г.* Угроза терроризма в странах Юго-Восточной Азии // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. №4. С 697-708.

REFERENCES

- Benedetta Di Matteo.* Problema koordinacii antiterroristichej deyatel'nosti ASEAN. Oktyabr' 16, 2017. URL: <https://globalriskinsights.com/2017/10/asean-anti-terror-coordination-problem/> (reference date 30.05.2023).
- Gladchenko L.V.* Ugroza novoj volny islamskogo terrorizma v Yugo-Vostochnoj Azii // Problemy nacional'noj strategii. - 2015. - №. 4 (31). - S. 162-179.
- Kokoshina Z. A.* Rol' SHanhajskoj organizacii sotrudnichestva v protivodejstvii terrorizmu i ekstremizmu na postsovetском prostranstve // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika. 2017. №. 4. С. 97-123.
- Kurylev K.P., Martynenko E.V.* Rossijsko-kitajskoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo v kontekste proekta "odin poyas, odin put". Faktor EAES i SHOS // Voprosy nacional'nyh i federativnyh otnoshenij. 2019. T. 9. № 11 (56). S. 1937-1948.

Kurylev K.P., Savicheva E.M. Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv // Uchebno-metodicheskoe posobie dlya bakalavrov i magistrów napravlenij podgotovki «Mezhdunarodnye otnosheniya», «Politologiya», «Istoriya» / (2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe) Moskva, 2010.

Lobach, D. V. Sovremennye terroristicheskie ugrozy v Yugo-Vostochnoj Azii // Aziatsko-Tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo. 2017. №. 2-3. С. 171-190.

Marguerite Borelli. Slabye storony protivodejstviya terrorizmu ASEAN // Tendencii i analiz protivodejstviya terrorizmu. Vypusk 9, Sentyabr' 2017. С.16.

Morozov, N.A. Terroristicheskaya ugroza rasprostraneniya "Islamskogo Gosudarstva" v Aziatsko-Tihookeanskom regione // Aziatsko-Tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo. 2015. № 4. S. 22-34.

Rogozhina N. G. ASEAN - regional'noe sotrudnichestvo v bor'be s terrorizmom // YUVA: aktual'nye problemy razvitiya. 2019. №. 1 (42). С. 76-82.

Rogozhina N. G. Ugroza terrorizma v stranah YUgo-Vostochnoj Azii // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. 2017. №. 4. С 697-708.

Rohan Gunaratna. Protivodejstvie terrorizmu: rastushchaya rol' vooruzhennyh sil ASEAN. Kommentarij RSIS №. 042 - 13 March 2018.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Таблица 1

Часть стран юго-востока, востока и юга АТР в рейтинге GTI (2011-2022 гг.)¹⁴

Страна	Количество террористических актов по годам						
	2011	2013	2015	2017	2019	2021	2022
Индия	230	199	169	432	317	165	142
Таиланд	184	196	131	92	71	14	25
Мьянма	13	9	6	5	34	714	755
Индонезия	18	10	8	17	10	16	7
Филиппины	108	71	44	154	133	62	20
Пакистан	653	518	294	259	140	206	255
Сумма актов	1206	1003	652	959	705	1177	1204

Рисунок 1

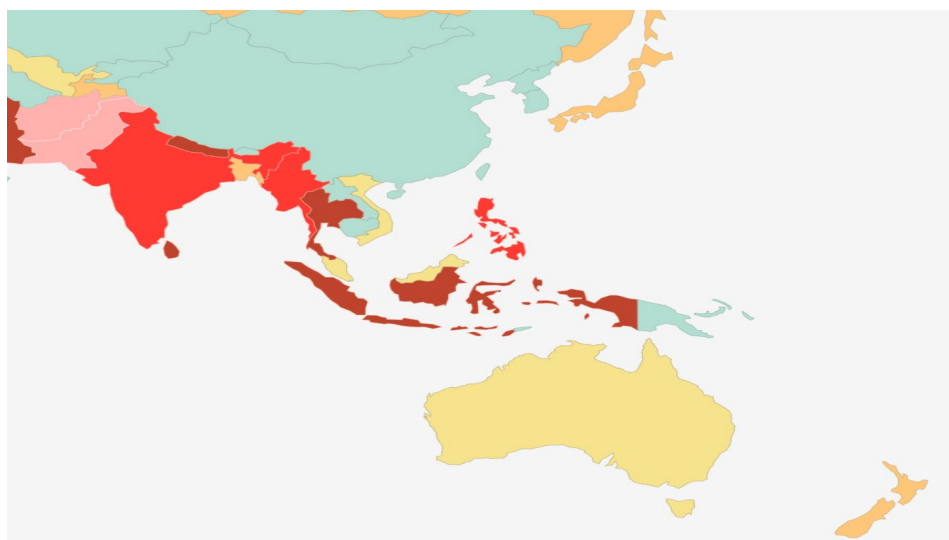

Рис. 1. Карта степени интенсивности очагов террористической деятельности в АТР (2022 г.).¹⁵

¹⁴ Global Terrorism Index. Measuring and Understanding the Impact of Terrorism (2012-2022) // Institute for Economics & Peace.

¹⁵ Global Terrorism Index. Measuring and Understanding the Impact of Terrorism (2012-2022) // Institute for Economics & Peace.

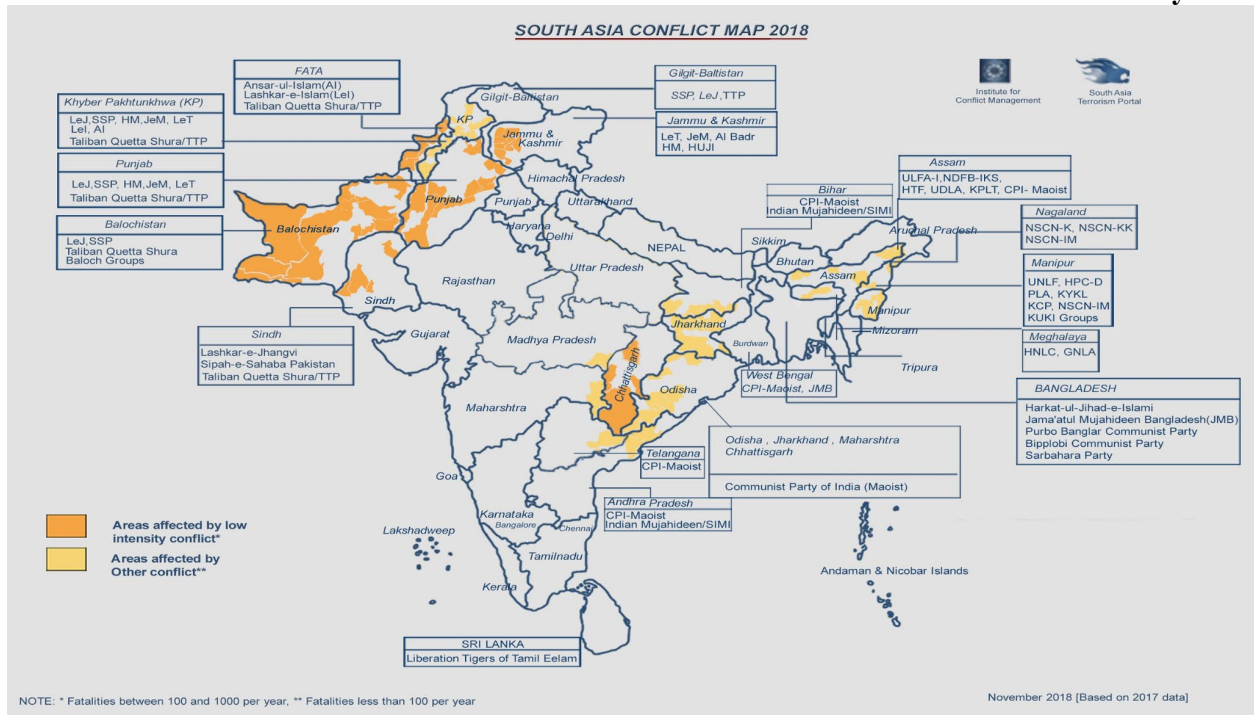

Рис 2. Карта конфликтов в Индии (2018 г.)¹⁶

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ/INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Говор Данила Николаевич, студент 1 курса магистратуры, направления “мировая политика”, РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия. (E-mail: 6avrusha13@gmail.com)

Danila N. Govor, 1st year master's student, major in world politics, RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia. (E-mail: 6avrusha13@gmail.com)

Рахимов Комрон Хакимджонович, к.и.н., старший научный сотрудник Института Китая и современной Азии Российской академии наук. Старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН им. П. Лумумбы, Москва, руководитель Сектора Центральной Азии Центра исследований постсоветских стран, Москва, Россия. (E-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru)

Komron Kh. Rakhimov, Ph.D. in History, Senior Researcher at the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences. Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University named after P. Lumumba, Head of the Central Asia Sector of the Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russia. (E-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru)

¹⁶ Conflict Map, South Asia // South Asia Terrorism Portal (SATP) (2000–2023 гг.).

РОЛЬ ОДКБ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ТЕРРОРИЗМУ

Д. Аманбаева

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия
e-mail: din_din_2000@mail.ru

А. Айдарбекова

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия
e-mail: aliya.aidarbekova00@mail.ru

А. Ч. Сатывалдиева

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия
e-mail: azadasatyvaldieva@gmail.com

К. Х. Рахимов

Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы, Москва, Россия
Центр исследований постсоветских стран, Москва, Россия
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2771-1817>; e-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru

Аннотация: После распада Советского Союза Центральная Азия пережила всплеск религиозной активности. Во всех республиках Центральной Азии — Казахстане, Кыргызстане, Таджикистане, Туркменистане и Узбекистане — наблюдался быстрый и заметный подъем мусульманского сознания, о чем свидетельствует заметный рост числа приверженцев ислама. Эффективность антитеррористических мер является предметом дискуссий, наряду с тем, в какой степени исламистские группировки ставят под угрозу стабильность в регионе. В статье приводится анализ природы центральноазиатского терроризма, степени его угрозы, источников радикального ислама и терроризма, а также оценка эффективности реализации религиозной и антитеррористической политики международной организации ОДКБ и правительств Центральной Азии, а также оценка вовлеченности стран участниц организации в решении региональной проблематики. Помимо военных, политических, антинаркотических, антитеррористических и миграционных сфер, деятельность ОДКБ предусматривает собой осуществление миротворческих миссий в регионе и за его пределами. В последнее десятилетие данная организация планомерно увеличивает уровень своей готовности быстрого реагирования на различные виды угроз, взаимодействуя при этом как с государствами, так и с другими международными организациями. Одной из главных целей исследования является оценка современного состояния миротворческой деятельности данной организации, выявление ее как сильных, так и слабых сторон, а также рассмотреть возможные способы повышения результативности миротворчества. Научная новизна данного исследования заключается в рассмотрении фактического состояния политических, военных, информационных компонентов миротворчества ОДКБ, которые в настоящее время, очевидно, еще не достигли максимума своей эффективности.

Ключевые слова: Центральная Азия, ОДКБ, регион, Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан, Узбекистан, процессы, терроризм.

Для цитирования: Аманбаева Д., Айдарбекова А., Сатывалдиева А., Рахимов К.Х. Роль ОДКБ в противодействии терроризму // Постсоветские исследования. 2023;6(6):674-684. (In Russ.).

THE ROLE OF THE CSTO IN COUNTERING TERRORISM

Dina Amanbayeva

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia
e-mail: din_din_2000@mail.ru

Aliya Aidarbekova

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia
e-mail: aliya.aidarbekova00@mail.ru

Azada Ch. Satyvaldieva

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia
e-mail: azadasatyvaldieva@gmail.com

Komron Kh. Rakhimov

RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia
Center for Post-Soviet Studies, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2771-1817>; e-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru

Abstract: After the collapse of the Soviet Union, Central Asia experienced a surge in religious activity. In all the republics of Central Asia — Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan — there was a rapid and noticeable rise in Muslim consciousness, as evidenced by a noticeable increase in the number of adherents of Islam. The effectiveness of anti-terrorist measures is a matter of debate, along with the extent to which Islamist groups threaten stability in the region. The article provides an analysis of the nature of Central Asian terrorism, the degree of its threat, the sources of radical Islam and terrorism, as well as an assessment of the effectiveness of the implementation of religious and anti-terrorist policies of the international organization of the CSTO and the governments of Central Asia. Assessment of the involvement of the organization's member countries in addressing regional issues. In addition to the military, political, anti-narcotics, anti-terrorist and migration spheres, CSTO activities include peacekeeping missions in the region and beyond. In the past decade, the organization has steadily increased its preparedness to respond quickly to different kinds of threats, working both with states and with other international organizations. One of the main objectives of the study is to assess the current state of peacebuilding activities of this regional organization, to identify both its strengths and weaknesses, and to consider possible ways of improving the effectiveness of peacebuilding. The scientific novelty of this study lies in the examination of the actual state of the political, military, and information components of CSTO peacekeeping, which at the present time have clearly not yet reached their maximum effectiveness.

Key words: Central Asia, CSTO, region, Kazakhstan, Tajikistan, Kyrgyzstan, Uzbekistan, processes, terrorism.

For citation: Amanbayeva D., Aidarbekova A., Satyvaldieva A., Rakhimov K.Kh. The role of the CSTO in countering terrorism // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;6(6):674-684. (In Russ.).

Страх. Насилие. Смерть. Эти слова напрямую ассоциируются с терроризмом. Цель терроризма, как правило, разрушить чувство безопасности и изобилия у мирных жителей, также прямо или косвенно влиять на политику и правовую систему, чтобы извлечь свою выгоду. Тому свидетельствуют события в Таджикистане в конце XX в., которые привели к массовому насилию и убийствам. Вторжение боевиков "Исламского движения Узбекистана" в Кыргызстан и Узбекистан в 1999-2000 гг. является одним из наиболее жестоких и кровавых актов терроризма в истории региона. Боевики совершали нападения на

гражданских лиц, правительственные и военные учреждения, а также использовали теракты с применением взрывчатки. В результате этих событий были потери в людских жизнях и значительный ущерб для экономики и инфраструктуры региона.

Неравенство в обществе, национальные и религиозные конфликт, и отсутствие эффективной юридической регламентации способствуют образованию экстремистских националистических групп и религиозных сект, которые используют терроризм для борьбы с противниками. Страны Центральной Азии беспокоятся о своей региональной безопасности, учитывая

теракты 11 сентября и последовавшая за ними военная кампания против «Талибана»¹ и «Аль-Каиды»² в Афганистане, имеющая общую границу с Центральной Азией протяженностью 1480 миль, повысили стратегическое значение региона, что вызвало политические и академические дебаты о вероятности исламской радикализации и терроризма в Центральной Азии. ОДКБ играет важную роль в борьбе с терроризмом в регионе. Глобальный кризис и угрозы, такие как терроризм и распространение оружия массового поражения, вызывают новые вызовы международной безопасности в различных сферах.

Центральная Азия является одним из наиболее уязвимых регионов в мире в отношении террористической деятельности. Это связано с различными факторами:

1. Геополитическое положение: Центральная Азия расположена на пересечении различных культурных, религиозных и геополитических путей, что делает этот регион привлекательным для террористических и экстремистских организаций;

2. Отсутствие социальной стабильности: Центральная Азия имеет сложную социодемографическую структуру, которая характеризуется высоким уровнем неравенства и бедности, наличием этнических и религиозных конфликтов, а также недостаточным развитием гражданского общества и учреждений, которые могут укрепить демократические институты и права человека;

3. Присутствие террористических групп: в Центральной Азии существует некоторое количество террористических групп, как местного, так и международного происхождения. Некоторые из них связаны с Исламским государством (ИГ)³, а также с террористическими организациями, базирующимися в соседних регионах, таких как Афганистан и Пакистан;

4. Отсутствие готовности к профилактике и борьбе с терроризмом: многие страны региона не обладают достаточно развитыми системами безопасности или соответствующей юридической базой, необходимой для борьбы с терроризмом и экстремизмом.

Некоторые из последних террористических актов в Центральной Азии включают в себя нападение на гостиничный двор в Бишкеке (Кыргызстан) в 2016 г., в результате которого погибли 16 человек, и нападение на границу Казахстана и Китая в 2018 г., в котором были убиты 11 человек.

Широко распространенное мнение о том, что исламский терроризм и экстремизм представляют собой серьезную угрозу безопасности в Центральной Азии, побудило региональные власти прибегнуть к жестким мерам, направленным на подавление проявлений исламской веры, которые они сочли опасными.

Деятельность ОДКБ, направленная против терроризма.

На основании Решения Совета коллективной безопасности ОДКБ с 25 мая 2001 г. были сформированы Коллективные силы быстрого развертывания Центральноазиатского региона. КСБР был придуман для обеспечения военной безопасности государств-членов, также участвовать в совместных контртеррористических операциях⁴.

Статья 3 Устава ОДКБ определяет основные цели создания и функционирования коллективной безопасности государств - членов ОДКБ, к которым относятся: меры укрепления доверия и мирного сосуществования государств; международная и региональная безопасность и стабильность; организация коллективными методами системы защиты государств от военных и террористических угроз, где главными ценностями являются независимость, территориальная целостность и суверенитет государств.⁵

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

² Запрещенная в России террористическая организация.

³ Запрещенная в России террористическая организация.

⁴ КСБР. URL: <https://jscsto.odkb-csto.org/voennaya-sostavlyauschaya-odkb/ksbrtsar.php> (дата обращения 16.06.2023).

⁵ Договор о коллективной безопасности URL: <https://odkb->

Религиозный фактор встает в основу угрозам терроризма и экстремизма в регионе. Связи между террористическими организациями и наркоторговцами принимают различные формы, начиная от содействия - защиты, транспортировки и налогообложения - и заканчивая прямым оборотом наркотиков самой террористической организацией с целью финансирования своей деятельности. От взаимоотношений между наркоторговцами и террористами выигрывают оба. Наркоторговцы извлекают выгоду из военных навыков террористов, поставок оружия и доступа к подпольным организациям. Террористы получают источник дохода и опыт в незаконной передаче и отмытии доходов от незаконных операций. Обе группы привлекают коррумпированных чиновников, услуги которых обеспечивают взаимную выгоду, такую как более широкий доступ к поддельным документам, включая паспорта и таможенные документы.

Статья 8 Устава ОДКБ также предусматривает, что государства-члены должны координировать и объединять общие усилия для организации борьбы с проявлениями международного терроризма и экстремизма, включая незаконный оборот наркотиков, незаконные поставки оружия и другие запрещенные и неконтролируемые продажи военных средств, транснациональную организованную преступность, нелегальную миграцию и другие угрозы.

В принятой в 2016 г. Стратегии коллективной безопасности ОДКБ на период до 2025 г. главы государств поставили перед исполнительными и рабочими органами организации задачу активного участия в консолидации международных усилий по

борьбе с терроризмом и экстремизмом. Существуют различные меры по противодействию терроризму и противодействию международному терроризму с точки зрения концептуальных подходов к пониманию содержания, методов, принципов, норм национальной безопасности и международной коллективной безопасности. Объектами обеспечения национальной безопасности в процессе противодействия терроризму являются жизнедеятельность, суверенитет, территориальная целостность конкретного национального государства, жизненно важные интересы населения и другие политические и социально-экономические ценности.¹

Существует реальная, хотя и скрытая опасность того, что радикальные исламистские группировки могут воспользоваться вакуумом власти в Афганистане и что исламистский террор может распространиться на страны Центральной Азии. Если Афганистан вновь станет рассадником радикального исламистского терроризма, это также может дестабилизировать авторитарные светские режимы Центральной Азии.

Таджикистан смог положиться на помощь Ирана. Хотя население бывших советских центральноазиатских республик в значительной степени отвергало воинствующий исламизм, исламистские группировки, такие как Исламское движение Узбекистана (ИДУ)², смогли привлечь достаточное количество сторонников для успешного проведения террористических актов в Центральной Азии, которыми руководили из Афганистана. Эффективность воинствующих исламистов была в немалой

csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (дата обращения 15.05.2023).

¹ Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/#loaded (дата обращения 26.06.2023).

² 4 февраля 2003 г. Верховный суд РФ признал организацию террористической и запретил её деятельность на территории России

степени обусловлена поддержкой, которую они получали от Талибов¹ и «Аль-Каиды»².

Центральная Азия, Кавказ и китайская провинция Синьцзян, в которой проживает много мусульман-уйгуров, играют ключевую роль в стратегических расчетах «Аль-Каиды». Террористическая сеть склонилась к себе чеченцев, таджиков, узбеков и уйгуров для своей борьбы против Северного альянса и сил США в Афганистане. Говорят, что Усама Бен Ладен в 2002 г. написал письмо лидеру движения «Талибан» Мулле Омару, в котором подчеркнул жизненно важную роль Центральной Азии в "джихаде".

Афганистан все чаще функционирует как безопасное убежище и транзитная страна для граждан государств Центральной Азии, стремящихся присоединиться к террористическим формированиям, таким как так называемое «Исламское государство»³ (ИГ), и приобрести боевой опыт. Считается, что за последние несколько лет несколько тысяч человек переехали в Афганистан из светских постсоветских государств Центральной Азии. Если эти радикально настроенные мигранты вернуться в свои родные страны Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан, это может перерасти в угрозу безопасности и стабильности региона. Политически решающий вопрос заключается в том, готовы ли эти страны активизировать свое сотрудничество, как того требуют новые условия безопасности.

Генеральный секретарь ОДКБ И. Тасмагамбетов во время выступления на заседании Совета Парламентской Ассамблеи ОДКБ в Минске 18 мая 2023 года отметил риски в Центральной Азии, связанные с терроризмом: “Высокие потенциальные риски в Центральной Азии связаны в первую очередь с опасностью распространения терроризма и экстремизма, наркотических средств с территории Афганистана. Согласно

экспертным оценкам, на афганской территории действуют более 20 террористических организаций общей численностью около 10 тысяч человек. При этом в провинциях Афганистана, прилегающих к южным границам зоны ответственности ОДКБ, сконцентрировано до 4 тыс. боевиков.”⁴

Организация координирует действиями между правоохранительными органами государств-членов ОДКБ. Обеспечивается обмен информацией о возможных угрозах террористической активности, а также координируются совместные операции и мероприятия по их пересечению.

ОДКБ организует совместные военные учения и операции, направленные на противодействие терроризму. Эти учения направлены на повышение готовности и способности государств-членов эффективно реагировать на различные террористические сценарии. Проводя совместные подготовки, также способствует оперативной совместимости своих вооруженных сил, улучшает координацию и пробует оперативные процедуры, имитируя террористические угрозы и сценарии, включая ситуации с захватом заложников, взрывы бомб и нападения на критически важные объекты инфраструктуры. В них задействованы различные виды вооруженных сил, включая силы специального назначения, разведывательные подразделения и правоохранительные органы. Посредством этих совместных учений государства - члены ОДКБ укрепляют свой потенциал быстрого и решительного реагирования на террористические акты, обеспечивая скоординированное и эффективное реагирование. С целью предотвращения и противодействия региональным угрозам безопасности, с 2004 года в рамках ОДКБ проводятся военные учения «Рубеж».⁵

¹ Запрещенная в России террористическая организация.

² Запрещенная в России террористическая организация.

³ Запрещенная в России террористическая организация

⁴Выступление на заседании Ассамблеи ОДКБ в Минске 18 мая 2023 URL: <https://odkb->

[csto.org/news/speech/vystuplenie-generalnogo-sekretarya-odkb-i-tasmagambetova-na-zasedanii-soveta-parlamentskoy-assamblei/?sphrase_id=113463#loaded](https://odkb-csto.org/news/speech/vystuplenie-generalnogo-sekretarya-odkb-i-tasmagambetova-na-zasedanii-soveta-parlamentskoy-assamblei/?sphrase_id=113463#loaded) (дата обращения 16.06.2023).

⁵ Учения «Рубеж» URL: <https://odkb-csto.org/training/rubezh/> (дата обращения 26.06.2023).

* Запрещенная в России террористическая организация

Приоритетной целью для ОДКБ было создание противовоздушного зaslona на западном стратегическом направлении. В рамках ОДКБ образованы системы ПВО и ПРО со следующими государствами: Россия-Белоруссия, Кыргызстан, Таджикистан, достигнута договоренность о создании российско-казахстанской системы ПРО. [Захаров 2012: 15].

Помимо совместных учений, ОДКБ проводит совместные антитеррористические операции. Эти операции направлены на нейтрализацию террористических групп, разрушение их сетей и демонтаж их инфраструктуры. Такие операции предполагают обмен разведывательными данными, совместное планирование и скоординированные действия государств-членов. Объединяя свои ресурсы и опыт, государства - члены ОДКБ укрепляют свои оперативные возможности и повышают шансы на успешную борьбу с терроризмом.

Совместные военные учения и операции ОДКБ не только повышают оперативную готовность государств-членов, но и служат сдерживающим фактором для потенциальных террористических субъектов. Наглядное проявление решительных и скоординированных ответных мер демонстрирует приверженность организации обеспечению безопасности и стабильности в регионе. Разрабатываются и внедряются общие стратегии и тактики противодействию терроризму, что позволяет повысить эффективность борьбы с этой угрозой.

ОДКБ продолжает сотрудничать с другими международными организациями, такими как ООН и ШОС, налагая санкции на террористические организации и создавая механизмы координации действий по противодействию терроризму. В 2016 г. между ООН и ОДКБ был подписан Меморандум о взаимопонимании между Секретариатом ОДКБ и Исполнительным директором Контртеррористического комитета Совета Безопасности ООН.

Сложности для ОДКБ в борьбе с терроризмом.

Несмотря на то, что ОДКБ добилась заметных успехов в противодействии терроризму, сохраняется ряд вызовов и ограничений, которые препятствуют ее эффективности в борьбе с меняющимся характером угрозы. Некоторые ключевые проблемы и ограничения включают:

- Транснациональный характер терроризма: терроризм действует за пределами национальных границ, и террористические организации часто имеют транснациональные сети и структуры поддержки. Эффективность ОДКБ в противодействии терроризму сдерживается необходимостью сотрудничества и координации с государствами и организациями, не являющимися членами Организации. Укрепление партнерских отношений и сотрудничества с внешними субъектами имеет решающее значение для эффективной борьбы с транснациональным характером терроризма.

- Политические сложности: ОДКБ действует в сложной геополитической среде, где государства-члены имеют различные политические приоритеты и региональную динамику. Политическая напряженность и разногласия между государствами-членами могут повлиять на способность организации эффективно бороться с терроризмом. Сохранение единого подхода и урегулирование политических разногласий необходимо для обеспечения эффективного функционирования ОДКБ в борьбе с терроризмом.

- Недостаточное распределение ресурсов: Адекватное распределение ресурсов имеет решающее значение для эффективных мер по борьбе с терроризмом. Государства - члены ОДКБ различаются по своим возможностям и ресурсам, что может привести к неравенству в их способности бороться с терроризмом. Обеспечение справедливого распределения ресурсов и увеличение финансовой и технической поддержки государствам-членам с

ограниченными возможностями могут помочь преодолеть эту проблему.

- Быстро меняющаяся террористическая тактика: Террористические организации постоянно адаптируют и совершенствуют свою тактику, что делает крайне важным для ОДКБ оставаться гибкой и адаптируемым. Опережение возникающих угроз, таких как кибертерроризм, радикализация через онлайн-платформы и использование новейших технологий, требует постоянного обновления стратегий, обучения и ресурсов.

- Общественное восприятие и укрепление доверия: Укрепление общественного доверия и сотрудничества имеет решающее значение в борьбе с терроризмом. ОДКБ сталкивается с трудностями в эффективном информировании общественности о своих усилиях и успехах, что приводит к потенциальному отсутствию поддержки и понимания. Укрепление программ по информированию общественности, вовлечение гражданского общества и содействие прозрачности в инициативах по борьбе с терроризмом могут помочь укрепить доверие и заручиться общественной поддержкой.

Проблемные аспекты миротворчества ОДКБ.

Помимо отсутствия одной единой внешней политики наблюдаются проблемы в военной и дипломатической сферах деятельности ОДКБ. Ситуация является весьма неприемлемой и категорично с заявленными союзническими отношениями внутри данной организации. На сегодняшний день в организационно-правовой сфере остаются нерешенными вопросы легитимности официального обращения о проведении миротворческой операции со стороны государства, де-факто отстраненного от власти самой волей народа, однако без соблюдения предписанных национальным законодательством ряда процедур.

Миротворческая деятельность ОДКБ подразумевает сам приоритет некоего политического диалога перед разрешением конфликта силовыми путями. Также в качестве проблемы можно указать, что не отработаны механизмы получения согласия

сторон, участвующих в конфликте на прекращение огня и проведение миротворческой операции, если в качестве таковых выступают неорганизованные, стихийно возникшие группы людей, не имеющие общего руководства. Все эти проблемы носят характер организационный и юридический и по сей день остаются не разрешенными.

В перспективе ОДКБ должна работать в более тесном военном направлении и политической интеграции, координировать совместные усилия по укреплению общего потенциала, совершенствовать и укреплять военный компонент организации, что могло бы сгладить некоторые «острые углы» в отношениях внутри ОДКБ. Восприятие ОДКБ в качестве регионального оппонента НАТО объясняет само отсутствие различных контактов между ними в течение уже продолжительного времени. Одним из причин имеющейся ситуации является низкая эффективность ОДКБ в сфере обеспечения глобальной международной безопасности. Данный фактор в большинстве случаев связывают с нежеланием или даже неспособностью организации принять участие в разрешении внутренних конфликтов в Кыргызстане (2010 г). По мнению экспертов, одним из признаков кризиса ОДКБ стоит считать целенаправленную деятельность некоторых зарубежных центров влияния по предотвращению создания единой эффективной системы безопасности на пространстве стран СНГ. На практике взаимодействие между НАТО и членами данной организации осуществляется лишь на основе двусторонних отношений, тем более что последние также являются членами программы Североатлантического альянса «Партнерство ради мира». Большинство военнослужащих государств - членов организации прошли обучение в специальных зарубежных центрах подготовки миротворцев и имеют за спиной богатый опыт участия в разных международных миротворческих учениях и действиях.

К примеру, подразделения вооруженных сил Республик Армения и Казахстан, осуществляя задачи со своими коллегами из

стран Североатлантического союза, получили большой опыт совместных действий в миротворческих миссиях, а также имеют соответствующие сертификаты, подтверждающие данный факт. В полемике об эффективности взаимодействия ОДКБ и НАТО остаются неохваченными аспекты сотрудничества с ЕС, которые имеют перспективы в сфере миротворчества.

Стоит отметить, что проведены международные форумы с участием руководителей оборонных и внешнеполитических ведомств Европейского Союза и некоторых представителей Секретариата ОДКБ, где были определены тождественность концепций безопасности двух организаций. Стоит учесть и тот факт, что Российская Федерация приняла концепцию «четырех общих пространств» с Европейским Союзом, одним из которых является пространство безопасности. Сама концепция общего пространства безопасности первого и второго в перспективе может стать зоной выборочного сотрудничества с ЕС. В эпоху глобализации некоторые транснациональные угрозы сферы безопасности превышают региональные риски. Нарастает уязвимость в информационной сфере на глобальном уровне, что также создает угрозу национальной безопасности и суверенитету государств - членов Организации. В связи с данной ситуацией возможно принятие многосторонних мер для противодействия более широкому кругу нетрадиционных проблем в сфере безопасности, такие как терроризм, информационная война, черный рынок и т.д.

Заключение.

Угроза террористических актов актуальна для всех государств - членов ОДКБ. Данный факт находит свое проявление в основных программных документах данной организации, что обуславливает приложенные усилия к объединению, созданию международной инфраструктуры более эффективного противодействия. Как отмечают

большинство экспертов: «Приоритетными направлениями сотрудничества государств Центральной Азии остаются выявление и ликвидация террористических организаций, перекрытие каналов незаконной миграции и финансирования террористических действий, проведение мероприятий по межгосударственному розыску лиц и профилактические работы. Также сложившаяся ситуация вызвала необходимость гармонизации законодательства. Ориентиром в правовом регулировании служит закон Российской Федерации «О противодействии терроризму» и Модельный закон СНГ «О противодействии терроризму»¹. Тем не менее, в ряде некоторых законов приводятся дополнительные расширительные трактовки термина терроризм, террористического акта и т.д.

Также говоря о роли ОДКБ в предотвращении террористических действий, стоит отметить, что данный вопрос актуален не только в отношении этой организации. Фактором активности террористических организаций стал и кризис современной системы международных отношений, проявляющийся соперничеством мировых держав, взаимным недоверием и конфронтационным характером отношений государств, игнорированием международных договоров и решений международных организаций, а также неэффективность международных институтов, призванных поддерживать мир и безопасность. В этих реалиях так называемые «идеалы» от принципа государственного суверенитета до баланса сил стали дискуссионными вопросами, а международное право уступает воинственной риторике. Наблюдается переход отношений, основанных на силе права к отношениям права силы.

Таким образом, государства на постоянной основе должны предпринимать попытки улучшить свою экономику, менять мировоззрение своих граждан, контролировать соблюдение законов на

¹ Модельный закон СНГ «О противодействии терроризму» от 3 декабря 2009 г. № 33-18.

своей территории. Только в данном случае снижении роста активности различных террористических действий. можно будет говорить об убывании или

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Таблица 1: Террористские акты в Центральной Азии (2008–2018).

Дата	Страна	Местоположение	Категория	Количество смертей
19.04.2009	Таджикистан	Исфара	Убийство сотрудников полиции	1
26.05.2009	Узбекистан	Ханабад / Андижан	Вооруженное нападение/взрыв террориста-смертника	2
03.09.2010	Таджикистан	Худжанд	Взрыв террориста-смертника	4
19.09.2010	Таджикистан	Камароб	Вооруженное нападение	25
17.05.2011	Казахстан	Актобе	Взрыв террориста-смертника	1
23.05.2011	Казахстан	Астана	Теракт	1
01.07.2011	Казахстан	Актобе	Вооруженное нападение	3
31.10.2011	Казахстан	Атырау	Взрыв террориста-смертника	1
08.11.2011	Казахстан	Алматы	Вооруженное нападение	1
12.11.2011	Казахстан	Тараз	Вооруженное нападение	7
21.07.2012	Таджикистан	Хорог	Убийство	1
30.07.2012	Казахстан	Алматы	Массовое убийство	14
23.05.2014	Таджикистан	Хорог	Вооруженное нападение	1
19.05.2015	Кыргызстан	Бишкек	Взрыв террориста-смертника	1
04.09.2015	Таджикистан	Душанбе/Вахдат	Вооруженное нападение	39
05.06.2016	Казахстан	Актобе	Вооруженное нападение	21
18.07.2016	Казахстан	Алматы	Вооруженное нападение	10
30.08.2016	Кыргызстан	Бишкек	Взрыв террориста-смертника	1
29.07.2018	Таджикистан	Дангара	Нападение с использованием автомобиля/ножей	4

Все случаи, показанные в таблице 1, соответствуют критериям, которые выставляются для квалификации этих инцидентов как террористических актов с потенциально смертельным исходом, инициированных негосударственными группами и подтвержденных правительствами многих стран. Однако, некоторые из этих событий являются менее явными примерами терроризма¹.

¹ Peter Leonard, "Religious Radicals Sought for Kazakh Mass Murder," *Washington Examiner*, 27 September 2012, [https://www.washingtonexaminer.com/religious-](https://www.washingtonexaminer.com/religious-radicals-sought-for-kazakh-mass-murder)

[radicals-sought-for-kazakh-mass-murder](https://www.washingtonexaminer.com/religious-radicals-sought-for-kazakh-mass-murder) (дата обращения 26.06.2023).

(дата

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев А.Ф.* Правовое обеспечение деятельности Коллективных сил оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности / А. Ф. Андреев // *Международное право и международные организации.* — 2018. — № 4. — С. 28–38
- В поисках новой роли: международные организации безопасности в евроатлантическом и евразийском регионах / Под ред. А.И. Никитина, А.А. Казанцева. М.: МГИМО-Университет, 2011.
- Внешняя политика стран СНГ: Учебное пособие для студентов вузов / Ред.- сост. Д.А. Дегтерев, К.П. Курылёв. - Москва: Издательство "Аспект Пресс", 2017.- 496 с.
- Гусев Л.* Борьба с терроризмом и экстремизмом в странах Центральной Азии и Афганистане. Роль ОДКБ. Россия и новые государства Евразии, 2018, № 1, С. 126-133.
- Егоров Е.Н.* Противодействие терроризму и религиозному экстремизму: опыт государств Центральной Азии: дис. ... канд. полит. наук. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена». СПб., 2015.
- Захаров В.М.* Возможная роль России и ОДКБ в разблокировании коммуникационных путей в Закавказье // "21-й век". Москва, 2012. №5 (25). 26 с.
- Захаров В.М.* Состояние и перспективы развития Организации Договора о коллективной безопасности // Проблемы национальной стратегии. Москва, 2012. №3 (12). 14 с.
- Козюлин В.Б.* Антитеррористический потенциал ОДКБ и ШОС в Центральной Азии // *Современные евразийские исследования.* 2016. № 2. С. 14-20.
- Кулбараров Л. Д.* Проблемы терроризма в Центральной Азии. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://conference.antiterror.rsbi.kz/index.php/doklads/36-kylbarakov>
- Курылев К.П., Савичева Е.М.* Содружество Независимых Государств. — М.: РУДН, 2010.
- Пегушина К.К.* Проблемные аспекты деятельности ОДКБ на современном этапе / К.К. Пегушина, М.В. Пегушин, Ю.А. Черторинская, А.А. Мартовицкий // *Молодой учёный.* Право: история, теория, практика. СПб.: Свое издательство. - 2017. ч. 2.— С. 136-138.- 143 с.
- Щеколдина Т.И.* ОДКБ как инструмент обеспечения военно-политических интересов России на пространстве СНГ // *Постсоветские исследования,* 2019. Т. 2. №4. С. 1165-1173.
- Романовский В.Г.* Противодействие терроризму в странах ОДКБ: основные тенденции и перспективы // *Наука. Общество. Государство.* 2020. №1 (29).
- Сухаренко А. Н.* Антитеррористическое сотрудничество государств СНГ: состояние и тенденции / А. Н. Сухаренко // *Международное публичное и частное право.* — 2018. — № 6. — С. 16-20.
- Robin Simcox.* Islamist terrorism. The Henry Jackson Society. London, 2001.

REFERENCES

- Andreev A. F.* Pravovoe obespechenie deyatel'nosti Kollektivnyh sil operativnogo reagirovaniya Organizacii Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti / A. F. Andreev // *Mezhdunarodnoe pravo i mezhdunarodnye organizacii.* — 2018. — № 4. — S. 28–38.
- V poiskah novoj roli: mezhdunarodnye organizacii bezopasnosti v evroatlanticheskom i evrazijskom regionah / Pod red. A.I. Nikitina, A.A. Kazanceva. M.: MGIMO-Universitet, 2011
- Vneshnyaya politika stran SNG: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov / Red.- sost. D.A. Degterev, K.P. Kurylyov. - Moskva: Izdatel'stvo "Aspekt Press", 2017.- 496 s.
- Gusev L. Bor'ba s terrorizmom i ekstremizmom v stranah Central'noj Azii i Afganistane. Rol' ODKB. Rossiya i nove gosudarstva Evrazii, 2018, № 1, ss. 126-133
- Egorov E.N.* Protivodejstvie terrorizmu i religioznomu ekstremizmu: opyt gosudarstv Central'noj Azii: dis. ... kand. polit. nauk. Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A. I. Gercena». SPb., 2015.

- Zaharov V.M.* *Vozmozhnaya rol' Rossii i ODKB v razblokirovanii kommunikacionnyh putej v Zakavkaz'e // "21-j vek".* Moskva, 2012. №5 (25). 26 s.
- Zaharov V.M.* *Sostoyanie i perspektivy razvitiya Organizacii Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti // Problemy nacional'noj strategii.* Moskva, 2012. №3 (12). 14 s.
- Kozyulin V.B.* *Antiterroristicheskij potencial ODKB i SHOS v Central'noj Azii // Sovremennye evrazijskie issledovaniya.* 2016. № 2. S. 14-20.
- Kulbarakov L. D.* *Problemy terrorizma v Central'noj Azii. [Elektronnyj resurs]. - Rezhim dostupa: <http://conference.antiterror.rsbi.kz/index.php/doklads/36-kylbarakov>*
- Kurylev K.P., Savicheva E.M.* *Sodruzhestvo Nezavisimyh Gosudarstv. — M.: RUDN, 2010.*
- Pegushina K.K.* *Problemnye aspekty deyatelnosti ODKB na sovremennom etape / K.K. Pegushina, M.V. Pegushin, YU.A. Chertorinskaya, A.A. Martovickij // Molodoj uchyonyj. Pravo: istoriya, teoriya, praktika. SPb.: Svoe izdatel'stvo. - 2017. ch. 2.— S. 136-138.- 143 s.*
- SHCHekoldina T.I.* *ODKB kak instrument obespecheniya voenno-politicheskikh interesov Rossii na prostranstve SNG // Postsovetskie issledovaniya, 2019. T. 2. №4. S. 1165-1173.*
- Romanovskij V.G.* *Protivodejstvie terrorizmu v stranah ODKB: osnovnye tendencii i perspektivy // Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. 2020. №1 (29).*
- Suharenko A. N.* *Antiterroristicheskoe sotrudnichestvo gosudarstv SNG: sostoyanie i tendencii / A. N. Suharenko // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. — 2018. — № 6. — S. 16-20.*
- Robin Simcox.* *Islamist terrorism. The Henry Jackson Society. London, 2001.*

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Аманбаева Дина, студент 1 курса магистратуры, направление «международные отношения», РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия (E-mail: din_din_2000@mail.ru).

Айдарбекова Алия, студент 1 курса магистратуры, направление «международные отношения», РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия. (E-mail: aliya.aidarbekova00@mail.ru)

Сатывалдиева Азада Чынгызовна, студент 1 курса магистратуры, направление «международные отношения», РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия (E-mail: azadasatyvaldieva@gmail.com)

Рахимов Комрон Хакимджонович, к.и.н., старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН им. П. Лумумбы, руководитель Сектора Центральной Азии Центра исследований постсоветских стран, Москва, Россия, (E-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru)

Dina Amanbayeva, 1st year master's student, International Relations, RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia. (E-mail: din_din_2000@mail.ru)

Aliya Aidarbekova, 1st year master's student, major in international relations, RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia. (E-mail: aliya.aidarbekova00@mail.ru)

Azada Ch. Satyvaldiyeva, 1st year master's student, major in international relations, RUDN University named after P. Lumumba, Moscow, Russia. (E-mail: azadasatyvaldieva@gmail.com)

Komron Kh. Rakhimov, Ph.D. in History, Senior Lecturer of the Department of Theory and History of International Relations, RUDN University named after P. Lumumba, Head of the Central Asia Sector of the Center for Studies of Post-Soviet Countries, Moscow, Russia, (E-mail: rakhimov-kkh@rudn.ru)

УКРАИНА / UKRAINE

Научная статья / Research article

Эволюция поставок Германией вооружений и военной техники официальному Киеву (февраль 2022 г. – август 2023 г.)

Ф. О. Трунов

Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>; e-mail: ltrunov@mail.ru

Аннотация. Вместо географически весьма широкой борьбы с угрозами нестабильности ФРГ в 2014-2023 гг. сосредоточилась на «сдерживании» держав не-Запада, особенно РФ. Составляющими этого процесса стали не только масштабное увеличение вклада Германии в комплектование группировок НАТО, т.е. деятельность внутри её зоны ответственности, но и рост активности вне её – на постсоветском пространстве. Прежде всего, речь шла об оказании военно-технической поддержки официальному Киеву. В статье прослеживаются основные реперные точки процесса, связанные с принятием решений о предоставлении ВСУ новых категорий, типов вооружений и военной техники. Особое внимание уделено вкладу Германии в развёртывание стратегического резерва Украины для проведения летнего наступления 2023 г. Дается характеристика объёма и номенклатуры поставок со стороны ФРГ, их боевой ценности. Делается вывод о неоднократном сдвигании германским руководством «красных линий» в вопросе оказания помощи ВСУ.

Ключевые слова: ФРГ, «сдерживание» РФ, Украина, военно-техническая поддержка, бронетехника, системы ПВО, «западные демократии», НАТО, ЕС.

Для цитирования: Трунов Ф.О. Эволюция поставок Германией вооружений и военной техники официальному Киеву (февраль 2022 г. – июль 2023 г.) // Постсоветские исследования. 2023;6(6):685-694.

The evolution of Germany's supply of armaments to official Kiew (February, 2022 – August, 2023)

Philipp O. Trunov

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7092-4864>; e-mail: ltrunov@mail.ru

Abstract. In the decade 2014-2023 Germany has redirected its military efforts from the fight against threats of instability in Asia and Africa to the "containment" of non-Western powers, first of all the Russian Federation. Germany has not only significantly increased its contribution to the functioning of NATO's military groups inside the Alliance's zone of responsibility, but also activated outside it in the post-Soviet space. The key element has become the supply of armaments and military technics to Ukraine. The article explores the key chronological points of the process which were the FRG's decisions to provide Ukraine with new categories or types of weapons. Special attention is paid to the Germany's contribution to the preparation of Ukrainian strategic reserves for the summer offensive 2023. The scientific paper presents the volume and nomenclature of the weapons, its military importance. The author concludes about step-by-step shifting red lines on the issue of assistance to Ukrainian armed forces.

Key words: Germany, deterrence of Russia, Ukraine, military-technical assistance, armored vehicles, air defense systems, Western democracies, NATO, EU.

For citation: Philipp O. Trunov. The evolution of Germany's supply of armaments to official Kiew (February, 2022 – August, 2023) // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;6(6):685-694.

В десятилетие 2014-2023 гг. произошёл «разворот» во внешней политике ФРГ в целом и особенно её военно-стратегической линии. Германия существенно сократила внимание, уделяемое борьбе с экзистенциальными угрозами нестабильности в странах их происхождения на Ближнем и Среднем Востоке, Африке севернее экватора. Вместо этого ФРГ сосредоточилась на «сдерживании» наиболее активных из числа держав не-Запада – прежде всего, России, а также Китая, Ирана. Одна часть шагов Германии была нацелена на усиление многостороннего военного потенциала Евро-Атлантического сообщества (прежде всего, по линии НАТО с поддерживающей ролью у ЕС), т.е. осуществлялась внутри зоны ответственности Североатлантического альянса. Другая часть реализовывалась непосредственно в регионах, одновременно являющимися «домашними» для оппонента и прилежащими к лагерю «западных демократий». Речь прежде всего шла о постсоветском пространстве (для РФ), а также Азиатско-Тихоокеанском регионе (для РФ и КНР).

Внутри «коллективного» Запада обозначилось новое, отличавшееся от предшествующей «холодной войны», разделение военно-стратегической ответственности. В условиях тогдашней конфронтации Запад – Восток (единственной) и европейские «либеральные демократии», и США направляли основные силы на противодействие СССР и социалистическому лагерю. В современных реалиях наличествовало сразу две системы «сдерживания», поэтому США задействовали главную часть вооружённых сил (ВС) против Китая, а европейские государства-члены НАТО, особенно континентальные, – против России. Это положение отчётливо явствовало из распределения нагрузки при комплектовании постоянных группировок Альянса – сил передового развертывания (СПР; усиливаемых авангардов, расположенных в Восточной Европе) и сил быстрого

реагирования («ядра» главных сил в подчинении НАТО); на основе последних с июля 2022 г. стала формироваться новая модель войск Альянса в 800 тысяч военнослужащих. Практически все континенты в их состав предоставлялись именно европейскими странами-участницами [Bisco 2022: 1-3].

Не столь явно, но всё же заметно данное распределение военно-стратегической ответственности наличествовало и в деле поставок вооружений и военной техники (ВиВТ) официальному Киеву, резко возросших по объёму после начала вынужденной специальной военной операции (СВО) РФ. США вносили наибольший вклад в удельном отношении, однако роль европейских партнёров по НАТО также была велика. Размеры их поддержки преобладали, но не доминировали. Различие с кейсом выделения войск в состав группировок НАТО объяснялась большей провокационностью поставок ВиВТ и, как следствие этого, увеличением риска неконтролируемой эскалации. В такой ситуации в целом США должны были брать на себя большую нагрузку или как минимум демонстрировать её. Однако существовал ряд значимых частных исключений. Так, показателен пример с поставками танков в преддверии и на фоне наступления¹ ВСУ: парк их соответствующей техники состоял прежде всего из *Leopard 2* и *Leopard 1*, поставленных самой ФРГ и ранее приобретёнными их у неё европейскими партнёрами, *AMX 10* Франции и *Challenger 2* Великобритании, но отнюдь не *Abrams* США. Поставки последних начались намного позже всех указанных боевых машин.

Задача статьи – исследовать подход ФРГ к предоставлению вооружений и военной техники в пользу официального Киева. Нижняя хронологическая рамка – февраль 2022 г., преддверие и начало (24 февраля 2022 г.) СВО РФ, на фоне старта которой «западные демократии» резко нарастили военную поддержку украинских властей. Верхняя –

¹Автор выражает несогласие с используемым термином «контрнаступление». Его должна осуществлять сторона, ведущая *стратегически* оборонительную борьбу. Таковую осуществляет именно Российская Федерация. В данном случае репрезентативной представляется понимание понятия «контрнаступление»,

данное в исторической киноленте «Контрудар» (1985) от имени генерала армии Н.Ф. Ватутина (известного своим вкладом в освобождение земель СССР, в т.ч. УССР, в освобождение от гитлеровских оккупантов и их пособников; именно от рук последних погиб этот выдающийся полководец).

август 2023 г., когда окончательно очевидным стал неудачный характер летнего наступления вооружённых сил Украины (ВСУ). Это введение в бой без какого-либо тактико-оперативного (не говоря уже о более крупном) результата последних из серии бригад стратегического резерва ВСУ, в большинстве своём подготовленных в странах-участницах НАТО и оснащённых с использованием образцов ВиВТ их производства.

Кейс Германии интересен тем, что на временном отрезке между предыдущей и современными конфронтациями (1990-е – начало 2010-х гг.), на самых ранних стадиях последних (в середине 2010-х гг.) она продемонстрировала определённую взвешенность на российском направлении. В последующем эта характеристика внешней политики Германии стала всё менее заметной, уступая место ужесточению подхода в отношении РФ.

Учитывая чувствительность темы для международной безопасности в целом, логично появление цикла публикаций отечественных исследователей по поставкам «западными демократиями» в целом и ФРГ в частности военной помощи для официального Киева [Бубнова 2023, Евтодьева 2023, Степанова 2022]. Для германских исследователей закономерно стремление найти международно-правовые обоснования для насыщения Украины западными ВиВТ [Brose 2023, Schaller 2023]. Постоянное увеличение ударной мощи поставляемых ВиВТ, их объёмов и тем градуса конфронтации Запада и РФ требует дополнительной научно-аналитической проработки тематики. В статье нашли применение метод сравнительного анализа, положения теории строительства вооружённых сил [См.: История военной стратегии..., 1992].

Реперные хронологические точки в эволюции поставок

Уже во второй половине января 2022 г. «западные демократии» стали демонстративно передавать официальному Киеву боеприпасы и ВиВТ, информационно подавая

это как меры по стимулированию РФ к отказу от вынужденной СВО. Германия де-юре стремилась подчеркнуть традиционную для себя приверженность принципу отказа от поставок летальных вооружений в зоны конфликтов. Так, официальный Берлин блокировал реэкспорт партнёрами по НАТО (прежде всего, Эстонией и Нидерландами) ранее поставленных им ВиВТ немецкого производства; сама ФРГ заявила о выделении официальному Киеву лишь военно-полевого госпиталя и 5 тысяч касок¹.

Жёстко критикуя РФ и отказываясь признать вынужденный характер начатой ею СВО, О. Шольц в специальном выступлении перед Бундестагом 27 февраля 2022 г. заявил о создании специального фонда для усиления мощи бундесвера в 100 млрд. марок в увязке с переходом к фактической поставке летальных ВиВТ официальному Киеву². Соответственно официальный Берлин не только отказался от запрета для партнёров на реэкспорт боеприпасов, стрелкового оружия, артиллерии, но также стал выделять таковые из собственных запасов (в частности, в первую партию вошли 500 ПЗРК *Stinger* и 1 тысяча единиц средств противотанковой обороны (ПТО)). Вновь следует подчеркнуть, что данная шага сразу же стали официально рассматриваться как органичная часть единого комплекса по «сдерживанию» РФ, включавшего не только само по себе наращивание потенциала бундесвера, но и заметную интенсификацию его использования в составе различных группировок в пределах зоны ответственности НАТО, в т. ч. в Восточной Европе³. Все указанные процессы, кроме поставок ВиВТ официальному Киеву, стартовали задолго до начала СВО РФ: увеличение численности бундесвера с 2017-2018 гг.⁴, рост объёмов его использования в составе военных механизмов НАТО в целом – с 2014 г., конкретно в Восточной Европе – с 2016-2017

¹Germany to send Ukraine weapons in historic shift on military aid. 26.02.2022. Режим доступа: <https://www.politico.eu/article/ukraine-war-russia-germany-still-blocking-arms-supplies/> (Дата обращения: 23.08.2023).

²Regierungserklärung von Bundeskanzler Olaf Scholz am 27. Februar 2022. 27.02.2022. Режим доступа:

<https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/regierungserklaerung-von-bundeskanzler-olaf-scholz-am-27-februar-2022-2008356> (Дата обращения: 23.08.2023).

³Ibid.

⁴Defence Expenditure of NATO Countries (2014-2023). Brussels: NATO, 2023. P. 12.

г.¹. Поступательной логике развития данного списка военно-стратегических шагов отвечал и старт оказания военной помощи официальному Киеву. Косвенным подтверждением предварительной тщательной проработки этой меры являлась скорость начала её осуществления – всего через три дня (!) после начала СВО. Хотя официальный Берлин стремился представить свои действия как вынужденные и оборонительные [Schaller 2023], их крайне сложно счесть таковыми: ВиВТ из «западных демократий», в т.ч. самой ФРГ, стали использовать уже по другую, т.е. *внешнюю*, сторону от границы зоны ответственности НАТО.

На практике наступательный и провокационный по отношению к РФ характер постепенно нарастающей военно-технической помощи официальному Киеву потребовал от правительства О. Шольца два месяца времени для того, чтобы осуществляемые де-факто усилия получили одобрение де-юре со стороны Бундестага. 28 апреля 2022 г. вопрос был вынесен на обсуждение парламентским корпусом. Чётко демонстрируя дальнейшие намерения правительства, накануне, 26 апреля 2022 г., тогдашний министр обороны ФРГ К. Ламбрехт заявила о планах по поставке зенитных самоходных установок (ЗСУ) типа *Gepard* (в изначально планируемом количестве до 50 единиц)². Показателен вид техники: это не просто артиллерийская установка, но самоходная таковая, могущая быть использована (в зависимости от обстановки) как средство и ПВО, и ПТО, притом разработки и производства самой ФРГ. Тем самым, запрашивая поддержки Бундестага на уже активно шедшие поставки ВиВТ официальному Киеву, кабинет О. Шольца чётко показывал стремление к готовности поставлять бронетехнику, притом собственно германскую (а не производства СССР и государств

ОВД), а не только лёгкое оружие и боеприпасы. В ходе парламентской дискуссии 28 апреля все этаблированные партии – как образующие правительство СДПГ, «Союз 90»/«Зелёные», СвДП, так и оппозиционный блок ХДС/ХСС – более чем ожидаемо высказались в поддержку одобрения поставок ВиВТ официальному Киеву. С критикой этого пути выступили «Левая» и «Альтернатива для Германии»³. В результате «за» было подано 586 голосов (почти 84,6 %), «против» 100 при 7 воздержавшихся⁴. Тем самым был де-юре закреплён чувствительный шаг на пути милитаризации внешней политики ФРГ: она существенно ослабляла свой имидж как взвешенного миротворца, стремившегося не допускать эскалации напряжённости в зонах вооружённых конфликтов посредством отказа от поставок туда своих ВиВТ.

В своём стремлении сгладить негативный имиджевый эффект, заретушировать создание прецедента официальный Берлин подчёркивал особенность кейса Украины и приверженность определённым «красным линиям». Проблема, однако, состояла в том, что они постоянно отодвигались. Так, весной – осенью 2022 г. власти ФРГ, с одной стороны, обозначали неготовность к поставкам танков (ОБТ) типа *Leopard*, одновременно блокируя их реэкспорт партнёрами по НАТО. С другой, – расширялась линейка видов поставляемой техники, особенно бронированной. 1 июня 2022 г. О. Шольц заявил о решении поставить Украине комплекс ПВО *IRIS-T*⁵, было согласовано направление штурмовых орудий *Panzerhaubitze (PzH) 2000* и реактивной системы залпового огня (РСЗО) *M270 MLRS* (вариант *MARS2*). Поставки *PzH 2000* были обозначены Германией как совместный с Нидерландами стратегический проект⁶.

¹NATO's military presence in the east of the Alliance. 2023. Режим доступа: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm

(Дата обращения: 23.08.2023).

²Deutschland will Gepard-Panzer liefern. 26.04.2022. Режим доступа: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/ukraine-krieg-deutschland-will-gepard-panzer-liefern-a-c53fa755-c0d1-4b59-b8a6-7d2dbaaebd74> (Дата обращения: 23.08.2023).

³Stenografischer Bericht 31. Sitzung Deutscher Bundestag. Berlin, Donnerstag, den 28. April 2022. S. 2719C-2735D.

⁴Ibid, 2743A-2745D.

⁵Rede des Kanzlers zum Bundeshaushalt. 1.06.2022. Режим доступа: <https://www.bundesregierung.de/bregde/suche/haushalt-kanzler-scholz-2045394> (Дата обращения: 23.08.2023).

⁶Liste der militärischen Unterstützungsleistungen. 2023. Режим доступа: <https://www.bundesregierung.de/bregde>

21 июня 2022 г. на едином сайте федерального канцлера – федерального правительства впервые появился список передаваемых официальному Киеву (с указанием количественных параметров) ВиВТ, предметов военного снабжения, обычно обновляемый каждую неделю¹. Примечательна дата появления данного списка. Во-первых, это день накануне очередной (81-й) годовщины нападения Третьего рейха на Советский Союз. Учитывая, что Германия предоставляла военную помощь зараженному неонацистской идеологией режиму в Киеве, данная хронология вдвойне, а, точнее, втройне болезненно воспринималась Россией, её союзниками на постсоветском пространстве. Во-вторых, список стал публиковаться между значимыми заявлениями О. Шольца от 7 июня и 30 июня 2022 г. В первом из них в контексте противодействия РФ канцлер инициировал реорганизацию батальонной боевой группы СПР НАТО с ролью бундесвера как «рамочного государства» в бригадную. Это декларировалось как часть планов по превращению ВС ФРГ в самые сильные и многочисленные среди европейских государств-членов Альянса². Во второй речи по итогам Мадридского саммита блока, провозгласившего переход к новой модели войск НАТО, О. Шольц развил свои тезисы, обозначив готовность к наращиванию присутствия бундесвера в передовой части зоны ответственности Альянса в целом³. Расположенная хронологически между этими выступлениями О. Шольца публикация списка ВиВТ, передаваемых официальному Киеву, должна была показать стремление ФРГ играть важную роль и на этом треке «сдерживания» РФ. Германия и

здесь стремилась стать наиболее активной из континентальных европейских стран-участниц НАТО (т.е. опережала всех, кроме США и в целом группы англо-саксонских держав), подчёркивая свои возможности еженедельным дополнением списка номенклатуры ВиВТ. По состоянию на конец июня 2022 г. наиболее ценными составляющими помощи ФРГ являлись 3 РСЗО *MARS2*, 7 штурмовых орудий *PzH 2000* и 30 ЗСУ *Gepard*, а, кроме того, 54 БТР *M113* выпуска США⁴. Германия также поставляла советскую технику и стимулировала к этому европейских государств-партнёров по НАТО, предлагая формулу реверса: выделение своей техники взамен переданной Украине, притом функционал или количество первой и второй категорий не совпадали. Так, в случае со Словенией речь шла о передаче вспомогательных (например, транспортных и заправщиков) машин вместо боевых (БТР)⁵.

В сентябре 2022 г., используя как информационный повод наступление ВСУ, представители правительственных партий в Бундестаге (прежде всего, от «Союза 90»/«Зелёных») стали открыто ставить вопрос о поставках БМП, БТР и, главное, боевых танков (ОБТ) германского производства. 15 сентября 2022 г. кабинет О. Шольц сделал шаг в этом направлении, включив в новый пакет поддержки 50 БТР *Dingo*⁶. В начале января 2023 г. была согласована отправка в пользу Украины 40 БМП *Marder*. Тогда же ФРГ приняла решение по согласованию с США как производителем выделить комплекс ПВО *Patriot*⁷.

Показателен временной лаг между решениями по поставкам каждого нового вида ВиВТ. Для средств ПВО он составлял: для

de/schwerpunkte/krieg-in-der-ukraine/lieferungen-ukraine-2054514 (Дата обращения: 23.08.2023).

¹Liste der militärischen Unterstützungsleistungen. 2023...

²Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz, dem Präsidenten von Litauen Nausėda, der Ministerpräsidentin von Estland Kallas und dem Ministerpräsidenten von Lettland Kariņš am 7. Juni 2022 in Wilna. 7.06.2022. Режим доступа: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-dem-praesidenten-von-litauen-nausda-der-ministerpraesidentin-von-estland-kallas-und-dem-ministerpraesidenten-von-lettland-karinsh-am-7-juni-2022-in-wilna-2048428> (Дата обращения: 23.08.2023).

³Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz nach dem NATO Gipfel am 30. Juni 2022 in Madrid/ 30.06.2022.

Режим доступа: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-nach-dem-nato-gipfel-am-30-juni-2022-in-madrid-2059018> (Дата обращения: 23.08.2023).

⁴См.: Liste der militärischen Unterstützungsleistungen. 2023...

⁵Словения передаст Украине 28 танков М-55S в обмен на технику из Германии. 20.09.2022. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/09/20/slovenia-peredast-ukraine-28-tankov-m-55s-v-obmen-na-tehniku-iz-germanii.html> (Дата обращения: 23.08.2023).

⁶См.: Liste der militärischen Unterstützungsleistungen. 2023...

⁷Ibid.

ЗСУ *Gepard* и *IRIS-T* – порядка месяца, *IRIS-T* и *Patriot* – уже полгода, объясняясь финансовой затратностью и количественной ограниченностью комплексов ПВО. В случае бронетехники динамика была следующей: для *PzH 2000*, *M113* и *Dingo* – около 3 месяцев, *Dingo* и *Marder* – более 3,5 месяцев.

При такой протяжённости лага решения о поставке ОБТ следовало ждать в мае – июне 2023 г., однако оно было обозначено О. Шольцем уже 25 января 2023 г. [Brose 2023] ФРГ заявила о готовности поставлять танки *Leopard 2* (не говоря уже о *Leopard 1*), а также снимала ограничения на передачу их партнёрами по НАТО¹. Чем объяснялись столь быстрые сроки ожидаемого пересмотра очередной «красной линии»? «Западные демократии» стремились быстрее начать и осуществить техническую подготовку ВСУ к новому наступлению, планируемому на конец весны – лето 2023 г. Ключевую роль в нём должны были сыграть вновь созданные бригады (стратегического резерва ВСУ), особенно обученные и в той или иной мере оснащённые ВиВТ производства стран-участниц НАТО. Логично, что осуществление этого без активного вклада ФРГ представлялось затруднительным. В свою очередь, и сам официальный Берлин был последователен в своём стремлении оставаться в числе крупнейших поставщиков ВиВТ официальному Киеву – быть позади США, но существенно не отставать ни от Великобритании, ни от Франции. С учётом этого оказались весьма результативны стимулирующие по отношению к Германии меры двух других западноевропейских держав – декларирование ими решений о поставках собственных танков (решения по *AMX 10* Франции от 4 января и *Challenger 2* Великобритании от 16 января)². Германией Украине в конце января – феврале 2023 г. были обещаны и затем переданы 18 (14 изначально и 4 затем) *Leopard 2A6*, первые 10 *Leopard 1A5*³.

В имиджевом плане фактором закрепления за ФРГ значимой роли в поставках ВиВТ от Запада в целом, стало название формата,

под эгидой которого «западные демократии» и их партнёры согласовывали многосторонние решения по усилению помощи ВСУ – прежде всего, в плане поставки тяжёлой военной техники. Этот переговорный механизм по месту проведения встреч получил название «Рамштайн» [Mills 2023: 35-37] – расположение крупнейшей военной базы США на территории ФРГ.

В марте – апреле 2023 г. руководство ФРГ не делало заявлений по передаче иных наименований тяжёлой техники Украине. Почему? По многим категориям – прежде всего, бронетехнике, ПВО – номенклатура достигла «потолка» в смысле последнего из заявленных типов. Перейти столь быстро к поставкам уже не наземной и средств противовоздушной обороны, но боевой воздушной (истребители, истребители-бомбардировщики), ракетной, морской техники официальный Берлин был ещё не готов.

Правительство О. Шольца стремилось не допускать чрезмерно быстрого сокращения собственных военных запасов, особенно в условиях незначительного ускорения объёмов поставок в сам бундесвер военной продукции компаниями ФРГ. Последнее явление объяснялось широким кругом причин: инертностью данных фирм в деле возвращения к достаточно масштабному производству тяжёлой бронетехники, особенно танков; направлением части производимого сразу в Украину (с согласия федерального правительства)⁴, а также риском частичной деиндустриализации в Германии. Основные причины последнего явления – беспрецедентные характер и масштаб участия ФРГ в реализации рестриктивных мер экономической направленности в отношении РФ и в целом разрушение системы торгово-хозяйственных связей с ней [Белов, Котов 2023]. Здесь следует подчеркнуть, что подрыв газопроводов «Северный поток-1 и 2» (26 сентября 2022 г.) не оказал какого-либо заметного негативного влияния на линию официального Берлина в вопросе поддержки властей в Киеве.

¹Rede von Bundeskanzler Olaf Scholz. 25.01.2023. Пежим доступа: <https://www.bundesregierung.de/bregde/service/bulletin/rede-von-bundeskanzler-olaf-scholz-2160674> (Дата обращения: 23.08.2023).

²Ibid.

³Liste der militärischen Unterstützungsleistungen. 2023...

⁴Liste der militärischen Unterstützungsleistungen. 2023...

Новой составляющей этого курса весной 2023 г. стало активное участие ФРГ в обучении личного состава ВСУ в рамках деятельности военно-тренировочной миссии ЕС *EUMAM UA*. К началу летнего наступления ВСУ инструкторы из стран-участниц ЕС должны были подготовить 30 тысяч украинских военнослужащих – основную часть (другая – в США) личного состава 9-ти из 12-ти бригад стратегического резерва ВСУ. В Германии проходили обучение 3,3 тысячи солдат и офицеров ВСУ, прежде всего экипажи танков *Leopard 2A6* и *1A5*, БМП *Marder*, расчётов штурмовой артиллерии и РСЗО *MARS II*, комплексов ПВО *IRIS-T* и *Patriot*¹. Тренировки посещал тогдашний министр обороны ФРГ Б. Писториус². Тем самым ФРГ обеспечивала за собой одну из ведущих ролей в деятельности *EUMAM UA* как в количественном отношении (11 % от общей численности обучаемых), так и качественном, сосредоточившись на подготовке личного состава технических родов войск (танковых, механизированных, зенитных и артиллерийских). От них в определяющей мере зависел уровень боеспособности вновь подготавливаемых бригад стратегического резерва ВСУ в целом.

В увязке с этим кабинет О. Шольца весной – летом 2023 г. анонсировал выделение очередных пакетов военной помощи Украины. Их основу составляли дополнительные партии категорий ВиВТ, уже поставляемых в распоряжение ВСУ. Так, пакет, заявленный 13 мая 2023 г., включал 20 БМП *Marder*, 30 модернизированных танков *Leopard 1A5*, а также 15 ЗСУ *Gepard*, 4 батареи системы *Patriot*, 12 пусковых установок *IRIS-T*³. Во время Вильнюсского саммита НАТО (11-12 июля 2023 г.) правительство ФРГ анонсировало передачу Украине ещё 40 БМП *Marder* и 25 модернизированных танков *Leopard 1A5*. Как и всегда, этот шаг подавался в тесной увязке с наращиванием объёмов мер по

«сдерживанию» РФ на других треках – прежде всего, постепенному принятию ФРГ полной (35 тысяч из общего числа в 300 тысяч военнослужащих) нагрузки в рамках двух первых категорий новой модели войск НАТО⁴.

Показательно, что по состоянию на середину августа 2023 г., т.е. спустя соответственно три месяца и месяц после декларирования, военная техника из двух заявленных пакетов ещё не прибыла в Украину. Почему? Безусловно, фактор опасений чрезмерно быстрого сокращения запасов ВиВТ в распоряжении самого бундесвера оставался весьма важным, однако отнюдь не единственным таковым. Своим промедлением с новыми *фактическими* поставками официальный Берлин посылал в Киев сразу несколько «сигналов»: это выражение недовольства «пробуксовыванием» летним наступлением 2023 г., потерями бронетехники западного, особенно собственно германского, производства (что весьма болезненно для ФРГ в имиджевом плане). Кроме того, Германия стремится подчеркнуть и укрепить своё положение старшего партнёра в диалоге с Украиной, ослабленное демонстрацией чрезмерной ориентированности на неё и её запросы (символом этого стало нашумевшее сравнение украинским послом А. Мельником О. Шольца с «ливерной колбасой» в мае 2022 г.).

Не исключено также, что ряд сведений о поставках ВиВТ Украине будет публиковаться с некоторым опозданием – с тем, чтобы несколько заретушировать потери в бронетехнике и как элемент дезинформации РФ в вопросе степени технической оснащённости ВСУ в условиях августовских фаз их попыток наступления. Партии ВиВТ, заявленные к передаче 13 мая и 11 июля 2023 г., вероятнее всего будут направлены на доукомплектование парков техники бригад

¹Boris Pistorius besucht mit dänischem Amtskollegen Ausbildung ukrainischer Truppen. 05.05.2023. Режим доступа:

<https://www.bundeswehr.de/de/aktuelles/meldungen/pistorius-besucht-ausbildung-ukrainischer-truppen-5618612> (Дата обращения: 23.08.2023).

²Ibid.

³Германия решила отправить Украине пакет военной помощи на 2,7 миллиарда евро. 13.05.2023. Режим

доступа: <https://lenta.ru/news/2023/05/13/pomoshch/> (Дата обращения: 23.08.2023).

⁴Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz zum Gipfeltreffen der NATO am 12. Juli 2023. 12.07.2023. Режим доступа: <https://www.bundesregierung.de/bregde/aktuelles/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-zum-gipfeltreffen-der-nato-am-12-juli-2023-2202034> (Дата обращения: 23.08.2023).

стратегического резерва ВСУ, несущих существенные потери.

Временной отрезок, прошедший с момента решения о старте поставок ОБТ (конец января 2023 г.), оказался достаточным для того, что федеральное правительство вплотную приблизилось к осуществлению следующей меры – поставки ВСУ крылатых ракет *Taurus*, особенно на фоне принятия решений по технике данного типа со стороны Великобритании и Франции.

Промежуточные итоги поставок ВиВТ: август 2023 г.

Если в 2022 г. ФРГ израсходовала на военную поддержку Украине (т. е. без учёта других статей ассигнований) около 2,2 млрд. евро, то в 2023 г. запланировано и уже в основном выделено 5,4 млрд. евро¹ с обозначением готовности предоставлять на эти нужды по 5 млрд. евро ежегодно в ближайшие несколько лет². Уровень 2023 г. составлял более 10 % к размеру военного бюджета ФРГ в целом³. Соответственно, Германия в числе «западных держав» проявляла готовность к оказанию объёмной помощи официальному Киеву как минимум на среднесрочную перспективу. Вместе с тем, показательно фиксирование планируемых размеров военной поддержки: официальный Берлин аккуратно обозначал неготовность к их заметному наращиванию в дальнейшем.

Учитывая, что цена одного боевого самолёта или тем более корабля существенно выше единицы наземной бронетехники, это будет иметь существенные последствия. ФРГ мотивированно, с учётом заранее заложенной суммы, либо откажется или минимизирует поставки воздушной военной техники, либо пойдёт на заметное урезание объёмов поставляемых БТР, БМП и особенно ОБТ. Любой из этих сценариев окажется весьма чувствительным для официального Киева.

Насколько объёмной и практически ценной оказалась военно-техническая

поддержка ВСУ со стороны ФРГ по состоянию на середину августа 2023 г., когда стал исчерпываться стратегический резерв войск Украины, используемый в попытках наступления? Из бронетехники ВСУ получили 28 танков (10 *Leopard 1A5* и 18 *Leopard 2A6*), т. е. эквивалент парка ОБТ для профильного батальона, 40 БМП *Marder*, 50 БТР *Dingo*, 54 БТР *M113*⁴, что суммарно составляло оснащение для 1 – 1,3 механизированных бригад или эквивалент примерно 10 % от размера стратегического резерва ВСУ. Для самого бундесвера, имевшего в своём составе к 2023 г. суммарно 7,5 бригад, в т.ч. 5,5 «тяжёлых» (танковых, мотопехотных) таковых⁵, эти цифры были достаточно значительными. Передача ВСУ указанной бронетехники открывала для ФРГ возможность изучить потенциал (пределы тактического использования) «тяжёлой» бригады с германской военной техникой, но с украинским (не из состава бундесвера) личным составом в условиях реальных боевых действий. Учитывая, что в структуре ВС Германии (и большинства «западных демократий» в целом) бригада организационно являлась основным «кирпичом», такой опыт окажется весьма ценным.

Из систем ПВО были поставлены две системы *IRIS-T* и одна *Patriot*, отдельно по две пусковые установки каждого типа (что делало возможным организовать воздушное прикрытие 2-3 небольших районов, в основном в Киеве) и 46 ЗСУ *Gepard*⁶, которые позволяли создать подразделения ПВО с функциями и ПТО в нескольких бригад ВСУ – как стратегического резерва, так и остальных.

Из артиллерии наиболее ценными являлись поставленные 5 РСЗО *MARS2* и 14 штурмовых орудий *PzH 2000*, каждая из которых могла быть использована как «ядро» взводной группы с повышенной огневой мощностью. Как и в случае с ЗСУ данная военная техника направлялась не только в части

¹Liste der militärischen Unterstützungsleistungen. 2023...

²Germany's top finance official proposes \$5.45 bln annual military aid for Ukraine. 20.08.2023. Режим доступа: <https://tass.com/economy/1662729> (Дата обращения: 23.08.2023).

³Рассчитано автором на основе: Defence Expenditure of NATO Countries (2014-2023). Brussels: NATO, 2023. P. 12.

⁴Liste der militärischen Unterstützungsleistungen. 2023...

⁵Рассчитано на основе данных сайта ВС ФРГ: Режим доступа: <https://www.bundeswehr.de/de>

⁶Ibid.

стратегического резерва, но и «старые», созданные ранее, формирования.

В целом объёмы поставок ВиВТ, равно как и обученных в рамках деятельности военно-тренировочной миссии *EUMAM UA* украинских военнослужащих (3,3 тысячи человек) обеспечивали ВСУ тактическое усиление, т. е. наращивали их потенциал на отдельных (конкретных) участках линии боевого соприкосновения (в случае бронетехники и артиллерии) или функциональных треках (как это имело место для ПВО).

Выводы

Весной 2022 г. – летом 2023 г. официальный Берлин многократно отодвигал «красные линии» в деле направления ВиВТ официальному Киеву. Это старт поставок летальных таковых в целом (конец февраля 2022 г.), ЗСУ (апрель 2022 г.), систем ПВО и штурмовой артиллерии (июнь 2022 г.), БТР (сентябрь 2022 г.), БМП (январь 2022 г.) и, наконец, ОБТ (также январь 2023 г.). За неполный год с начала СВО ФРГ превратилась в одного из ключевых поставщиков вооружений и военной техники для официального Киева, что чётко показывало уровень готовности к жёсткому «сдерживанию» РФ. Притом к весне 2023 г. перед Германией объективно встали проблемы дальнейшего подъёма планок мощи и функционала для вновь передаваемых типов ВиВТ, а также обеспечение их поставок достаточно крупными партиями. По состоянию на август 2023 г. весьма вероятной

выглядит перспектива передачи официальному Киеву крылатых ракет и боевых самолётов, нельзя полностью исключать и вероятность выделения ему отдельных категорий кораблей (вплоть до корветов включительно).

По сути, германское руководство последовательно придерживается только двух «красных линий», тесно связанных между собой. Это принципиальная неготовность к отправке регулярных войсковых формирований бундесвера в зону проведения СВО и стремление к минимизации использования эгиды НАТО. Так, осуществление поставок штурмовой артиллерии декларируется в рамках германо-нидерландского проекта, танков – формата «Рамштайн», обучение кадров ВСУ – профильной миссии ЕС. Однако это лишь оттеняет, но отнюдь не уменьшает практическую роль механизма НАТО, остающегося ключевым для осуществления многостороннего давления на РФ. Обозначенной тактикой официальный Берлин, осуществляя всё более провокационные меры в отношении РФ и тем неся ответственность за повышение градуса конфронтации, пытается отыскать формулы, снижающие риск неконтролируемой эскалации Запада и России в целом. Представляется, однако, что это может дать не более чем точечный эффект: Германия движется по пути утраты имиджа взвешенного, продумывающего свои действия игрока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белов В.Б., Котов А.В.* Экономические связи ЕС и России в условиях ограничительных мер. *Общественные науки и современность*, 2023. № 2. С. 72-89. DOI: 10.31857/S0869049923020053
- Бубнова Н.И.* Военная помощь США и других западных стран Украине после начала российской специальной военной операции. *Россия и современный мир*, 2023. № 2. С. 79-105. DOI: 10.31249/rsm/2023.02.06
- Евтодьева М.Г.* Западная военная помощь и передачи вооружений Украине в 2022 - начале 2023 г.: ключевые тенденции. *Пути к миру и безопасности*, 2023. № 1. С. 11-30. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-11-30
- История военной стратегии России / Под ред. ген.-майора В.А. Золотарева. Институт военной истории Министерства обороны РФ. Москва: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. 592 с.
- Степанова Н.В.* Военная помощь Украине в контексте национальных интересов США. *Россия и Америка в XXI веке*, 2022. С. 1. DOI: 10.18254/S207054760023926-5
- Biscop S.* The New Force Model: NATO's European Army? *Egmont Policy Brief No 285*. 2022. September. 6 p.
- Brose E.* Leopard 2: BAKS-Präsident betont im Cicero-Interview Einbindung der USA. 26.01.2022. Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Режим доступа:

<https://www.baks.bund.de/de/aktuelles/leopard-2-baks-praesident-betont-im-cicero-interview-einbindung-der-usa> (Дата обращения: 23.08.2023).

Mills C. Military assistance to Ukraine since the Russian invasion. London: House of Commons Library, 2023. 69 p.

Schaller C. Waffenlieferungen an die Ukraine. SWP-Aktuell, 2023. № 9. 5 S.

REFERENCES

Belov V.B., Kotov A.V. Ekonomicheskie svyazi ES i Rossii v usloviyakh ogranichitel'nykh mer. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2023. № 2. S. 72-89. DOI: 10.31857/S0869049923020053

Biscop S. The New Force Model: NATO's European Army? Egmont Policy Brief No 285. 2022. September. 6 p.

Bubnova N.I. Voennaya pomoshch' SShA i drugikh zapadnykh stran Ukraine posle nachala rossiiskoi spetsial'noi voennoi operatsii. *Rossiia i sovremennyi mir*, 2023. № 2. S. 79-105. DOI: 10.31249/rsm/2023.02.06

Brose E. Leopard 2: BAKS-Präsident betont im Cicero-Interview Einbindung der USA. 26.01.2022. Bundesakademie für Sicherheitspolitik. Mode of access: <https://www.baks.bund.de/de/aktuelles/leopard-2-baks-praesident-betont-im-cicero-interview-einbindung-der-usa> (Date of access: 23.08.2023).

Evtod'eva M.G. Zapadnaya voennaya pomoshch' i peredachi vooruzhenii Ukraine v 2022 - nachale 2023 g.: klyuchevye tendentsii. *Puti k miru i bezopasnosti*, 2023. № 1. S. 11-30. DOI: 10.20542/2307-1494-2023-1-11-30

Istoriya voennoi strategii Rossii / Pod red. gen.-maiора V.A. Zolotareva. Institut voennoi istorii Ministerstva oborony RF. Moskva: Kuchkovo pole, Poligrafresursy, 2000. 592 s.

Mills C. Military assistance to Ukraine since the Russian invasion. London: House of Commons Library, 2023. 69 p.

Schaller C. Waffenlieferungen an die Ukraine. SWP-Aktuell, 2023. № 9. 5 S.

Stepanova N.V. Voennaya pomoshch' Ukraine v kontekste natsional'nykh interesov SShA. *Rossiia i Amerika v XXI veke*, 2022. S. 1. DOI: 10.18254/S207054760023926-5

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Трунов Филипп Олегович, кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН. E-mail: 1trunov@mail.ru

Philipp O. Trunov, Candidate of science (Political sciences), leading researcher, Department of Europe and America, INION RAS. E-mail: 1trunov@mail.ru

СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО / UNION STATE

Научная статья / Research article

Влияние санкционного давления на экономики стран Союзного государства

А. В. Сибирская

ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», Минск, Беларусь
e-mail: kordik2004@mail.ru

А. А. Сулейков

ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», Минск, Беларусь
e-mail: suleykov@bk.ru

Аннотация. На сегодняшний день экономические санкции являются важным инструментом внешней политики и международной дипломатии. Принимаемые на определенный срок, они могут оказывать длительное воздействие, и в полной мере экономика ощущает их эффект не сразу, а спустя определенное время. Многие отрицательные последствия (снижение темпов прироста ВВП, потеря рабочих мест и возможностей развития предпринимательского сектора) выявляются лишь со временем. К тому же отмена санкций происходит медленнее, чем их введение. Санкции, являясь формой вмешательства, как правило, рассматриваются как более дешевый и менее рискованный, средний курс воздействия между войнами и дипломатией. Политики рассматривают санкции как ответ на внешний кризис, в которых национальный интерес наименее важен, либо, когда военные действия невозможны. Санкции результативны в одних условиях и могут претерпеть неудачи в других, в зависимости факторов. Программа санкций со сравнительно ограниченными целями, наиболее успешна в сравнении с программой крупных политических амбиций. Первая цель — подорвать или ограничить военный потенциал страны, на которую направлено санкционное давление, сократив экономическую базу для производства индивидуального вооружения и военной техники. Вторая цель – предотвращение военных действий или удержание страны-агрессора от наступательных действий. Современным примером можно считать западные санкции против России в контексте специальное военной операции в Украине. Преследуя эту цель, страны, применяющий санкции, исходят из гипотезы сдерживания, рассчитывают на то, что экономические санкции смогут сделать неприемлемой цену наступательной политики. Третья цель – смена политического режима или дестабилизация политической системы страны. На современном этапе эту цель можно назвать самой распространённой: примером можно назвать санкционное давление на Республику Беларусь после результатов выборов Президента в 2020 году. Часто санкции подобного рода сопровождаются секретными операциями специальных служб по устранению режима или его лидеров. Четвёртая цель – целенаправленное изменение политического курса страны. Такие случаи могут сопровождаться мерами военного сдерживания.

Ключевые слова: Союзное государство, законодательство, России, Беларусь, санкции, СВО.

Для цитирования: Сибирская А. В., Сулейков А. А. Влияние санкционного давления на экономики стран Союзного государства // Постсоветские исследования. 2023;6(6):695-703.

Impact of sanctions pressure on the economies of the countries of the Union state

Albina V. Sibirskaya

*State Scientific Institution "Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus",
Minsk, Belarus*
e-mail: kordik2004@mail.ru

Andrey A. Suleikov

*State Scientific Institution "Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus",
Minsk, Belarus*

e-mail: suleykov@bk.ru

Abstract. Today, economic sanctions are an important tool of foreign policy and international diplomacy. Taken for a certain period, they can have a lasting effect, and the full extent of their effect is felt by the economy not immediately, but after a certain time. Many of the negative effects (lower GDP growth, loss of jobs and business opportunities) only become apparent over time. In addition, the lifting of sanctions is slower than their introduction. Sanctions, being a form of intervention, are generally seen as a cheaper and less risky middle course between wars and diplomacy. Politicians see sanctions as a response to an external crisis in which the national interest is least important, or when military action is not possible. Sanctions work in some settings and may fail in others, depending on factors. A sanctions program with relatively limited goals is more successful than a program of major political ambitions. The first goal is to undermine or limit the military potential of the country targeted by the sanctions by reducing the economic base for the production of individual weapons and military equipment. The second goal is to prevent hostilities or to keep the aggressor country from offensive actions. Western sanctions against Russia in the context of a special military operation in Ukraine can be considered a modern example. In pursuing this goal, the sanctioning countries proceed from the deterrence hypothesis, relying on the fact that economic sanctions will be able to make the price of an offensive policy unacceptable. The third goal is to change the political regime or destabilize the country's political system. At the present stage, this goal can be called the most common: an example is the sanctions pressure on the Republic of Belarus after the results of the presidential elections in 2020. Often sanctions of this kind are accompanied by secret operations of special services to eliminate the regime or its leaders. The fourth goal is a purposeful change in the political course of the country. Such cases may be accompanied by military deterrence measures.

Keywords: Union State, legislation, Russia, Belarus, sanctions, Special military operation

For citation: Albina V. Sibirskaya, Andrey A. Suleikov Impact of sanctions pressure on the economies of the countries of the Union state // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2023;6(6):695-703. (In Russ.).

Санкционное давление на Российскую Федерацию и Республику Беларусь – тема уже давно не новая. Однако в последнее время стала как никогда актуальной ввиду современных событий. Новая и самая сильная волна санкционного давления на Российскую Федерацию и следом на Республику Беларусь началось фактически подписания 21 февраля 2022 г. на расширенном заседании Совбеза В.В. Путиным Указов «О признании Луганской Народной Республики» и «О признании Донецкой Народной Республики», согласно которым Российская Федерация и ДНР и ЛНР устанавливают дипломатические и дружеские отношения, а также оказывают взаимопомощь, в том числе и по поддержанию мира и начала 24 февраля специальной военной операции в ДНР и ЛНР.

Уже 25 февраля 2022 г. был принят первый пакет санкций ЕС, который включал запрет

– на экспорт в Российскую Федерацию продукции двойного назначения;
– предприятиям оборонной, судостроительной и авиастроительной промышленности поставлять оборудование и технологии и оказывать финансовую помощь российским компаниям;

– на экспорт в Российскую Федерацию оборудования и технологий для нефтеперерабатывающих заводов запрет на экспорт авиационной и космической техники и оборудования, и запасных частей.

Всего в 2022 г. против Российской федерации было принято 7 пакетов санкций ЕС. При этом, поставленные союзом цели достигнуты не были – российская экономика не рухнула вопреки ожиданиям.

Исходя из этого, вопрос санкционного давления стал активно обсуждаться в периодических изданиях и научной литературе: например, в работах А.П. Мешковой [Мешкова, 2021, 54-62], И.Г. Шепелева [Шепелев, 2021, 53-62], Б.З. Ботовой [Батова, 2021, 39-44]. Вопросы государственного суверенитета в условиях санкционного давления поднимаются в работах Г.В. Кузнецовой [Кузнецова, 2021], М.Н. Марченко [Марченко, 2019], В.С. Куксевича [Куксевич, 2021, 283-287] и др.

Введенные против России ограничения уже привели к целому ряду последствий. По 5-балльной шкале значимости для российской экономики наибольшую сложность представляют последствия от остановки компанией TSMC экспорта полупроводников из Тайваня в Россию; существующие уже давно большие заторы на погранпереходах с Китаем, не позволяющие оперативно переориентироваться на поставки китайских товаров и др.

По состоянию на 1 августа 2022 г. Правительством Российской Федерации приняты 11 «пакетов» мер. Всего принято уже 314 мер, реализованы 262 меры.

Ключевые задачи поддержки экономики в условиях санкционного давления являются:

а) обеспечение максимальной свободы хозяйственной деятельности внутри страны за счет сокращения избыточных процедур, продления разрешений и лицензий, уменьшения числа проверок, расширения мер налогового стимулирования, ускорения бюджетных процедур.

б) обеспечение бесперебойной работы предприятий и выстраивание новых логистических и производственных цепочек, обеспечение компаний оборотными средствами.

в) создание «зеленого коридора» для импорта.

г) сохранение занятости за счет предотвращения закрытия производств, программ переобучения, расширения

программ социального контракта и мобильности трудовых ресурсов.

д) прочие отраслевые меры поддержки, особенно в промышленности (с акцентом на импортозамещение), сельском хозяйстве, транспорте, секторе ИТ и инноваций, туризме, строительстве и ЖКХ.

Основными мерами противодействия санкционному давлению можно назвать следующие:

– повышение Банком России ключевой ставки до 20% с 28 февраля 2022 г., с 22 июля 2022 г. ставка снижена до 8%¹;

– с 28 февраля 2022 г. приостановка торгов в фондовой секции валютной биржи;

– наложение ограничений на движение капитала;

– введение обязательной продажи валютной выручки в течении 3 дней экспортерами на внутреннем валютном рынке в размере не менее 80%. С 26 мая 2022 г. требования к срокам увеличили до 120 дней, а объем снизили до 50%. С 9 июня 2022 г. требования об обязательные продажи 50% выручки было отменено совсем, а размер определяется Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций;

– 8 апреля 2022 г. ослаблен ряд ограничений на покупку валюты физлицами (отменена брокерская комиссия 12%, банки с 18 апреля могут продавать наличные доллары населению);

– с 31 марта был расширен временной диапазон торгов. С 1 июня возобновлены короткие продажи ценных бумаг (при этом по-прежнему действует запрет участия в торгах нерезидентов).

Принимаемые в феврале – марте меры позволили держать под контролем ситуацию на валютном рынке. После достижения пиков выше 130 рублей за доллар США 7-9 марта 2022 г. курс российской валюты укрепился до уровней 105-110 рублей за доллар США, а 23 марта 2022 г. курс доллара опустился ниже 100 руб. По состоянию на 1 декабря 2022 г. курс российского рубля к

¹ Федеральная служба государственной статистики РФ. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosstat.gov.ru/>

доллару США стабилизировался и составляет 61,22 рос. руб. за 1 долл. США.

В ответ на отключение некоторых банков Беларуси и России от системы SWIFT, в Союзном государстве была создана своя платежная система. С 1 августа 2022 года в платежную систему Республики Беларусь внедрен международный стандарт ISO 20022 «Финансовые услуги. Универсальная схема сообщений финансовой индустрии», предполагающий внедрение единых требований и рекомендаций по формированию финансовых сообщений, что позволит исключить проблемы совместимости автоматизированных систем различных финансовых институтов и упростить заполнение платежных реквизитов.

Наблюдается тенденция к увеличению количества совершаемых операций по СБП за 2020 – 2021 гг. и 3 квартала 2022 г., и положительная динамика количества платежей в системе СМП в 2020 – 2021 гг.

Получила активное развитие российская платежная система «МИР», появившаяся в 2015 г. В 2021 году в условиях ограничений платежная система «Мир» стала лидирующей платежной системой по охвату среди населения России. На карты «Мир» платят зарплаты в бюджетных учреждениях, перечисляют социальные выплаты от государства, студенческие стипендии и пенсии.

Санкции Запада заставили страны пересмотреть торговые потоки и переориентировать в другие направления, например, в восточные страны. Кроме того, усилился взаимный товарооборот [Господарик, 2020].

Наблюдается в 2021 г. существенный прирост товарооборота с Россией (35%), в том числе за счет роста экспорта на 24,6% и роста импорта на 43,3%. За первое полугодие 2022 г. также можно отметить прирост товарооборота относительно аналогичного периода 2021 г. на 12,2%².

Также существенно выросла и доля Российской Федерации в географической

структуре внешней торговли товарами. Если в 2021 г. удельный вес России в совокупном товарообороте составлял 47,9%, то в 2021 г. этот показатель составил 49,0%. Доля импорта из России увеличилась с 50,4% в 2020 г. до 56,6% в 2021 г.

В рамках антисанкционной политики, проводимой Российской Федерацией в текущем году, страна отказалась с марта 2022 г. от долларов во всех энергетических расчетах между Россией и Беларусью, что является экономически выгодным для Беларуси. В целом, в Республике Беларусь основная доля расчетов с Российской Федерацией уже с 2021 года проводилась в российских рублях (таблица 1).

В Российской Федерации в рамках антисанкционной политики были пересмотрены и приняты ряд новых нормативно-правовых актов (далее – НПА).

Так, с 2018 года основополагающим НПА, фиксирующим принципы функционирования системы инициирования и применения контрсанкционных мер, стал Федеральный Закон «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» от 04.06.2018 №127-ФЗ. Положения данного Закона устанавливают открытый перечень возможных инструментов и порядок их применения. Так, среди возможных ответных действий указываются следующие:

1. Прекращение или приостановление международного сотрудничества Российской Федерации с недружественными субъектами в отраслях, определяемых президентом РФ.

2. Запрет или ограничение на ввоз/вывоз сырья и/или продукции, поставляемой враждебными субъектами или субъектам по перечню, устанавливаемому правительством РФ.

3. Запрет или ограничение на выполнение работ, оказание услуг враждебными субъектами на территории РФ по перечню, устанавливаемому правительством РФ.

² Статистика внешней торговли Республики Беларусь [электронный ресурс] : Национальный

статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/>.

4. Запрет или ограничение на участие враждебных субъектов в приватизации и продаже государственного/муниципального имущества.

Закон во многом имеет рамочный характер, предоставляя президенту и правительству обширный инструментарий по определению конкретных мер по противодействию санкционному давлению. При этом участие Совета Безопасности в установлении контрсанкционных мер носит опциональный характер, а уведомление палат парламента не предусматривается в принципе.

Таким образом, специфика Закона №127-ФЗ заключается в:

1. Четкой ориентации Закона на контрсанкционное применение перечисленных мер. Текст Закона №281-ФЗ предусматривает более широкую сферу использования СЭМ, не исчерпываемую контрсанкционными действиями. В частности, предоставление гуманитарной помощи непризнанным республикам Донбасса оказывается в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 06.08.2014 №560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации».

2. Более простой процедуре применения ответных действий, не включающей в себя в обязательном порядке иные органы государственного управления, кроме Президента, Правительства и, при необходимости, Нацбанка.

3. Наличии логико-правовой привязки к т.н. «перечню недружественных государств». Такой перечень был принят Распоряжением Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 №430-р на основании абз.2 п.5 Указа Президента Российской Федерации от 23.04.2021 №243.

Более широкая сфера применения положений Закона №281-ФЗ подтверждается также и нормотворческой практикой,

сложившейся в период после начала специальной военной операции ВС РФ на территории Украины. Так, на основании этого НПА Федеральным Законом от 14.07.2022 №272-ФЗ были внесены определенные изменения в Закон Российской Федерации «Об обороне». Согласно этим изменениям, в целях обеспечения деятельности ВС РФ и иных силовых структур за пределами российской территории Правительством РФ может быть принято решение о введении СЭМ по следующему перечню³:

1. Временная расконсервация мобилизационных объектов и мощностей.

2. Разбронирование материальных ценностей государственного резерва.

3. Ввод на отдельных производствах особого порядка привлечения к работе.

4. Проведение закупок для выполнения гособоронзаказа у единственного поставщика без проведения конкурса.

5. Возложение обязательства на любые юридические лица заключать госконтракты, исполнение которых необходимо для обеспечения проведения операций силовых структур за рубежом.

В свою очередь посредством Федерального Закона от 14.07.2022 №273-ФЗ был внесен ряд изменений в Трудовой Кодекс, которые конкретизируют возможные условия указанного в третьем пункте особого порядка привлечения к работе. В целом, данные изменения направлены на легализацию повышения интенсивности труда сверх общепринятых законодательных норм и сокращение области действия некоторых социальных гарантий работников⁴.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что Закон №281-ФЗ и учреждение института СЭМ позволяет оперативно реализовывать различные мероприятия, направленные на укрепление стабильности национальной экономики, в том числе, и мобилизацию

³ Федеральный закон от 14 июля 2022г. № 272-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140026>

⁴ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 273-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207140052>

отдельных отраслей производства без объявления экстренных правовых режимов.

Заключение.

Залогом успешного социально-экономического развития любой страны и ее экономический рост является наличие успешной внешнеэкономической деятельности. Республика Беларусь является страной с открытой экономикой, успешно осуществляющей внешнюю торговлю. По этой причине страна остро ощущает на себе санкционное давление с Запада как на собственную экономику, так и по отношению к экономике Российской Федерации, как участницы Союзного государства и ЕАЭС. Для обеспечения возможностей по наращиванию Республикой Беларусь экспорта в условиях санкций, одним из условий выступает детальная проработанность договорно-правовой базы на межгосударственном уровне по доступу на внешние рынки и защите отечественного рынка [Королев, 2015].

Санкционное противостояние Союзного государства и Запада привело к ослаблению торгово-экономических связей между двумя крупнейшими экономиками Европы. Страны ЕС теряют целый ряд сегментов рынка. Сдерживаемая в своем развитии экономика Союзного государства вынуждена начать процесс трансформации, двигаться к большей самодостаточности.

Законодательство Союзного Государства, в свою очередь, концентрируется на противодействии внешнему политически мотивированному давлению. При этом наблюдается концентрация на двух основных принципах:

применение ответных симметричных и ассиметричных мер по отношению к иностранным экономическим субъектам и ограничение экстерриториального действия иностранных санкционных мер [Дрожжина, 2018].

В то же время, российский законодатель ориентирован на создание основополагающего, рамочного НПА в области контрсанкционной деятельности, положения которого формируют механизм оперативного принятия решений в режиме «ручного управления».

При этом, активное санкционное давление западных стран только углубило интеграционные связи Беларуси со странами ЕАЭС и особенно с Российской Федерацией:

- Россия и Беларусь отказались от доллара в пользу российского рубля в расчетах за энергоресурсы;

- Правительства двух стран сформировали «карты компетенций» по отраслям обрабатывающей промышленности и машиностроения;

- Были упрощены некоторые таможенные процедуры, отменены некоторые ввозные пошлины и др. меры.

В среднесрочной перспективе ожидается, что санкционное давление спадет при изменении ситуации в Украине, и выиграют те, кто не стал закрывать свой бизнес в российской Федерации и уходил с рынков России и Беларуси. При этом экономическое положение стран Союзного государства вернется на прежний уровень с перспективами роста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B.* Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition. Peterson Institute for International Economics, 2009. Pp. 5, 17.
- Батова Б.З.* Основные угрозы экономической безопасности России и пути их устранения // *Фундаментальные исследования.* – 2021. – № 11. – С. 39-44.
- Кузнецова Г.В.* Россия в системе международных экономических отношений: учебник и практикум для вузов / Г. В. Кузнецова. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 393 с.
- Ломакин В.К.* Мировая экономика: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям и направлениям / В.К. Ломакин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 687 с.
- Марченко М.Н.* Теория государства и права: учебник / М. Н. Марченко. – М., 2020. – 315 с.
- Мешкова А.П.* Международные экономические санкции: вопросы эффективности. – Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2021. – №2. – С. 54-62.

- Шенелев И.Г.* Анализ санкций против России, определение возможного их влияния на развитие отечественного оборонно-промышленного комплекса и промышленности в целом // Экономика, управление и инвестиции. – 2021. – № 2. – С. 53-62.
- Королев А.А.* Евразийство: от идей к современной практике / А.А. Королев // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 1. – С. 38-51
- Дрожжина, Е.В.* Защита государственного суверенитета и предотвращение вмешательства во внутренние дела РФ: европейский опыт. — М.: ИЕ РАН, 2018. – 203 с.
- Господарик Ю.П.* Модернизация концептуальных подходов к экономической безопасности в европейских странах: новые вызовы – новые ответы // Имущественные отношения в РФ – 2020 – №12 (231) – С.7-21
- Тимофеев, И.Н.* Санкции против России: направления эскалации и политика противодействия / Доклад №37/2018 / [И.Н. Тимофеев] ; Российский совет по междунар. делам (НП РСМД). – М.: НП РСМД, 2018. – 32 с.
- Куксевич В.С.* Экономические санкции и специфика их позиционирования в современных международных отношениях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2022. – №1. – С. 283-287.

REFERENCES

- Hufbauer G., Shott J., Elliott K., Oegg B.* Economic Sanctions Reconsidered. Third Edition. Peterson Institute for International Economics, 2009. Pp. 5, 17.
- Batova B.Z.* The main threats to Russia's economic security and ways to eliminate them // Fundamental research. - 2021. – No. 11. – pp. 39-44.
- Kuznetsova G.V.* Russia in the system of international economic relations: textbook and workshop for universities / G. V. Kuznetsova. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. – 393 p.
- Lomakin V.K.* World economy: textbook for university students studying in economic specialties and directions / V.K. Lomakin. – М.: UNITY-DANA, 2019. – 687 p.
- Marchenko M.N.* Theory of state and law: textbook / M. N. Marchenko. – М., 2020. – 315 p.
- Meshkova A.P.* International economic sanctions: efficiency issues. – Bulletin of Omsk University. The series "Economics". – 2021. – No. 2. - pp. 54-62.
- Shepelev I.G.* Analysis of sanctions against Russia, determination of their possible impact on the development of the domestic military-industrial complex and industry as a whole // Economics, management and investment. - 2021. – No. 2. – pp. 53-62.
- Korolev A.A.* Eurasianism: from ideas to modern practice / A.A. Korolev // Knowledge. Understanding. Ability. – 2015. – No. 1. – pp. 38-51
- Drozhzhina, E.V.* Protection of state sovereignty and prevention of interference in the internal affairs of the Russian Federation: European experience. - М.: IE RAS, 2018 - 203 p.
- Gospodarik Yu.P.* Modernization of conceptual approaches to economic security in European countries: new challenges - new answers // Property relations in the Russian Federation - 2020 - No. 12 (231) - P. 7-21
- Timofeev I.N.* Sanctions against Russia: directions of escalation and policy of counteraction / Report No. 37/2018 / [I.N. Timofeev] ; Russian Council for Intern. Affairs (NP RIAC). – М.: NP RSMPD, 2018. – 32 p.
- Kuksevich V.S.* Economic sanctions and the specifics of their positioning in modern international relations // State and municipal management. Scientific notes. - 2022. - No. 1. – . 283-287.

ПРИЛОЖЕНИЕ/APPENDIX

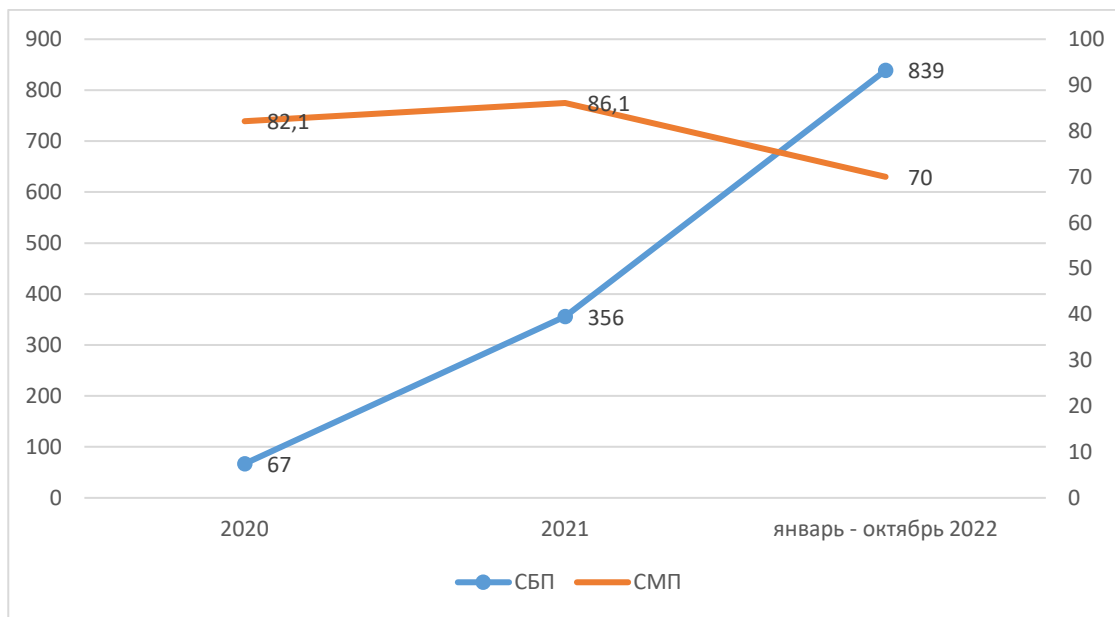

Рисунок 1 – Количество операций в системах мгновенных платежей и быстрых платежей, млн ед.

Примечание: показатели СМП приведены по вспомогательной шкале

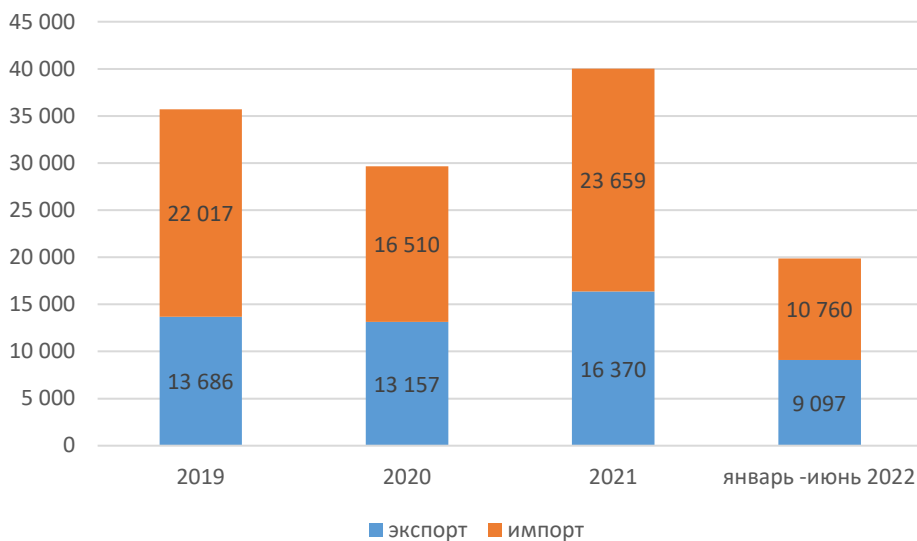

Рисунок 2 – Внешнеторговый оборот Республики Беларусь с Российской Федерацией, млн долл. США

Таблица 1 – Валютная структура взаимных платежей Беларуси и России по сумме платежей 2021 г., %

Вид валюты	Республика Беларусь	
	из	в
Росс. рубль	78,4	80,3
Долл. США	10,0	9,4
Евро	9,3	9,0
Бел. рубль	0,3	0,5
Др. валюта	0,9	0,8

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Сибирская Альбина Васильевна, старший научный сотрудник, ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь: 22072, Республика Беларусь, г. Минск, Ул. Сурганова 1, корп. 2.; .; e-mail:kordik2004@mail.ru

Сулейков Андрей Александрович, научный сотрудник, ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Республика Беларусь: 22072, Республика Беларусь, г.Минск, Ул. Сурганова 1, корп. 2.; .; e-mail:suleykov@bk.ru

Albina V. Sibirskaya, Senior Researcher, GNU "Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus: 22072, Republic of Belarus, Minsk, Surganova str. 1, bldg. 2.; .; e-mail:kordik2004@mail.ru

Andrey A. Suleikov, Researcher, GNU "Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Republic of Belarus: 22072, Republic of Belarus, Minsk, Surganova str. 1, bldg. 2.; e-mail: aguschin78@mail.ru

**РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ /
RUSSIAN-CHINESE RELATIONS**

Научная статья / Research article

**Эволюция термина «стабильность» в международных отношениях:
типы, модели и перспективы трансформации**

Т. Н. Букреева

Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7010-4591>; e-mail: bukreeva@gmail.com

Аннотация. В историческом аспекте в теории международных отношений по состоянию взаимоотношений между субъектами мировой политики были выделены типы стабильности и определены статическая и динамическая модели стабильности мировой системы. В данной работе автор сопоставляет модели стабильности в привязке к состоянию мировой системы, ее конфигурации, отношению к межгосударственным противоречиям, реакции на событийность на международной арене, дает основные характеристики моделей и приводит примеры взаимоотношений государств в рамках доминирующего типа стабильности. Разные государства могут выступать гарантами обеспечения определенного типа стабильности или сдерживающей силой при попытках мировых лидеров установить гегемонию. В этой связи автор рассматривает место России и Китая в поддержании стабильности на глобальном уровне и делает вывод о том, что военный потенциал и опыт России и научно-технологические достижения Китая являются факторами, сдерживающими гегемонизм США в глобальном масштабе. В современных условиях военной конфронтации на Украине и нестабильности в Европе Россия играет роль актора, перетягивающего на себя внимание крупных держав, и «регулятора» стабильности в Евразии, что тормозит полномасштабное противостояние США и Китая. Учитывая тенденцию переустройства мировой системы, динамизм в качестве ключевого свойства состояния международной стабильности и потребность в долгосрочном прогнозировании международных процессов, автор видит необходимость переосмыслить понятие стабильность в аспекте определения ее параметров, отношений между крупнейшими акторами международных отношений и глобальных изменений во всех сферах жизнедеятельности человека. Это позволит лицам, принимающим внешнеполитические решения, иметь объективную картину мира, тенденций его развития и возможностей трансформации, что поможет избежать ошибок во внешней политике.

Ключевые слова: стабильность, типы стабильности, модели стабильности, конфронтация, международные отношения, статическая стабильность, динамическая стабильность, Россия, Китай.

Для цитирования: Букреева Т.Н. Эволюция термина «стабильность» в международных отношениях: типы, модели и перспективы трансформации // Постсоветские исследования. 2023;6(6):704-715.

The Evolution of the Term ‘Stability’ in International Relations: Types, Models and Perspectives of Transformation

Tatiana N. Bukreeva

Southwest State University, Kursk, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7010-4591>; e-mail: bukreeva@gmail.com

Abstract. In historical perspective, according to the relationship between the actors of world politics, the international relations theory has identified types of stability and specified static and dynamic stability models. In the article, the author has compared stability models in relation to the current state of the world system, its shape, attitude to interstate contradictions, and reaction to

global affairs, gives the characteristics of the models and introduces the examples of interstate relations within the dominant type of stability. States can act as guarantors of a certain type of stability or as a deterrent for hegemonic leadership. In this regard, the author has reviewed the place of Russia and China in maintaining global stability and concluded that Russia's military experience and China's technological achievements are the constraints on American hegemony. In the conditions of military confrontation in Ukraine and instability in Europe, Russia focuses major powers' attention on itself, thereby acts as a 'stability regulator' in Eurasia, which slows down the US-China confrontation. Taking into account the trend of reorganization of the world system, dynamism as a key feature of international stability and the need for long-term forecasting of international processes, the author has noticed the necessity to rethink the stability concept in terms of determining its parameters, relations between the largest international actors and global changes in all spheres of human life. This will allow foreign policy decision-makers to have a true picture of the world, its development trends and transformation, and as a result to avoid foreign policy failures.

Keywords: stability, types of stability, models of stability, confrontation, international relations, static stability, dynamic stability, Russia, China.

For citation: Tatiana N. Bukreeva. The Evolution of the Term 'Stability' in International Relations: Types, Models and Perspectives of Transformation // *Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies*. 2023;6(6):704-715. (In Russ.).

Введение. В научной среде, тем более в практике международных отношений, начиная с 20 века все активнее используется термин стабильность в различных его конфигурациях: гегемоническая стабильность, конфронтационная стабильность, стратегическая стабильность и т.д. В практической деятельности понятие стабильность трактуется довольно широко, а существенные особенности термина, порой, известны только декларирующим субъектам или представителям академических кругов. В документах ООН имеются весьма расплывчатые формулировки, что также не позволяет прояснить ситуацию¹. К тому же, динамика международной обстановки, начиная с 1991 г., стремительно менялась, причем кардинально, что по субъективным (например, инерционность мышления) и объективным (например, сложность прогнозирования – вероятность и горизонт) причинам не позволило подготовить терминологический аппарат на относительно длинные периоды в будущем. В связи с этим в работе поставлена цель

проследить эволюцию понятия «стабильность» в аспекте типов и моделей стабильности, а также предложить перспективы развития терминологического аппарата.

Для достижения поставленной цели были предприняты попытки решить следующие задачи: проанализировать эволюцию понятия стабильность, представить типы и модели стабильности в контексте международных событий, рассмотреть взгляды исследователей на развитие мировой системы, сделать вывод об актуальности понятийного аппарата, принимая во внимание векторы возможных трансформаций мира.

Эволюция термина «стабильность» на рубеже XX-XXI веков.

В историческом аспекте исследователями теории международных отношений по типу взаимоотношений между субъектами мировой политики были выделены несколько типов стабильности, каждый из которых преобладал на определенном этапе развития мировой системы. Так, период после окончания Второй мировой войны и вплоть до 1962 года (Карибского кризиса) в академических кругах отождествляют с моделью конфронтационной стабильности (по Дж.Л. Гэддису (1986) трактуемой как тип

¹ Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml.

стабильности в основе которой лежит страх взаимного уничтожения) в условиях преобладания в мировой системе биполярности с противостоянием США и СССР. Некоторые исследователи расширяют этот период до 1991 г., когда было прекращено противостояние капиталистической и социалистической систем.

Теоретики политической экономии (Р. Кохейн (1984), Р. Гилпин (1988)) с точки зрения мировых экономических процессов, влияющих на расстановку сил на международной арене, разработали теорию гегемонической стабильности, обеспечение которой возлагается (берет на себя по собственной инициативе) на одного мирового лидера, обладающего достаточными ресурсами, капиталом, преимуществом в производстве высокоценных товаров (высокотехнологической продукции, например: полупроводниковые приборы). В качестве примера исследователи приводят период с 1945 по 1965 гг., когда США, накопив значительные финансовые, материальные и человеческие ресурсы за период Второй мировой войны, посредством создания мировой финансовой системы (в частности, в рамках Бреттон-Вудской конференции), получили существенные преимущества относительно других стран мира. СССР в этот период параллельно с наращиванием экономического потенциала устранял последствия войны на своей территории и был вынужден вступить в «ядерное» противостояние. Япония и Германия были проигравшими сторонами, на которые наложены репарации.

В дальнейшем экономические успехи США постепенно уменьшились, а с началом энергетического кризиса были оголены и значительные недостатки. При этом страны противоборствующих систем постоянно предпринимали попытки нанести ущерб оппоненту посредством втягивания в локальные военные и иные конфликты (Корейская война, войны во Вьетнаме, Афганистане, Никарагуа и т.д.). Таким образом, состояние гегемонической стабильности установилось с 1991 г., а гегемоном являлись США.

С началом специальной военной операции (СВО) России, с одной стороны, заговорили о беспрецедентной помощи США Украине как об очередной попытке с помощью союзных государств сохранить мировую гегемонию, с другой стороны, в политическом дискурсе все чаще стали оперировать понятием стратегическая стабильность, включающее в себя как общие, так и более специальные (узконаправленные) интерпретации. Можно предположить, что с точки зрения теоретических подходов к определению стабильности, стратегическую стабильность можно рассматривать как «радикальную» версию конфронтационной, поскольку в обоих случаях речь идет о столкновении акторов мировой политики с разницей в использовании смягченно-нейтральной формулировки (отход от прямой «конфронтации» к «стратегии выживания»), однако по сути предостерегающее от катастрофических последствий от использования оружия массового поражения.

В общем смысле отечественные и зарубежные исследователи рассматривают стратегическую стабильность как отсутствие стимулов первыми наносить ядерный удар. По мнению А.А. Кокошина, стабильность обеспечивается за счет создания ряда военно-технических условий (например, РВСН), сокращающих вероятность возникновения конфликтных ситуаций, влекущих за собой применение ядерного оружия, а в случае необходимости нанесения ответного ядерного удара способность преодолеть средства противоракетной обороны (ПРО) агрессора [Кокошин 2018: 15]. Таким образом, оформление понятия стратегическая стабильность связано с развитием достижений в военно-технической сфере СССР и США в 1960-х годах, что послужило переходом взаимоотношений двух стран от конфронтации до более высокого уровня противостояния с применением ядерного оружия, что нашло отражение в национальных стратегиях безопасности.

Смена типов стабильности (1945-1991 гг.) происходила в рамках одной модели – статической, характеризующейся

силовым равновесием, разделением между лидерами сфер влияния, доминированием одной конфигурации мировой системы (в нашем случае биполярности), изоляцией конфликтных ситуации (Камбоджийско-вьетнамская война 1975-1989 гг., Ирано-иракская война 1980-1988 гг. и т.п.). Однако, с процессом глобализации, технологические возможности стран выходят на новый уровень, вместе с тем увеличивается взаимозависимость государств друг от друга, появляются новые виды угроз (например, международный терроризм), проявления которых выходят далеко за пределы региона и оказывают влияние на мировое сообщество в целом. Такая трансформация мировой системы, как отмечает А.Д. Богатуров, заставляет говорить о стабильности с позиции динамики, то есть способности компенсировать угрозы в случае их возникновения за счет внутренних адаптационных возможностей системы [Богатуров 1996: 19].

Примером движения к модели динамической стабильности служит период «перестройки» и подписания в 1987 г. М. Горбачевым и Р. Рейганом договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), когда были предприняты попытки перезагрузки отношений и перехода от конфронтации к кооперации [Богатуров 1996: 36].

С распадом СССР, упразднением ОВД и последующих событий в Югославии, с одной стороны, конфигурация мирового порядка стала трансформироваться в направлении однополярности с США в роли гегемона, с другой стороны, на политической карте появились новые государства, которые стали предпринимать шаги в поиске своего места в мировом сообществе. И если страны бывшей Югославии, в целом, ОВД, а также страны Балтии довольно быстро интегрировались в европейское пространство (несмотря на ситуацию с Косово), то государства Центральной Азии, являясь «воротами» в Восточную Азию и занимая важное геополитическое положение в регионе, стали объектами активной внешней политики целого ряда региональных и

внерегionalных лидеров. Таким образом, начало 1990-х годов отмечено активным развитием двусторонних отношений в ключе динамической модели стабильности: разногласия уравниваются взаимными выгодами, а колебания в обе стороны от негативных ситуаций к приобретениям не только не разрушают отношения, а наоборот, заставляют находить новые пути решения проблем. До 2014 г. подобный динамизм, по мнению ряда авторов, был в отношениях России и Украины.

Придерживаясь теории реализма, можно утверждать, что идеальных эталонных отношений между государствами не существует, любое государство, прежде всего, будет отстаивать свои интересы, руководствуясь вопросами обеспечения национальной безопасности. В этой связи можно с определенной долей уверенности утверждать, что модель статической стабильности (конфронтационного типа) в двусторонних отношениях устанавливается в том случае, если хотя бы одна из сторон признает другую враждебной и декларирует это на международной арене, закрепляя это законодательно. Например, занесение США Сирии, Ирана, КНДР и Кубы в список государств-спонсоров терроризма, свидетельствует о конфронтационном типе статической стабильности. Маловероятно, что в ближайшем будущем появятся «компенсирующие» механизмы, способные уравновесить различного рода потери (экономические, политические, репутационные), полученные в результате подобного внешнеполитического приговора США.

Таким образом, модель стабильности мировой системы во многом определяется доминирующими моделями двусторонних отношений ключевых акторов международных отношений. Однако и это утверждение носит относительный характер, т.к., во-первых, на международной арене формируются блоки (союзы и прочие объединения государств с различной степенью интеграции), во-вторых, с 1950-х гг. появились весьма крупные частные акторы мировой политики (ТНК и ТНБ), бюджет которых сравним с бюджетом

небольшого государства. В связи с чем возникает большое количество разновекторных и разнохарактерных связей, что усложняет многие мировые процессы и, соответственно, их интерпретацию.

В целом, особенности моделей стабильности можно представить в табличной форме с указанием характерных признаков и исторических периодов (табл. 1). Динамичность мировой системы обусловлена как естественными процессами (экологические катастрофы, проблемы с продовольствием), так и искусственными угрозами, которые являются основными. Однако если первые не всегда можно спрогнозировать, то последние по большей части могут создаваться с долгосрочной перспективой.

Разные государства могут выступать или гарантами обеспечения определенного типа стабильности, или, наоборот, сдерживающей силой при попытках мировых лидеров установить гегемонию в мировом масштабе.

Так, стимулирование развития Китая со стороны США и ряда других стран, а также поведение КНР (стремление к развитию независимой науки, техники и технологии, опора на национальные финансы), несмотря на внешние проявления (политика невмешательства) привели к росту авторитета Китая в мире, мнение которого, как говорится, звучит «все громче». Обличительный посыл китайского руководства в адрес гегемонического поведения США также становится более явным. 20 февраля 2023 г. китайское информационное агентство China News опубликовало доклад «Американская гегемония, тирания и буллинг и их опасность», обвиняющий США в злоупотреблении политической, военной, экономической, финансовой, технологической и культурной гегемонией, серьезный ущерб от которой американская сторона нанесла международной стабильности и благополучию народов всех стран¹. Данная позиция разделяется и

представителями научных кругов Китая. Основоположник теории «морального реализма» Янь Сюэтунь, говоря о политике США в отношении Китая, отмечает ее трехаспектный подход, заключающийся в осуществлении целенаправленных шагов в трех направлениях: сотрудничества (климатическая повестка, энергетика и т.п.), конкуренции (технологии, аэрокосмическая отрасль, финансы, инвестиции и т.п.) и конфронтации (повестка «права человека», Синьцзян, Тибет, Тайвань, Гонконг, спорные территории в Южно-китайском море)². Причем, по мнению китайского исследователя, именно «устранение» конкурентоспособного Китая из области высокотехнологической продукции и проектов развития искусственного интеллекта (OpenAI, 5G Alliance) является главным инструментом вытеснения оппонента, угрожающего гегемонической стабильности во главе с США, о чем также свидетельствует динамика экономических и социальных показателей.

Подтверждающим фактом можно считать список китайских научных достижений мирового уровня за 2017 год, опубликованный на официальном сайте Центрального народного правительства КНР, куда вошли следующие результаты деятельности китайских ученых и практиков в различных областях³: введение в эксплуатацию высокоскоростной поезд «Фусин» со скоростью 350 км в час, создание прототипа оптического квантового компьютера, запуск квантового спутника «Мо-цзы», полет первого китайского авиалайнера C919 и т.д. В 2020 году к этим достижениям добавился запуск китайской

² 阎学通：中美关系是这样的发展趋势？ // Sohu, 05.05.2023. URL:

https://www.sohu.com/a/673029652_119802 (на русс. Ян Сюэтунь: Это и есть тенденция развития китайско-американских отношений?)

³ 高密度发射同时保持高成功率 2021 年我国航天发射次数居世界第一 官方网站 中央人民政府 中国新闻网. URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-01/19/content_5669204.htm (на русс. Увеличение количества запусков при сохранении высокого коэффициента результативности. В 2021 году по количеству космических запусков моя страна заняла первое место в мире).

¹ 美式霸权危害世界和平稳定 // Chinanews, 27.02.2023. URL: <https://www.chinanews.com.cn/gj/2023/02-27/9961265.shtml> (на русс. Американская гегемония ставит под угрозу мир и стабильность во всем мире).

автоматической межпланетной станции «Тяньвэнь» с целью проведения исследований на Марсе. В 2021 г. количество космических запусков в Китае достигло 55 раз, что выводит Китай на первое место в мире по количеству космических запусков в год. В планах Китая построить третью в мире многомодульную космическую станцию «Тяньгун».

Австралийский институт стратегической политики (ASPI) 2 марта 2023 г. опубликовал заявление, что Китай лидирует в 37 из 44 областей по разработке критических и новейших технологий, осуществляемых в рамках государственных программ. Австралийские аналитики отмечают, что очевидным становится прорыв Китая в разработке передовых авиационных двигателей и гиперзвуковых ракет, а потенциал Китая в области фотонных датчиков и квантовой связи позволит китайской разведке «уйти в тень» для наблюдения за западными коллегами, включая альянс «Пять глаз» (FVEY) Великобритании, США, Австралии, Канады и Новой Зеландии¹.

Свидетельством вышесказанному является отражение динамики расходов на НИОКР, а также их доля в ВВП. Можно отметить поступательный рост с 2016 по 2022 гг. как абсолютных, так и относительных показателей (Рис. 1).

В то же время Россия как правопреемница СССР обладает значительным ядерным потенциалом и представляет для США военную угрозу в случае прямого и безысходного конфликта. Можно сказать, что в данном случае за счет России в мировом масштабе обеспечивается стратегическая стабильность, серьезной угрозой которой также служат ежегодно растущие оборонные расходы США, далеко опережающие по этому показателю остальные страны. К примеру, согласно отчету SIPRI, в 2022 году ассигновали на оборонные нужды 877 долл., Китай – 292

млрд долл., а Россия – 86,4 млрд долл.². Из чего можно предположить, что в случае угасания военных действий и нормализации ситуации на Украине США готовятся к активным деструктивным действиям в Азиатско-Тихоокеанском регионе, запуская механизм открытого противостояния с Китаем в Тайваньском проливе. Таким образом, долгосрочный очаг нестабильности в Европе, выросший на почве исторических и этнических противоречий между Россией и Украиной, стал своеобразным сдерживающим фактором, тормозящим полномасштабное противостояние США по всем направлениям с Китаем.

В этой ситуации интерес представляет исследование Европейского центра прогнозов и исследований (EIU), в котором они произвели группировку стран по занимаемой ими позиции к России на фоне конфронтации с Украиной. В рамках изыскания все страны разделили на пять групп: от поддерживающих Россию до противостоящих ей. По результатам исследования Китай находится в группе стран, которые склоняются на сторону России (в графическом виде результаты исследования представлены на рисунке 2). Следует отметить, что на рисунке EIU отнес Крымский полуостров и часть территории выше него к Украине, однако по всенародному волеизъявлению эти территории вступили в состав Российской Федерации.

Таким образом, России в современных условиях играет роль актора, перетягивающего на себя внимание крупных держав, и «регулятора» стабильности в Евразии. Эксперт в области международных отношений Д. Тренин отводит России особую миссию «поддерживать многофакторное равновесие в мире», которая в настоящее время воплощается в обеспечении глобальной стратегической, геополитической, энергетической стабильности в условиях противоборства США и Китая [Тренин 2021: 89].

¹ Needham K. China leads US in global competition for key emerging technology, study says // Reuters, 02.03.2023. URL: <https://reuters.com/technology/china-leads-us-global-competition-key-emerging-technology-study-says-2023-03-02/>.

² Совокупные мировые военные расходы в 2022 году достигли \$2,24 трлн // ТАСС, 24.04.2023. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17589453>.

Рассматривая вопрос с позиции противостояния США с двух направлений, военной мощи – Россия и экономической – Китай, и принимая во внимания тот факт, что США являются страной-членом НАТО, то очевидной на данном этапе становится повестка о создании Россией и Китаем оборонительного союза. Помимо национального подхода Китая к внешней политике с позиции невмешательства, другим фактором, ограничивающим формирование данной коалиции, является очевидная взаимозависимость Китая и США.

Взаимозависимость двух стран, схематично показанная на рисунке 3, с одной стороны, обеспечивает динамическую стабильность двусторонних отношений и не дает конфронтации перерасти в открытое военное столкновение, с другой стороны, мешает Китаю говорить с США «на равных» и не отвечать на санкции оппонента встречными санкциями, а первыми предпринимать более активные действия, отходя от принципа «наилучшая тактика – не вступать в сражение». Кроме того, как в России, так и в Китае имеется немало сторонников глобализма и прозападного режима из числа крупных бизнесменов и политиков, защищающих и продвигающих, прежде всего, свои финансовые интересы в США. К примеру, в марте 2023 г. крупнейшие новостные агентства обнародовали информацию о получении семьей Байдена от китайской компании из Шанхая более 1 млн долл.. Что только подтверждает мысль А.С. Маныкина о том, что одной из главных угроз стабильности в современном мире является элита, страновая или глобальная, дестабилизирующая ситуацию в стране или в целом регионе для получения выгод [Маныкин 2009: 509]. А в случае обсуждения перспективы создания военного союза между Россией и Китаем высока вероятность того, что этими силами для «объединения» двух стран будут создаваться преграды политического, экономического, дипломатического и другого характера.

Таким образом, в настоящее время международная стабильность является труднодетерминированным явлением,

которое, однако, имеет различные трактовки. При этом сложность современного мироустройства, значительная интеграция национальных государств, относительно высокая численность населения, большой накопленный совокупный военный потенциал и многосубъектность системы формирования («международной стабильности») не позволяют однозначно определить состояние, динамизм которой увеличивается. В итоге, возникает ситуация, когда научные исследования могут отставать от действительности и ближайшей перспективы, т.е. описывать события прошлых лет или же использовать адекватные в прошлые периоды модели к сегодняшним реалиям и построению картины будущего, где модель уже не соответствует. Таким образом, определенное событие или состояние пытаются «поместить» в определенные рамки, однако в этой ситуации, предположительно, результаты научных изысканий не вполне будут соответствовать действительности.

Тенденции трансформации международной системы и соответствующего понятийного аппарата.

Результаты анализа показали, в своей эволюции терминология прошла ряд периодов, но в настоящее время масштабной перестройки мировой системы, когда будущее детерминируется только как вероятностные сценарии развития с относительно невысокой степенью, потребность в модернизации определения (понятийного аппарата) не просто назрела, а нуждается в разработке на перспективу. Не исключением является и термин «стабильность», которому необходимо «подстраиваться» под изменения, происходящие в мировой системе, учитывая новые общественные вызовы и угрозы, влияющие на миропорядок. Это связано как с крупными субъектами мировой системы, так и с перспективой жизни каждого жителя планеты. Так, А.Ю. Школьников указывает, что «высокая специализация очень выгодна в условиях стабильности, но крайне опасна в эпоху перемен» [Школьников 2020]. А.И. Фурсов отмечает, что определенные круги предполагают в будущем разделение

населения планеты на две группы по биологическому принципу в зависимости от среды обитания, рациона питания и длительности жизни¹. Это может привести к прямым столкновениям за среду обитания.

С позиции антропологического подхода к изучению социальных процессов Э. Тодд указывает, что никогда еще человеческие общества таких размеров не были настолько богатыми, старыми, образованными и настолько лишенными коллективных верований. При этом поясняет, что мы можем предвосхитить некоторые элементы будущего, имеющие отношение, например, к семейным структурам, закату религиозных верований, возврату к экономическому протекционизму и появлению зон анархии [Тодд 21: 36].

По мнению М.Г. Делягина, в настоящее время происходят два процесса: завершение периода глобализации и переход к следующему циклу мирового развития, заключающегося в разделении единого мирового рынка на макрорегионы [Делягин 2020: 5-8]. Вполне вероятно, что данные макрорегионы будут взаимодействовать с позиции соперничества и конфронтации. В свою очередь, М.М. Шумилов в своей работе говорит о том, что экономический кризис 2008-2009 гг. положил конец восходящему тренду глобализации [Шумилов 2022: 19-34].

А.Ю. Школьников на заседании круглого стола в пресс-центре издательского дома «Аргументы и факты» «Стратегические итоги 2018-го и перспективы 2019 г. для России» отметил, что «мир распадается на панрегионы; но не менее интересно, каких сценариев мы уже смогли избежать. Сценарий сохранения глобального мира, построенного на праволиберальных мыслях, практически закрылся. Последние попытки Китая в 2018 г. построить «один пояс, один путь», насколько можно судить, закончились неудачей» [Делягин 2019: 5-13].

Как видно, прогнозы развития международного положения достаточно разнообразны, причем вероятностный характер, сложность подсистем и турбулентность процессов не позволяют сделать окончательный выбор. Это осложняет вопрос о формировании адекватного понятийного аппарата для международного состояния в будущем, но при этом указывает на необходимость его создания. Схожую точку зрения обозначил Ф.Н. Салимов. Указывая на междисциплинарность науки о международных отношениях и ее медиацию, выражающуюся в переосмыслении процессов взаимодействия между государствами через призму разных областей знаний (не только политологии, но и социологии, истории, антропологии, культуры, экономики и т.д.), исследователь предлагает рассматривать стабильность в связке «человек-общество», «человек-природа», «общество-природа» и т.д. с перспективой выделения новых типов стабильности [Салимов 2010: 6].

В настоящее время достаточно сложно, а порой, невозможно очертить институциональные системы обеспечения стабильности. При этом можно предположить, что динамизм как одно из ключевых свойств состояния международной стабильности, сохранится. Однако параметры, уровни, а тем более методики расчета трудно детерминированы. Одна из возможностей, это определение наиболее вероятных прогнозов, их анализ и подготовка соответствующего понятийного аппарата, чтобы лица, принимающие решения, имели объективную и адекватную картину мира и его регионов, тенденций их развития и возможности трансформации.

Выводы. Современная картина мира и конфигурация мировой системы значительно отличаются от ситуации еще нескольких десятков лет назад: сменяются исторические периоды, повышается вовлеченность акторов международных отношений в межгосударственные противоречия, появляются новые угрозы глобального масштаба. Что в свою очередь влияет на состояние мировой системы,

¹ Фурсов А.И. Андрей Фурсов: смогут ли ультраглобалисты навязать миру новый мировой порядок? // Business-gazeta, 08.08.2021. URL: <http://https://www.business-gazeta.ru/article/518372>.

находящейся в постоянном движении с целью компенсации последствий вызовов и самосохранения. Динамизм трансформаций не позволяет получить точное (с высокой вероятностью) описание текущей ситуации, хотя элементы управляемости наблюдаются даже невооруженным взглядом. Однако перспективы развития международной системы различными исследователями рассматриваются по-разному, при этом большинство сходится во мнении ее

существенной трансформации и переустройства с учетом различных факторов жизнедеятельности человека. В этой ситуации понятийный аппарат теории международных отношений подлежит соответствующему развитию, в частности, необходимо переосмысление понятия стабильность с целью обеспечения адекватности описываемых состояний мировой системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богатуров А.Д.* Современные теории стабильности и международные отношения России в Восточной Азии в 1970-90-е гг. М.: МОНФ; ИСКРАН, 1996. 246 с.
- Деягин М.Г.* Проектность как новое свойство истории // Свободная мысль, 2020. №3 (1681). С.5-8.
- Деягин М.Г., Лукьянов Ф.А., Марков С.А., Школьников А.Ю., Хазин М.Л.* Стратегические итоги 2018-го и перспективы 2019 года для России // Свободная мысль. 2019. №1 (1673). С.5-13.
- Кокошин А.А.* Стратегическая стабильность в условиях критического обострения международной обстановки // Полис. Политические исследования. 2018. №4. С.7-21.
- Манькин А.С.* Основы общей теории международных отношений : учебное пособие / Под ред. А.С. Манькина. М.: Изд-во Московского ун-та, 2009. 589 с.
- Салимов Ф.Н.* Понятие стабильность в науке о международных отношениях // Вестник таджикского национального университета. 2010. №1(57). С.3-6.
- Тренин Д.* Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия. – М.: Альпина Паблшер, 2021. 471 с.
- Тодд Э.* Куда мы идем? История развития человечества глазами антрополога / Перед с франц. – М.: Эксмо, 2021. 512 с.
- Школьников А.Ю.* Национальные стратегии: геостратегический взгляд на будущее мира и России. – СПб.: Corvus, 2020. 544 с.
- Шумилов М.М.* «Торговая война» США и КНР в контексте деглобализации и реидеологизации международных отношений (часть 1) // Управленческое консультирование. 2022. №4 (160). С.19-34
- Gaddis J.L.* The Long Peace: Elements of Stability in the Postwar International System. *International Security*, vol. 10, no. 4, 1986, pp. 99-142.
- Gilpin R.* The Theory of Hegemonic War. *The Journal of Interdisciplinary History*, vol. 18, no. 4, 1988, pp. 591-613.
- Keohane R.O.* After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton University Press, 1984. 312 p.

REFERENCES

- Bogaturov A.D.* Sovremennye teorii stabil'nosti i mezhdunarodnye otnosheniya Rossii v Vostochnoj Azii v 1970-90-e gg. M.: MONF; ISKRAN, 1996. 246 s.
- Delyagin M.G.* Proektnost' kak novoe svojstvo istorii // Svobodnaya mysl', 2020. №3 (1681). S.5-8.
- Delyagin M.G., Luk'yanov F.A., Markov S.A., SHkol'nikov A.YU., Hazin M.L.* Strategicheskie itogi 2018-go i perspektivy 2019 goda dlya Rossii // Svobodnaya mysl'. 2019. №1 (1673). S.5-13
- Kokoshin A.A.* Strategicheskaya stabil'nost' v usloviyah kriticheskogo obostreniya mezhdunarodnoj obstanovki // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018. №4. S.7-21.
- Manykin A.S.* Osnovy obshchej teorii mezhdunarodnyh otnoshenij : uchebnoe posobie / Pod red. A.S. Manykina. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2009. 589 s.

- Salimov F.N.* Ponyatie stabil'nost' v nauke o mezhdunarodnyh otnosheniyah // Vestnik tadjhikskogo nacional'nogo universiteta. 2010. №1(57). S.3-6.
- Trenin D.* Novyj balans sil: Rossiya v poiskah vneshnepoliticheskogo ravnovesiya. – M.: Al'pina Pabliher, 2021. 471 s.
- Todd E.* Kuda my idem? Istoriya razvitiya chelovechestva glazami antropologa / Pered s franc. – M.: Eksmo, 2021. 512 s.
- Shkol'nikov A.Yu.* Nacional'nye strategii: geostrategicheskij vzglyad na budushchee mira i Rossii. – SPb.: Corvus, 2020. 544 s.
- Shumilov M.M.* «Torgovaya vojna» SSHA i KNR v kontekste deglobalizacii i reideologizacii mezhdunarodnyh otnoshenij (chast' 1) // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2022. №4 (160). S.19-34
- Gaddis J.L.* The Long Peace: Elements of Stability in the Postwar International System. International Security, vol. 10, no. 4, 1986, pp. 99-142.
- Gilpin R.* The Theory of Hegemonic War. The Journal of Interdisciplinary History, vol. 18, no. 4, 1988, pp. 591-613. JSTOR, <https://doi.org/10.2307/204816>. (дата обращения 21 мая 2023).
- Keohane R.O.* After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. Princeton University Press, 1984. 312 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ / APPENDIX

Таблица 1

Сопоставление моделей стабильности в международных отношениях Comparison of stability models in international relations⁸

	Статическая	Динамическая
Исторический период	Вторая половина XX века (1945-1991 гг.)	С 1991 г.
Состояние мировой системы	Не меняется, присутствует силовое равновесие и сферы влияния	Трансформируется, в т.ч. под влиянием нового вида угроз международного масштаба
Конфигурация мировой системы	Доминирование одной из конфигураций: однополярной, биполярной, многополярной	Изменение конфигурации (полюсности)
Отношение к межгосударственным противоречиям	Изоляция конфликтных устремлений	Взаимодействие конфликтных устремлений и их уравнивание общими интересами (взаимозависимость)
Реакция на событийность в мировой системе	Смена типа стабильности: гегемонической, конфронтационной, стратегической	Адаптация к изменениям, гашение колебаний, вызванных дестабилизирующими факторами

⁸ Составлено автором.

Рисунок 1

**Финансирование Китаем НИОКР и интенсивность вложений в 2016–2022 гг.
China's R&D expenditure and investment intensity in 2016–2022⁹**

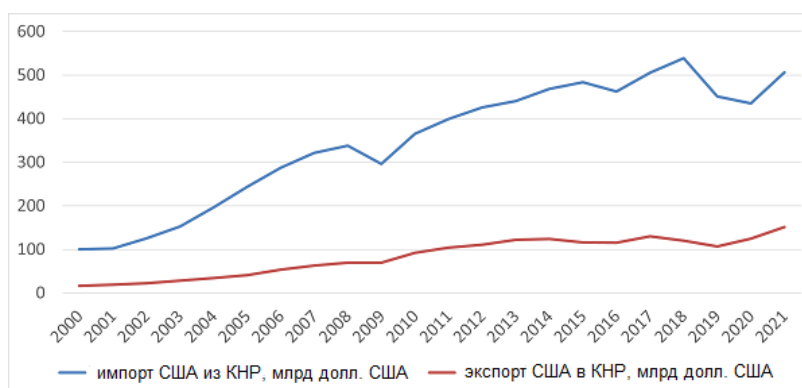
Рисунок 2

**Позиции стран по отношению к России в контексте событий на Украине
Countries' positions on the Russia-Ukraine conflict¹⁰**

Рисунок 3

**Китайско-американская двусторонняя торговля, 2000–2021
China-US bilateral trade, 2000–2021¹¹**

⁹ Официальный сайт Информационного бюро Госсовета КНР URL: <http://www.scio.gov.cn/xwfbh/jjxwfyf/wz/document/1735817/1735817.htm>

¹⁰ Fleck A. Where countries stand on Russia. Statista. URL: <https://www.statista.com/chart/29915/global-stance-on-russia>

¹¹ Институт развивающихся стран при Министерстве экономики, торговли и промышленности Японии URL: https://www.ide.go.jp/English/ResearchColumns/Columns/2022/ian_coxhead.html

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Букреева Татьяна Николаевна,
старший преподаватель кафедры
международных отношений и
государственного управления, Юго-
Западный государственный университет.
Курск, Россия. (E-mail:
bukreeva@gmail.com).

Tatiana N. Bukreeva, Senior Lecturer of the
Department of International Relations and
Public Administration, Southwest State
University. Kursk, Russia. (E-mail:
bukreeva@gmail.com).